

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

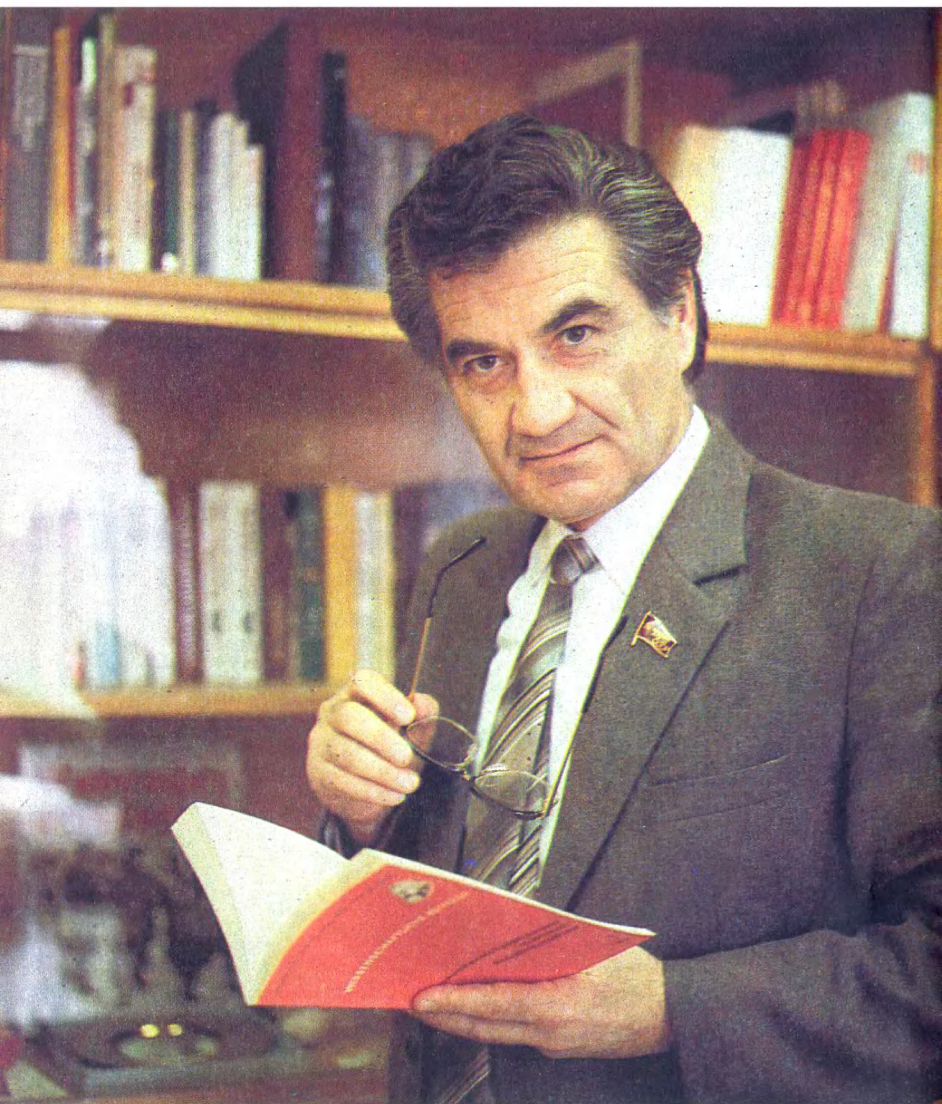
ISSN 0132-0831

1

1990

**Министры юстиции
СССР и США:
первый контакт**

Народный депутат СССР, доктор юридических наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС Т. М. Шамба — глава делегации Советского комитета защиты мира подписал в Сан-Диего (штат Калифорния) Договор граждан СССР и США об экологической безопасности.

Тарас Миронович активно участвует в совершенствовании советского законодательства в период формирования правового государства.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 1 (229) ЯНВАРЬ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

- «Все дети наши, и мы за них в ответе». Беседа с народным депутатом СССР, директором школы-интерната № 1 г. Сыктывкара А. А. КАТОЛИКОВЫМ 3
- М. ПАНКИН. Без вины виноватые. О проблемах занятости пенсионеров 12
- Комментирует пресс-центр МВД СССР 17

20

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- В. ЗВЯГИНЦЕВ. Как узаконили беззаконие 20

32

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Преодоление бюрократизма: иллюзии и надежды. «Круглый стол» журнала 32, 64

49

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

- НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В. ДЕМИН. Забастовка. Комментарий юриста к Закону СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» 49
- ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА 58
- СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
- В. СЛАВИН. Нукла выздоровела! 59
- ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 61, 128
- ОТ «А» ДО «Я»
- Ю. ПУЗАНОВ. Тайна переписки 62
- РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 31, 63
- КНИЖНАЯ ПОЛКА
- Все о нотариате 76

77

СОБЕСЕДНИК

- Министр юстиции США — гость Москвы 77
- ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»
- Кто защитит милиционера? 81

83

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

Ю. ИДАШКИН. **Диагноз?**
 Политический! Был ли
 И. Сталин параноиком 83

91

С. С. ТРОЙНИЦКИЙ. «Две
 танцовщицы» на нокаде.
 Повесть 91

123

САТИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Н. КВИТКО. Зачем парни-
 махеру министр? 123

126

КРОССВОРД
 Знаете ли вы право? 126

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Министр юстиции СССР В. Ф. ЯКОВЛЕВ и министр юстиции США
 Р. ТОРНБЕРГ во время переговоров. Читайте материал на стр. 76.

Фото А. ЗЕЛЕНКОВА

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
 Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
 В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
 И. В. ИЛЬИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,
 В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,
 П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
 Е. В. СМИРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,
 А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ,
 И. Ф. ШИЛОВ.

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА
 Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

«ВСЕ ДЕТИ НАШИ, И МЫ ЗА НИХ В ОТВЕТЕ»

**Наш собеседник — народный депутат СССР,
народный учитель СССР,
член-корреспондент АПН СССР,
член правления Детского фонда имени В. И. Ленина,
директор школы-интерната № 1 Сыктывкара —
Александр Александрович КАТОЛИКОВ**

Дверь в директорский кабинет была распахнута. Входили к нему без стука, решали массу вопросов: о квартирах, об установлении квартирных телефонов, об устройстве в детсады, об отправке в пионерский лагерь и за границу по турпутевкам, об оформлении на работу...

За столом, заваленным бумагами, сидел высокий, могучего сложения мужчина. Он поднялся, чтобы открыть окно, и я заметила около стула массивную палку.

...Мотор автобуса с детьми заглох на железнодорожном переезде. Ребята в белых рубашках и пионерских галстуках еще пели бодрую песню, но она оборвалась. В наступившей тишине боролись два звука: стартер и стук колес приближающегося поезда. Католиков вскочил, распахнул дверцу, закричал: «Вылезайте все!» Ребята выпрыгивали из застрявшего автобуса, а он выталкивал, выбрасывал на полотно тех, кто, растерявшись, мешкал. Никто не кричал и не плакал, даже если больно ударялся голыми коленками о рельсы. Потом наступило мгновение, безнадежно короткое, но достаточное, чтобы все тридцать поняли: там, в автобусе, остался единственный взрослый человек, спасший всем им жизни,— директор Дворца пионеров Александр Александрович Католиков...

Его накрыло автобусом, перевернуло, потащило между шпалами. Нашли его без сознания, почерневшего, заваленного бревнами, выпавшими из вагона. Увезли в больницу без особой надежды. Через несколько дней он пришел в себя... Гипс сковывал все тело. В палату входили сотрудники Дворца пионеров. Католиков не отвечал на их вопросы о здоровье. Он спрашивал, прижился ли новый руководитель кружка, готов ли ансамбль песни и пляски к поездке, все ли машины в гараже исправны. Когда выяснялось, что-то не в порядке, он повышал голос, чем вызывал беспокойство медсестер, писал записки, кого-то вызывал в палату, словно в свой кабинет.

Потом больного перевели домой. Он лежал в постели. На груди у него стоял телефон, рука лежала на трубке.

Восемь месяцев пролежал в гипсе. Ноги перебиты, собраны кое-как. Руки поломаны. Инвалидность. Казалось бы, никакого просвета впереди. Но Католиков не только поднялся, а еще нашел в себе силы взвалить на свои плечи тяжелейшую ношу — заботы об интернате.

Спросите, какова жизненная позиция коммуниста, гражданина, человека Католикова? Активно защищать детство. Это он доказал своими поступками: однажды спас тридцать человек на железнодорожном переезде, потом создал для сирот и детей, оказавшихся сиротами при живых родителях, теплый дом, а теперь добивается введения Закона о детстве.

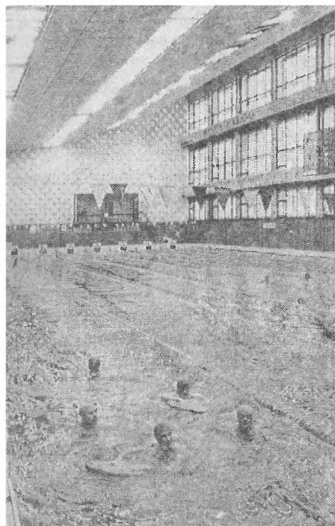
...Один человек, приехавший на Север за длинным рублем, написал на Католикова жалобу. Возмутило его, что в каком-то интернате машин побольше, чем на иной автобазе.

— Да, — подтвердил Католиков при разборе жалобы. — У нас есть машины на все случаи жизни: автобусы, пожарная, техническая, бортовая, фургон, «бочка», самосвал, «скорая помощь»... Мы даже отказались от услуг ГАИ. Когда наша колонна идет по городу, не берем их машину сопровождения — впереди идет своя машина с мячком.

Завистники у Католикова имеются. Завидуют, глядя на главный корпус и пристройки, на отделку спален, спортзала, коридоров, на летние помещения дачи, где палаты рассчитаны на двух человек, на бассейн и финскую баню, куда, разреши Католиков, поехал бы любой за тридевять земель...

Настоящий хозяин. Целеустремленный и твердый человек, всегда знает, чего хочет и что надо делать в первую очередь. И так много делает для детей!

Макаренко и Сухомлинский — его любимые педагоги, лучшее из их педагогического наследия он активно использует в своей практике. Опыт и школа великих предшественников, конечно, большое подспорье, но призвание, любовь к детям — это индивидуальное. При всей занятости держит в памяти множество деталей. Под Новый год ходит с женой по магазинам, выбирает подарки, чтобы 31 декабря каждому положить под подушку.

С 1973 года А. А. Католиков — директор школы-интерната № 1. За шестнадцать лет интернат преобразился. Его называют семейным, а еще теплым домом.

— Александр Александрович, ваш интернат напоминает большую дружную семью. Не случайно любимая песня воспитанников «Живем дружно, как зернышки в гранате». И, видимо, подготовка к будущей семейной жизни начинается в стенах интерната?

— Подготовку к будущей семейной жизни мы относим к социальной деятельности. Малыши играют в куклы, составляющие семейный комплект: папа, мама и дети. В каждом классе есть полный набор сервизов, самовар, чайные наборы. Девочки увлеченно занимаются в кружках домоводства, все они умеют шить, вязать, стряпать. И мальчики стараются не отстать от девочек, не хуже их шьют и готовят пищу. Проводим мы уроки семейной этики для старшеклассников. Это деловые игры, касающиеся отношений в семье, умения ладить с близкими, уступать им, расходовать семейный бюджет.

— Я заметила, что ваши ребята с детства привыкают не только к хорошим манерам, но и хорошим вещам.

— Однажды я приехал из командировки и удивился: табуретки заменены на красивые стулья. А наш шеф Владимир Александрович

Клаузер — начальник производственно-технического управления связи — устыдил меня: «Выйдут твои дети из интерната и не смогут сидеть на стульях — попросят табуретки».

В качестве комментария. Я побывала на даче, расположенной в семи — десяти километрах от Сыктывкара. Песчаная возвышенность. На берегу Малой Визинги своя пристань и малая флотилия, семнадцать моторных лодок. Каждое лето воспитанники ходят в походы по Сысоле и Вычегде.

Страсть к путешествиям появляется с детства. В нынешнее лето пятьдесят ребят отправились в автопробег по маршруту Сыктывкар — Суздаль — Владимир — Киров — Горький — Сыктывкар.

Еще на даче есть одиннадцать тракторов. Мальчишки лет тринадцати водят их аккуратно. Рядом в кабинах сидят те, кто поменьше, — не просто развлекаются, а присматриваются что к чему. С малых лет дети учатся ухаживать за лошадьми (их семь), мечтают стать конюхами и становятся ими. Есть на даче кролики, козы, гуси, куры и даже ишак. Недавно жила там пара презабавных медвежат, добытых знакомым охотником...

Поспели овощи в поле, на грядках, в теплицах. Обеспечив себя полностью овощами и картошкой, излишки продают городу. Продукция идет нарасхват, особенно свежий картофель. Выкапывают его сами ребята, не ленятся встать в шесть утра, моют, укладывают в красивые ящики и везут свой груз в Сыктывкар.

Любой магазин соглашается взять их продукцию — за ней заранее выстраивается очередь, ждут, когда из интерната привезут.

А. А. Католиков рассказывает:

— Мы продаем каждый год по сорок тонн картофеля. Видим, как в торговле продают — все немывое, гнилое. Ну почему не сделать по-другому, как должно быть! Мы же детей воспитываем! Как мы можем грязную картошку с поля отправлять в магазин? Они же потом вырастут халтурщиками.

— Александр Александрович, в Сыктывкаре мне рассказали, как ждут ваших ребят накануне 1 сентября с красивыми букетами цветов, которые подобраны со вкусом и стоят значительно дешевле, чем у продавцов-частников. Горожане жалели, что в нынешний, неурожайный на грибы-ягоды год, когда заметно подорожали овощи, на рынке не появились ребята из первого интерната, которые обычно сбивают цены.

— Я всегда считал, что труд от слова «трудно». И когда меня спрашивают: «Как прививаете любовь к труду?», я говорю: «Мы не любовь к труду воспитываем, а воспитываем потребность в труде как основу будущего счастья нашего ребенка. А работу стараемся подобрать интересную. Труд должен быть увлекательным, украшающим жизнь».

Начали мы с того, что открыли огромное учебное хозяйство. У нас 750 гектаров земли, заказники, 30 гектаров пропашных, 30 гектаров центральной территории, где находится дача (я не люблю слова «лагерь», у вас ведь дома дача, и у нас дача). Добрых два гектара занято цветами, там идет опытническая работа. Для своих малышей мы организовали «колхоз» «Малышок». У них есть свои животные, грядки, где они берутся.

В шесть утра идешь по территории, директорский подъем ведь раньше детского, смотришь, вот такой малышок тащит ведерко.

— Ты что, куда идешь? Все спят еще.

— А я должен ослика и козочек покормить.

— При всем уважении к вашим трудолюбивым детям осмелюсь спросить вот о чем. Знакомы ли они с инспекцией по делам несовершеннолетних?

— Нет, с инспекцией по делам несовершеннолетних мы никаких дел не имеем. И никаких побегов у нас нет, ворота всегда открыты. Ну кто из нас даже при самых тяжелых отношениях в семье будет звонить по 02 и говорить: «Пришлите ко мне капитана домой, надо разобраться с моим сыном».

— Но многие ваши воспитанники из трудных семей. Неужели среди них даже воришек нет? Как же удалось побороть у детей пусть не воровство — вороватость, что ли?

— Это сложный вопрос, потому что встречаются ребяташки, особенно маленькие, которые то ли не наедаются, то ли им хочется все своровать. Тяжелое это дело. У нас как-то стали воровать телефонные аппараты. Я поехал на телефонную станцию, набрал полмешка старых, привез, собрал всех на линейку. Открыл мешок: «Ребята, кому надо, берите. Кто сейчас не возьмет, мешок стоит около моего кабинета, возьмите, когда надо будет».

Все, воровство прекратилось. Пробовали конфеты воровать. Договорились, что у меня всегда будет ящик с конфетами, хочешь — приходи, бери. Захотел ребенок конфету, я должен ему дать.

И вообще, когда надо ругать ребенка, мы не спешим (отсроченное наказание, как у Антона Семеновича). Пройдет время, вдруг неожиданно ему — бах, конфету в руки и говорим: «Вот тебе конфета, и веди себя так, чтобы тебе было приятно».

Он с такими глазами уходит!

У нас железный закон: чтобы старшие ничего не брали у малышей. За это со старшими мы воюем крепко. У наших малышей все игрушки в сохранности, и они у старших ничего не берут, свободно к ним заходят во все спальни. Мне кажется, добрым отношением можно добиться многого.

— Александр Александрович, с годами укоренилось мнение, будто выпускники школ-интернатов оказываются совершенно беспомощными в организации собственной жизни, в установлении социальных контактов. Об этом и фильм режиссера Сперанской «Без оркестра», показанный по Центральному телевидению. Вы с этим согласны?

— Мои ребята справедливо отметили, что среди выпускников интерната таких беспомощных, как показано в фильме, нет.

Социальная деятельность складывается из больших и совсем, казалось бы, незначительных дел. Не скрою, было такое время, я крепко возмущался тем, что воспитатели интерната посылают детей в магазины за продуктами. Потом мне пришлось извиняться перед ними, ведь в этих посещениях магазинов у детей формируются необходимые социальные навыки. Они узнают, что сколько стоит, как нужно вести себя в магазине самообслуживания, как распорядиться деньгами. Сегодня ребята отправляют телеграммы и посылки нашим выпускникам, служащим в Советской Армии. Они содержат в чистоте улицу и автобусную остановку, прилежащие к интернату, белят стволы деревьев, сажают цветы. Они старикам и огороды вскопают, и продукты принесут, и печь истопят, и пишу приготовят. Мы не употребляем слов «милосердие», «доброта», но поступки ребят и есть настоящее проявление и воспитание этих качеств. А многие ли «домашние» дети способны на такое?!

Помощь шефам и сохозу — особая статья наших забот. В труде вместе со взрослыми рождается чувство бескорыстного служения

людям, ответственности. Как-то убирали ребята картошку на поле совхоза «Междорский». И вдруг тракторист раздраженно кричит: «Разойдись! Поле буду запахивать!» Ребята, не сговариваясь, бросились к трактористу, начали кричать, что не дадут поле запахивать, пока все до последнего клубня не уберут. Тракторист стал их уговаривать: «Да что вы, там одни крохи остались. Да и замерзли вы, идите по домам, погрейтесь». Нет, не ушли ребята, пока всю картошку не подобрали.

— Александр Александрович, в одном из выступлений по радио вы коснулись проблемы, как разумно, а главное, по-человечески позаботиться об устройстве воспитанника в самостоятельной жизни. Нельзя ли развить эту тему?

— У нас живут сироты при живых родителях. Отцы и матери их платят определенную сумму на содержание своих детей. Эти деньги попадают в бюджет района, а надо, чтобы они перечислялись непосредственно нам, в интернаты.

Имея свои средства, мы приглашали бы на каникулы своих студентов, покупали бы им одежду и обувь, оказывали бы помощь.

Я и в Госкомитете СССР по народному образованию предлагал, чтобы средства, полученные от родителей на содержание детей, передавали в интернаты. А мне возразили: ты будешь заботиться, а других директоров не заставишь. А я так не думаю...

Как-то учителя начальных классов попросили, чтобы я разрешил списать парадные костюмы. Целые нарядные костюмы, но они надоели детям. Я спрашиваю: «Что значит надоели? Ведь за счет того, что мы не покупаем одежду малышам, бережем ее, экономно относимся к ней, мы старшим покупаем полушубки за 170 рублей и девочкам, которые в этом году поступили в институт, купили шубы за 210 рублей. Это же надо сбалансировать как-то».

Все же уговорили меня. Отдали мы эти костюмы в пионерский лагерь, чтобы дети их по праздникам носили, купили новые костюмы. Но старые-то мы одиннадцать лет носили! Нам на шубу, на зимнее пальто дается срок два-три года, а мы носим пять-шесть лет! Мы уже давно имеем два вида одежды — одно пальто для улицы, у нас его зовут «гуленая одежда», с горки в ней катаются, на катке, а второй вид одежды мы держим для города.

— Из сказанного можно сделать такой вывод: имея в бюджете интерната средства, взимаемые с родителей ваших воспитанников, можно бы разумнее их тратить и на питание?

— Вот именно! Смотрите, что получается. В условиях Севера, а значит, и в нашем интернате, содержание ребенка в месяц обходится в 450—500 рублей. В этой системе не все продумано. Безобразные, несбалансированные нормы питания. На первоклассника и десятиклассника планируется одинаковая сумма. Причем нормы продуктов неоправданно велики: хлеб — 350, мука — 400, макароны — 0,75, масло сливочное 0,25 — все в граммах. К примеру, в меню 110 граммов рыбы. Хорошей нет, а невкусную ребята не едят. Зато сколько всякой ненужной документации!..

— От кого это зависит? Кто конкретно сдерживает вашу инициативу?

— Минздрав СССР и Санэпидемстанция не дают интернату «воли». Необходимо эту систему пересмотреть и средства, взимаемые с родителей на содержание детей, брошенных ими, передать в школы-интернаты.

— Интересно, как бы вы тратили деньги?

— Был у нас такой случай. Паренек отслужил в армии, вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал к нам после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь никакой, родственников нет. Что делать? Ведь не дашь студенту института хлопчатобумажные штанишки и ботинки за пять рублей, как первокласснику. Одели парня на 870 рублей.

Имея свои деньги, уж мы сумели бы ими распорядиться. К примеру, парень женился, а мы бы ему выделили пять тысяч на однокомнатную квартиру. Когда он окрепнет, сможет нам вернуть процентов двадцать.

— Пока ребята живут в школе-интернате, вы за них спокойны. Однако дальнейшая судьба их складывается сложнее — зависит от разных людей и от многих обстоятельств. Не секрет, на скамью подсудимых чаще попадают бывшие воспитанники детских домов и школ-интернатов. Почему так происходит? И как можно предотвратить такое несчастье?

— Меня часто обвиняют в том, что в интернате дети ни в чем не нуждаются — создаем хорошие условия. Но вот парень после восьмого класса пошел в ПТУ, оттуда попал в колонию. Я виню ПТУ, но и свою вину сознаю. А вывод такой: рано выталкивать детей из интернатов (и детских домов) после восьмого класса. Надо их задерживать в интернате до десятого класса, тогда ума прибавится и бока жестче будут. После десятого класса, как правило, лучше устраиваются. Парни сразу в армию уходят.

— Александр Александрович, возьмем конкретно ваш интернат. Вы с педколлективом готовите детей в самостоятельную жизнь. А дальше что? Молодые люди попадают в пучину житейского моря, из которого не все выплывают... Нередко повинны в том разного рода чиновники и бюрократы.

— В том-то и дело. Государство бросает этих детей, как на волну. Существует постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 31 июля 1987 года № 872, подтверждающее, что выпускники школ-интернатов имеют право на внеочередное получение жилья. Увы, данный пункт этого постановления не выполняется.

— Приведите, пожалуйста, конкретные примеры.

— Сколько угодно. Недавно получили письмо от одного бюрократа из исполкома. Он спрашивает, какую жилую площадь до пребывания в интернате имел наш воспитанник. Если он не имел жилплощади — не имеет права на жилье в Сыктывкаре. А какую площадь он мог иметь, если жил вначале в доме ребенка, потом в дошкольном детдоме, теперь в интернате...

Одна наша воспитанница закончила ПТУ, стала швеей. В горисполкоме ей отказали в жилье, сказали: «Езжай туда, откуда приехала». Она поехала на родину, в Ижму. Там никого не оказалось. Вернулась в интернат. С большим трудом удалось добиться места в общежитии.

— Среди ваших воспитанников есть студенты московских, ленинградских и других вузов. Мне называли с десятков фамилий...

— Надо бы больше...

— Что же мешает?

— К сожалению, в вузах не хотят возиться с нашими воспитанниками, не выполняют указанного постановления, существующего для них лишь на бумаге. Судите сами. Студенту, круглому сироте,

государство обязано платить ежемесячно сто пятьдесят рублей. Я забеспокоился, почему молчит один наш первокурсник. Встретился с ним, спрашиваю: «Сколько тебе дают на содержание?» Предложили, говорит, такой вариант: стипендия 80 рублей плюс 80 копеек в день на питание. Получилось 104 рубля в месяц, а положено-то — 150 рублей! Разница большая.

— А что сам студент?

— Просить парню стыдно. Отказаться от предложенного постеснялся, доверился взрослому. Ему известно одно: закон существует, чтобы его выполнять, а просить парень не привык.

— Александр Александрович, по статистике двадцать процентов выпускников школ-интернатов и детских домов попадают в места лишения свободы. Конечно, вы анализируете каждый случай...

— Из памяти не выходит тридцатилетний мужчина. Вся его жизнь проходит по колониям. Денег нет. Квартиры нет. Озлобился, ожесточился, потерял веру в людей. Я дал ему пятьдесят рублей, чтобы снял комнату. А его снова забрали: побил кого-то.

Душа болит за двоих братьев. Мать у них умерла, отца нет. Сыновей отдали в наш интернат, а квартиру забрало государство. Выросли парни, ушли из интерната. Старший закончил ПТУ, выучился на тракториста. Жить негде. С большим трудом добились для него места в общежитии. А там пьянки, драки. Хулиганил, подрался. Теперь в колонии второй раз. Скоро освободится. Одновременно с ним вернется домой из армии младший брат. А дома-то нет...

— Как вы смотрите на такой факт: в некоторых, если не сказать во многих, интернатах появилась тенденция передавать воспитанников во вспомогательные школы?

— Надо ли с этим спешить? Ведь в семьях за ребенка бьются до конца. Мы провели у себя несколько экспериментов и убедились в том, какая большая разница между детьми, выросшими в семьях, и теми, кто попал к нам. Каждый ребенок индивидуален: один все схватывает быстро, другой — медленно, третий вообще тугодум. Сколько мы знаем примеров, когда из тугодумов вырастали хорошие специалисты, руководители, администраторы. А у нас еще как бывает: плохо соображает парнишка — собираем медико-педагогическую комиссию и отдаем во вспомогательную школу.

А кто постоит за сироту?! По инициативе Советского детского фонда имени В. И. Ленина решено направить в детские дома и школы-интернаты врачей-психиатров, чтобы они в случае чего защищали детей.

— Александр Александрович, наша беседа идет, если можно так выразиться, в русле защиты детства. Вы, конечно, острее других чувствуете правовую незащищенность детей...

— Мы «растасили» ребенка по ведомствам. Свежий пример. С 1 января 1990 года в Ярославле будет открыта школа-интернат для сирот железнодорожников, которых свезут со всей Северной железной дороги. К чему это делать? Ведь не война теперь. Тем более что у железнодорожников нет подсобных хозяйств. Директора железнодорожных школ жалуются, что у них даже мебели не хватает. Лучше бы сразу отдали сирот государству!

В Венгрии, Чехословакии, Югославии действуют конвенции о правах детей. А почему у нас нет? Существует международная конвенция о защите детства, которую СССР не подписал. Ребенок не может никуда обратиться за помощью.

— Александр Александрович, ваш интернат называют не иначе

как семейный или теплый дом. На даче, в лесу, встретился мне такой крепенький, некрасовский «мужичок с ноготок», поздоровался, назвал свое имя, спросил: «Конфеты есть?» Подбежала ватага его сверстников, приняли угощение. Мальчики охотно рассказали, что они из нулевого класса — им по шесть лет. Значит, интернат омолаживается. Что это, эксперимент?

— Можно сказать, эксперимент. Долго не давала покоя такая мысль: многое можно исправить в ребенке, если его взять в интернат с года, даже с полугода. Объясню, почему. К домам ребенка Минздрава у меня предубеждение. Уж больно там несчастные дети, уж очень они много теряют от года до трех лет. Никогда не могу зайти в дом ребенка и просто так смотреть на ребятишек, у которых главная игрушка — сосать большой палец ноги. Вместо соски. Лежат они одни, и поговорить не с кем.

И вот этот голод, эта тоска по общению, по разговорам, по ласке с самого рождения калечат ребенка. В семье уже с года малыш понимает, о чем говорят. А в дошкольном детдоме и доме ребенка дети безнадежно отстают в развитии.

Большинство домов ребенка по стране специализированные. У сотрудников надбавка к зарплате сорок процентов. На них не распространяются правила, касающиеся других лечебных заведений. Воспитателей там нет. До трех лет нормальные и тяжелые дети воспитываются вместе.

Подобные наблюдения и подтолкнули меня к мысли построить в нашем интернате первый в стране детсад, вернее, ясли-сад. Подберем дополнительный персонал, летом будем вывозить детей на дачу. Будем брать детей с трехлетнего возраста. Мечтаем создать две группы от одного до двух лет. И будет, как в семье. Старшие станут брать маленьких на колени, мыть в бане, нянчить...

В школе-интернате № 1 привыкли к гостям. Приехали директора подмосковных интернатов, ходили, смотрели. Одна коллега мимоходом спросила:

— Когда у вас отпуск, Александр Александрович?

— Я уже тринадцать лет без отпуска работаю.

Его директорский кабинет пришлось расширить от маленькой, в одно окно, комнатки до просторного зала, поставили шкафы с книгами, игрушками, постелили ковер. В открытую дверь набивается полно ребятишек. Они общаются между собой, читают, спорят, спокойно играют на ковре. Не замечают, как серые сумерки окутывают их теплый дом, как на столе любимого Сан Саныча загорается лампа.

Обстановка домашняя: дети спокойны, потому что видят — «отец» дома занят очень важным делом, а потому не отвлекают.

Александр Александрович тоже вроде не замечает ребятишек, хотя уверена, что чувствует их каждой клеточкой своего тела.

Но вот убрано со стола все до последней бумажки. Пора... Он поднимается, берется за палку. С ковра мгновенно, разом поднимаются дети. И такая тоска в их глазах, такая мольба в голосе:

— Александр Александрович, куда же вы так рано? Еще даже не закончилась телевизионная программа «Время»...

Это ли не награда за долгий, трудный рабочий день!

Клара ХРОМОВА,
наш специальный корреспондент

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

или Верните пенсионерам право на труд

В № 7 нашего журнала за 1989 год было опубликовано письмо кандидата экономических наук А. Катештера «Противоречит Конституции?». В нем автор рассказывал, как нередко администрация учреждений, предприятий, организаций избавляется от неугодных ей людей, используя для этого право расторгать трудовой договор при достижении работником пенсионного возраста и при приобретении им права на пенсию согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 года и соответствующим указам Президиумов Верховных Советов союзных республик.

Автор письма, как говорится, «задел за живое». В редакцию поступили и продолжают поступать сотни писем читателей, разделяющих мнение А. Катештера о социальной несправедливости, возникающей из-за несовершенства законодательства. Ниже мы публикуем статью специалиста по трудовому праву М. ПАНКИНА, который не только разъясняет многие вопросы, интересующие читателей, но и высказывает свои соображения по поводу совершенствования законодательства о труде.

В постановлении Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» говорится о необходимости усилить внимание к ветеранам войны и труда, участникам войны в Афганистане, в первоочередном порядке решать их насущные проблемы.

Подобные слова раздавались и ранее на многих трибунах всех уровней. К сожалению, в ряде случаев они оставались на бумаге. Если же иметь в виду Указ от 4 февраля 1988 года, то речь идет не о решении в первоочередном порядке насущных нужд ветеранов, а о первоочередном их увольнении по инициативе администрации без их согласия и вопреки их желанию. Вот такой «подарок» преподнес ветеранам Президиум Верховного Совета СССР прежнего состава.

Принятые 19 лет тому назад отдельные положения Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде* действительно устарели, они не содействуют переходу на новые методы хозяйствования, применению прогрессивных форм организации труда, разрушению административно-командной системы управления, обновлению кадров, расширению самоуправления трудовых коллективов.

* Далее — просто Основы.

В числе других была дополнена пунктом 1-прим и статья 17 Основ, которой установлены условия расторжения трудового договора по инициативе администрации (то есть увольнения). Этим пунктом администрации предоставлено право (подчеркиваем — право, а не обязанность) увольнять с согласия профсоюзного комитета рабочих и служащих, достигших пенсионного возраста, при наличии права на полную пенсию по старости. Имеются в виду работники, достигшие: мужчины — 60 лет при трудовом стаже не менее 25 лет, женщины — 55 лет при трудовом стаже не менее 20 лет. Эта же норма распространяется и на работающих пенсионеров при наличии у них указанного возраста и трудового стажа. Лица, получающие пенсии в более раннем возрасте по другим основаниям (за выслугу лет, по инвалидности и др.), не могут быть уволены по пункту 1-прим статьи 17 Основ, если они не достигли упомянутого возраста или хотя и достигли пенсионного возраста, но не имеют достаточного трудового стажа, необходимого для назначения пенсии по старости. Иначе говоря, для увольнения по этому пункту необходимо наличие обоих этих условий.

Тем же указом определено, что увольнение таких работников производится в порядке и на условиях, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик. Опираясь на это, все союзные республики дополнили соответствующие статьи КЗоТ и ввели новую статью (в РСФСР статья 33 КЗоТ дополнена пунктом 1-прим, аналогичным пункту 1-прим статьи 17 Основ, и введена новая статья — 18-прим).

Прямо и откровенно скажем, что из всех дополнений и изменений, внесенных в Основы законодательства о труде, это дополнение вызвало наибольшее возмущение трудящихся, причем не только тех, кого оно коснулось, но и людей в более молодом возрасте. В письмах в средства массовой информации, в том числе в журнал «Человек и закон», в государственные органы, в Президиум Съезда народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР они настоятельно требуют отменить эту норму.

Так, А. А. Волобуев из Керчи пишет: «Правительство приняло постановление о бесправи́и пенсионеров и лиц пенсионного возраста... Откровенно говоря, это дисциплинарное постановление никак не вяжется с нашей демократией, перестройкой и правовым государством, когда захочет руководитель свести счеты, то он быстро неугодного и неумного по шапке и долой».

В телеграмме Съезду народных депутатов СССР А. П. Степин (Домодедово, Московская обл.) отмечает, что «этот Указ дает право бюрократам разделяться с неугодными. Такая мера, дающая администрации право вершить судьбы людей в условиях перестройки и демократии, не может быть демократичной и гуманной. По статье Конституции каждый гражданин СССР имеет право на труд, и достижение этого возраста не может лишить человека этого права».

Писем с аналогичной оценкой этой новеллы немало. Приведем еще одно — П. А. Мурая (г. Новороссийск). Он пишет, что «имеют место факты сведения счетов и избавления от грамотных, принципиальных работников, неугодных нечестным руководителям».

Встречаются письма и полярного мнения (правда, их единицы). Так, А. И. Нилова из Улан-Удэ сообщает, что «некоторые пенсионеры добровольно не хотят уходить, и хоть пользы от них мало, это их не беспокоит, лишь бы получить зарплату.. Такие люди.— пишет

она далее,— становятся тормозом в работе предприятия, как быть с такими пенсионерами?».

В связи с этим письмом уместно отметить, что цель нововведения состояла именно в том, чтобы прекратить выплату зарплаты только за приход на работу, обеспечить обновление кадров, сочетание опытных и молодых работников, передачу ветеранам своих профессиональных знаний и богатого жизненного опыта молодежи.

На эту сторону вопроса специально обращено внимание в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 декабря 1987 года № 1457 «Об обеспечении эффективной занятости населения, совершенствовании системы трудоустройства и усилении социальных гарантий для трудящихся».

В пункте 10 данного постановления говорится, что в целях дальнейшего совершенствования подбора, расстановки и обновления кадров, правильного сочетания опытных и молодых работников считать необходимым улучшить использование труда рабочих и служащих, достигших пенсионного возраста, на предприятиях, в организациях, учреждениях, министерствах, ведомствах и других органах управления. Таким образом, речь идет в первую очередь о разработке мероприятий по улучшению использования труда лиц, достигших пенсионного возраста, а не об их увольнении. Это могут быть и специализированные предприятия, в том числе созданные совместно с другими предприятиями и организациями, производственные кооперативы при предприятиях, цехи и участки. Возможно расширение предприятий, использующих труд инвалидов, и т. п. По моему мнению, ничего предосудительного, что оскорбляло бы достоинство ветеранов, в этой части пункта не содержится. Базой для дополнения статьи 17 Основ пунктом 1-прим послужил второй абзац пункта 10, которым признано целесообразным предоставить право администрации совместно с профсоюзным комитетом **сохранять** трудовые отношения с рабочими и служащими, достигшими пенсионного возраста, если они работают добросовестно, с полной отдачей, имеют высокие результаты и пользуются заслуженным авторитетом в коллективе. Там же сказано: с другими работниками, достигшими пенсионного возраста и имеющими необходимый стаж для назначения полной пенсии, продолжать трудовые отношения по соглашению сторон путем заключения (перезаключения) срочного трудового договора (на срок до двух лет) либо **прекращать** их по инициативе администрации с согласия профсоюзного комитета.

Отмечалось также, чтобы предлагаемый порядок увольнения лиц, достигших пенсионного возраста (разумеется, и работающих пенсионеров), не распространять на работников, избранных на должности трудовыми коллективами, а также на лиц, в отношении которых законодательством установлен иной порядок освобождения от работы по возрасту. Что это за лица? Это научные работники, профессора и преподаватели вузов, которым разрешено занимать определенные должности за пределами указанного выше возраста (как правило — до 65 лет).

Такова предыстория вопроса. Поскольку ряд мероприятий, намеченных в названном постановлении, невозможно осуществить в рамках действующего законодательства, потребовалось внесение изменений и дополнений в Основы законодательства о труде, в том числе в статью 17. На ее дополнение пунктом 1-прим оказали влияние и публикации в печати, в которых отмечался застой в кадрах, слишком медленное их обновление, особенно в органах управления, нежелание

чиновников из командно-административной системы добровольно уйти в отставку.

Можно ли обойтись без этой «приправы», то есть без введения в статью 17 Основ пункта 1-прим? Можно, есть в той же статье 17 (пункт 2), предусматривающей увольнение работников в случае обнаружившегося их несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, которая может проявиться в различной форме — невыполнение норм выработки по их вине, изготовление бракованной продукции, низкое качество услуг, а для руководящих работников — понижение организаторских способностей, неумение оценить обстановку, сложившуюся в отрасли, на предприятии, в подразделении, найти пути устранения выявившихся недостатков.

Но каждому ясно, что неэтично вносить в трудовую книжку кадрового работника с 30—40-летним стажем работы запись об увольнении «по несоответствию занимаемой должности». Безусловно, запись «Освобожден от работы в связи с уходом на пенсию» предпочтительней, особенно с указанием в приказе об объявлении благодарности за продолжительный и добросовестный труд с соответствующим поощрением.

Однако практика показала, что упомянутый Указ в части возможности увольнения ветеранов применяется неправильно, во многих случаях используется для расправы с критически мыслящими работниками, справедливо вскрывающими недостатки. Допускаются и другие нарушения. Рассматриваемая норма, как уже отмечалось, может применяться только к рабочим и служащим, которым пенсия назначается по общим нормам. На работников, имеющих право или получающих пенсию в более раннем возрасте по другим основаниям, эта норма не распространяется. Об этом говорится в пункте 7 Положения о порядке высвобождения, трудоустройства рабочих и служащих и предоставления им льгот и компенсаций (утверждено постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 2 марта 1988 года — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1988, № 6).

Кто же может быть уволен по инициативе администрации без согласия работника в связи с уходом на пенсию? Ответ на этот вопрос содержится в законодательстве союзных республик — статье 18-прим КЗоТ РСФСР и соответствующих статьях КЗоТ других союзных республик. По их смыслу, могут быть уволены только работники, в отношении которых будет принято администрацией и профкомом (в необходимых случаях с учетом мнения коллектива, где они заняты) решение о нецелесообразности оставления их в занимаемой должности (по выполняемой работе), а от другой работы они отказываются. Увольнение возможно не по предполагаемому администрацией их праву на полную пенсию по старости, а лишь после фактического ее назначения органами социального обеспечения. Случается, что органы социального обеспечения не засчитывают в стаж работы, дающий право на пенсию, отдельные периоды трудовой деятельности. В результате человек оказывается и без работы, и без пенсии. Начинаются хождения по мукам.

Учитывая, что на практике увольняют многих ветеранов, кто достиг пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости, а также то, что нарушается конституционное право гражданина на труд в общественном производстве на основании заключенного трудового договора, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, про-

фессиональной подготовкой, образованием (статья 40 Конституции СССР), представляется целесообразным, чтобы Верховный Совет СССР отменил эту норму. В дальнейшем увольнять этих работников на общих основаниях со всеми рабочими и служащими, что будет соответствовать статье 34 Конституции СССР, установившей равенство всех граждан перед законом. Думается, можно было бы поручить Совету Министров СССР обязать министерства и ведомства СССР, руководителей предприятий, учреждений и организаций разрабатывать мероприятия, направленные на более эффективное использование труда ветеранов и обеспечить их выполнение.

Но отмена ее не единственный выход из положения. Можно было бы рассмотреть альтернативный вариант. Дополнить пункт 1-прим статьи 17 Основ перечнем категорий работников, которые не могут быть уволены по этому основанию, и изложить его примерно в следующей редакции: «Достижения работником пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости». И далее указать в законе:

«Этот пункт не распространяется на:

рабочих и служащих, которые работают добросовестно, имеют высокие результаты труда и пользуются заслуженным авторитетом в коллективе;

работников, избранных на должности трудовым коллективом;

работников, в отношении которых законодательством установлен иной порядок освобождения от работы по возрасту;

на лиц, размер пенсии которых ниже минимального размера заработной платы.

С другими работниками, достигшими пенсионного возраста, при наличии права на полную пенсию по старости трудовые отношения могут продолжаться на условиях срочного трудового договора в пределах до трех лет с возможностью его перезаключения или прекращаться в зависимости от результатов труда. Увольнение их допускается после фактического назначения им государственной пенсии по старости с предупреждением об увольнении за два месяца и выплатой выходного пособия в размере среднего месячного заработка».

В заключение отметим, что лица, уволенные по указанному основанию, вправе обратиться в народный суд с иском о восстановлении на работе. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 6 апреля 1988 года № 3 указал, что при рассмотрении дел по искам работников, уволенных по пункту 1-прим статьи 17 Основ, суды должны проверять, достиг ли работник пенсионного возраста для получения пенсии по старости (60 лет — для мужчин и 55 лет — для женщин) и имеет ли он право на получение полной пенсии по старости (пункт 2 постановления — «Бюллетень Верховного суда СССР», 1988; № 3). Разумеется, суд должен не только проверить данные паспорта и трудовой книжки, но и потребовать от администрации доказательства того, что данный работник не сможет в дальнейшем полноценно выполнять свои трудовые обязанности (например, заключение аттестационной комиссии, мнение коллектива, в котором он занят, другие доказательства его некачественной, недобросовестной работы).

М. ПАНКИН,
заслуженный юрист РСФСР

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ.**

За девять месяцев 1989 года органами внутренних дел и прокуратуры зарегистрировано 1 750 794 преступления, что на 437 321 (+33,3 процента) больше аналогичного периода прошлого года. Вместе с тем по сравнению с августом в сентябре этого года отмечено снижение темпов прироста умышленных убийств с покушениями на 10,5 процента, умышленных тяжких телесных повреждений — на 7,5 процента, изнасилований с покушениями — на 1,8 процента, краж личного имущества граждан — на 0,3 процента, в том числе из квартир — на 0,5 процента, транспортных средств — на 8,8 процента, а также нарушений правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств без смертельного исхода — на 0,9 процента. Сократилось число нераскрытых преступлений против жизни и здоровья граждан.

Тяжкие преступления. Темпы их прироста почти в 1,3 раза превышают темпы прироста преступности в целом и в абсолютном выражении составляют 75 570 преступлений.

Этот вид преступлений наиболее распространен в Азербайджанской, Грузинской ССР, Тувинской и Татарской АССР, Пермской, Кемеровской и Челябинской областях.

Остаток нераскрытых тяжких преступлений составляет 69 309, или 11,8 процента в общем остатке нераскрытых преступлений.

За незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку наркотических веществ в августе сего года к ответственности привлечено 97 человек. Отмечается сезонная миграция правонарушителей в места произрастания сельскохозяйственных культур, содержащих наркотические вещества. Только на территории южных областей Украины за перевозку наркотического сырья задержано 75 человек, у которых изъято 730 килограммов головок мака.

На 65,4 процента увеличилось количество преступлений, связанных с умышленным уничтожением государственного, общественного или личного имущества путем поджога. Как показывают выборочные исследования, в 90 процентах случаев поджигают индивидуальные жилые дома или иные хозяйственные постройки граждан. Около половины поджогов приходится на дневное время, в 15 процентах случаев потерпевшие находились в родстве с преступниками.

На 46,5 процента возросли хищения оружия и боеприпасов.

Имущественные преступления. Темпы прироста имущественных преступлений (+54,1 процента) более чем в полтора раза выше общего прироста преступности в стране. Данная категория преступлений составляет 57,4 процента от числа всех зарегистрированных преступлений. На 50,4 процента возросло число краж из квартир граждан. Наиболее распространены кражи из квартир в Армянской, Грузинской ССР, Северо-Осетинской и Дагестанской АССР, Кемеровской, Оренбургской и Куйбышевской областях.

По данным Дежурной части МВД СССР (за восемь месяцев), поступило 342 сообщения о хищениях у иностранцев, из них 71 процент совершены путем кражи. Преступники чаще всего похищают имущество иностранных туристов из номеров гостиниц и других мест их временного проживания (44 процента), личного автотранспорта (14,8 процента), при переездах в различных видах транспорта, из вокзальных помещений (15,2 процента).

Уличная преступность. Значительное число противоправных деяний по-прежнему совершается на улицах, площадях, в парках и скверах. Здесь совершено 215 431 преступление, или 16,5 процента от общего числа зарегистрированных в стране. Наиболее высокими темпами растет уличная преступность в Эстонской и Литовской ССР, Марийской, Татарской АССР, Камчатской области, городах Ленинграде и Москве. В то же время в течение июля — августа — сентября отмечается тенденция снижения темпов прироста зарегистрированных преступлений (соответственно 82,4, 78,3 и 77,1 процента), в том числе умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, краж и грабежей личного имущества граждан. В структуре уличной преступности преобладают кражи личного имущества (38,2 процента), грабежи и разбои (17,9 процента), хулиганство (17,4 процента), угоны транспортных средств без цели хищения (11,3 процента). Преступления против личности составляют 6,1 процента.

Число краж государственного и личного транспорта возросло в два раза и составило соответственно 183 и 19 284 преступления.

Нарастает борьба с уличным хулиганством. В июле с. г. выявлено на 8751 преступление больше аналогичного периода прошлого года, августе — на 9918, сентябре — 11587.

Преступность на транспорте. В числе зарегистрированных по стране преступлений ее удельный вес составил 3,9 процента (против 4,6 за соответствующий период 1988 года).

На 34,4 процента возросло количество выявленных случаев хищения государственного или общественного имущества (без мелких), на 44,4 процента — в крупных размерах, на 130 процентов — в особо крупных размерах.

Удельный вес краж имущества у пассажиров составляет 81,7 процента от общего числа краж личного имущества на объектах транспорта.

Около 40 процентов хищений грузов совершено при участии работников железнодорожного транспорта. В текущем году сотрудниками транспортной милиции выявлены преступные группы из числа железнодорожников на станциях Западно-Сибирской, Северо-Кавказской, Азербайджанской, Забайкальской, Закавказской железных дорог.

Преступления в сфере экономики. Выявлено 204 995 преступлений, или на 2,6 процента меньше, чем за аналогичный период прошлого года. На 7 процентов увеличилось количество выявленных нарушений правил о валютных операциях, на 2,3 процента хищений в крупных и особо крупных размерах.

Активизировали борьбу со спекуляцией органы БХСС Молдавской ССР, Камчатской, Томской, Амурской, Ярославской областей. Выявлено свыше 7 тысяч фактов спекуляции в крупных размерах. Изъято товаров и ценностей на сумму 13 млн. рублей.

К уголовно-административной ответственности за нарушение правил торговли привлечено около 65 тыс. работников прилавка.

Исследования, проведенные в Москве, Московской и Рязанской областях, показали, что в структуре преступности в сфере экономики в основном преобладают хищения государственного или общественного имущества, совершенные путем присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением (30,1 процента), обман покупателей (26,2 процента), уголовно-наказуемая спекуляция (10,1 процента), хищения государственного или общественного имущества, совершенные путем кражи (8,1 процента), должностной подлог (3,9 процента), халатность (3,5 процента).

Сотрудниками ОБХСС МВД Якутской АССР в сентябре с. г. задержаны два жителя Магаданской области, у которых изъято 5 кг золота.

Социально-криминологическая характеристика преступности. Несовершеннолетними (и при их соучастии) совершено 148 166 преступлений (+22,6 процента), лицами в состоянии опьянения — 292 608 (+14,6 процента), ранее судимыми — 233 427 (+11,0 процента).

При росте числа преступлений в состоянии опьянения отмечается уменьшение на 6,1 процента (данные за 8 месяцев) числа лиц, в отношении которых приняты меры административного воздействия за распитие спиртных напитков и появление в нетрезвом виде в общественных местах.

РЕГИОНЫ, ИМЕЮЩИЕ НАИБОЛЕЕ ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА ПРЕСТУПНОСТИ

Регионы	Темпы прироста к 1988 году (в %):				
	всего	тяжких преступлений	преступлений, совершенных:		
			несовершеннолетними и при их соучастии	лицами, ранее совершавшими преступления	на улицах, площадях, в парках и скверах
Литовская ССР	52,2	36,3	47,0	4,0	132,4
Армянская ССР	38,6	51,6	36,0	10,2	5,1
Белорусская ССР	37,0	53,8	36,0	29,9	97,5
Туркменская ССР	35,8	25,3	16,9	29,3	88,7
Горьковская обл.	72,7	78,3	43,9	7,0	113,2
Ростовская обл.	70,1	75,4	21,2	47,5	162,3
Кемеровская обл.	68,4	65,9	54,2	5,8	121,3
Сахалинская обл.	60,7	44,7	37,2	43,4	122,0
Мурманская обл.	55,0	74,4	62,7	36,5	87,3
Калининградская обл.	53,8	49,3	49,4	15,3	115,8
Астраханская обл.	53,2	63,5	57,6	70,3	63,9
Волгоградская обл.	50,9	73,6	31,4	11,1	74,5
Псковская обл.	50,8	70,5	5,7	30,9	125,6

КАК УЗАКОНИЛИ БЕЗЗАКОНИЕ

На наших глазах происходит интенсивный процесс заполнения исторического вакуума. Первенство здесь держат публицисты, специализирующиеся на освещении экономических и философских проблем. Юристы же несколько запаздывают. Поэтому фасад исторического здания нашей юстиции до сего времени изобилует «белыми пятнами». Между тем задачи их стирания в условиях, когда закладывается фундамент социалистического правового государства, являются весьма важными. Обусловлено это и тем, что кое-кто решил использовать в ходе строительства такого государства методы из арсенала 30-х годов. Парадоксально, но при сооружении надежного гаранта, призванного не допускать повторения трагедии, предпринимаются попытки реанимировать приемы, которые к ней-то как раз и привели.

Следовательно, актуальность вопроса о том, как в молодой Советской республике в несколько этапов официально узаконили беззаконие, достаточно очевидна. Настоящие заметки напомним некоторые события тех лет. Они не претендуют на обобщающее исследование. Это лишь штрихи, наброски или просто взгляд одного из юристов-практиков на то, что происходило в юстиции, юриспруденции, праве в 1922, 1928 и 1934 годах.

Нетрудно заметить, что интервал между каждым из них — шесть лет. Но такое совпадение не свидетельствует о произвольности выбора. Годы эти действительно наиболее характерны в смысле разработки и принятия законодательных и иных мер, приведших в итоге к становлению и гипертрофированному развитию репрессивного аппарата сталинской модели. Каждому из тех далеких лет, на которые упал наш взгляд, предшествовали голод, большие трудности в обеспечении населения товарами со всеми вытекающими из этого последствиями.

1922 год. Это был год выхода из сильнейшего кризиса 1921 года. Политика военного коммунизма характеризовалась установлением во всех сферах общественной жизни, в том числе правовой, военно-командных, административных отношений. Без них нельзя было обойтись. Но они вели в тупик. Нужен был выход. Его нашел В. И. Ленин. Переход к экономическим методам хозяйствования закладывался нэпом. Одновременно требовался аналогичный переход, внесение кардинальных изменений в методы работы во всех иных областях, включая деятельность правоохранительных органов.

Понимая важность осуществления такого перехода, Владимир Ильич много внимания уделял в своих письмах, заметках, статьях и

выступлениях 1922 года (а было их более тридцати) повышению роли и утверждению независимости судов, переориентации органов юстиции на укрепление законности в собственной деятельности, на судебные формы реагирования вместо применяемых органами ВЧК.

Можно сказать, что в 1922 году взойшли посеянные В. И. Лениным ростки новой законности. Еще в конце 1921 года IX Всероссийский съезд Советов (23—28 декабря) постановил: «Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована». А 6 февраля 1922 года был принят декрет ВЦИК об упразднении ВЧК и создании вместо нее ГПУ, входящего в состав НКВД. Решение дел о контрреволюционных преступлениях передавалось судам. За ГПУ оставалось только дознание и следствие. Кроме того, все общеуголовные дела, которыми раньше приходилось заниматься чрезвычайным органам (например, дела о спекуляции), из компетенции ГПУ были изъяты. Надо, правда, сразу оговориться, что уже 16 октября того же года ГПУ вновь получило чрезвычайные полномочия вне-судебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении всех лиц, взятых с полицим при бандитских налетах и вооруженных ограблениях. И все же процесс укрепления законности происходил.

В соответствии с Положением о судеустройстве, принятым в октябре 1922 года, территориальные ревтрибуналы были ликвидированы. Судебная реформа завершилась образованием единой трехзвенной системы (народные суды — губернские суды — Верховный суд республики). Были созданы прокуратура, адвокатура, арбитражные комиссии. 1922 год — это год принятия первых советских кодексов: Уголовно-процессуального (25 мая), Уголовного (26 мая), Гражданского (31 октября) и др. Была сформирована специальная комиссия, и развернулась работа над первой Конституцией Союза ССР. Ну и, наконец, Договором от 30 декабря 1922 года было предусмотрено образование Верховного суда Союза ССР, который мог давать заключения о соответствии Основному Закону решений правительства и, если устанавливал противоречия, имел право вносить в ЦИК представления об их отмене. Высший судебный орган наделялся функцией конституционного надзора. Так намечались контуры на пути к правому государству.

В сфере уголовно-правовой политики этот путь означал утверждение на практике, как минимум, двух постулатов, выработанных мировым сообществом в течение нескольких столетий:

1. Правосудие может вершить только суд. В соответствии с классической теорией разделения властей он должен быть отделен как от законодательной, так и от исполнительной властей, не говоря уже о партийной. Только суд, и никакой другой орган, обретает зримые черты относительной независимости, поскольку наделяется в этих целях системой процессуальных гарантий. Хотя, сразу оговоримся, сами по себе они еще не гарантируют от произвола.

2. Человек может быть признан виновным и осужден только при наличии в его действиях состава преступления, установленного в законе.

Но ни первый, ни второй постулат до конца не были реализованы. Почему? Здесь очевидны две существенные причины.

Во-первых, одновременно с мерами по укреплению судов в 1922 году была заложена база для развития песудебных органов, печально известных «двоек», «троек» и «особых совещаний». Важно

подчеркнуть, что это были учреждения не судебной, а исполнительной, административной власти.

Первый из них была ВЧК. Правами по осуществлению внесудебной репрессии она была наделена декретами: от 21 февраля 1918 года — «Социалистическое отечество в опасности» и от 5 сентября того же года — «О красном терроре». Но тогда применение чрезвычайных мер (вплоть до расстрела на месте) было оправдано опасностью, которая нависла над завоеваниями революции, покушениями на ее вождей и отсутствием эффективной судебной системы. К 1922 году такую систему создали, дали отпор основным силам внутренней и внешней контрреволюции. Однако органы несудебного реагирования не были ликвидированы. Наоборот, постепенно стали нарастать противоположные тенденции.

10 августа 1922 года был издан малоизвестный до сего времени декрет ВЦИК «Об административной высылке». Учрежденная декретом Особая комиссия при НКВД имела право применять к «лицам, причастным к контрреволюционным выступлениям», административную высылку «сроком до 3 лет за границу или в определенные местности РСФСР». Что же это были за лица и к чему они причастны? Уже в августе 1922 года из страны без суда... были высланы 160 человек, открывших первый список советских «диссидентов». Их не только выселяли за пределы Республики, но и помещали в концлагеря, расстреливали за неприятие большевистских идей о социальном переустройстве общества. Возьмем, к примеру, дело «Петроградской боевой организации» 1921 года («Таганцевское дело»). Сегодня поставлена под сомнение сама возможность ее существования. Уж, во всяком случае, убедительных доказательств вины расстрелянного по этому делу поэта Н. Гумилева ни тогда, ни сегодня никто не представил.

В поле зрения Особой комиссии при НКВД попал прежде всего цвет русской философии, юриспруденции, других отраслей науки, техники и культуры, хотя «Правда» и писала 31 августа 1922 года: «Среди высылаемых почти нет крупных научных имен». В газете отмечалось также, что «высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является *первым предостережением* (подчеркнуто мной.— В. З.) Советской власти по отношению к этим слоям». Вскоре административная высылка стала применяться и к другим «слоям». Так, уже 16 октября того же года такое право было предоставлено комиссии по отношению к «деятелям антисоветских политических партий».

Особая комиссия действовала с тех пор постоянно. Менялось лишь ее название. В 1923 году — Судебная коллегия, в 1924-м — Особое совещание при ОГПУ и т. д.

Во-вторых, возобладало мнение о вторичности права, его буржуазной сущности. Значительная часть партийных работников считала, что судебная власть должна зависеть от проводимой в тот или иной отрезок времени политической линии.

Революционную целесообразность они противопоставляли законности, отрицали правовой характер декретов Советской власти. Так, видный экономист того времени В. Сарабьянов писал, что «декреты диктатуро-пролетарской власти — в сущности говоря, даже не законы, не правовые нормы, а боевые приказы и распоряжения, передаваемые по прямому проводу».

Политизировалось правосудие. Это вело к его зависимости от партийных установок, нацеливавших юристов на то, что для осуж-

дения людей достаточно их принадлежности к враждебным социальным классам или социальным группам.

В последнее время часто приводятся слова В. И. Ленина, приведенные в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» и связанные с его отношением к высказываниям известного чекиста М. Лациса, писавшего, что незачем искать в деле обвинительные улики и нужно решать его, исходя лишь из социальной принадлежности обвиняемого. Это утверждение В. И. Ленин назвал нелепостью. Тем не менее подобные суждения имели тогда широкое хождение. Вот что говорил, например, в своем первом интервью сотруднику газеты «Известия ВЦИК» только что возглавивший обособленную систему реввоенрибуналов К. Х. Данишевский: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов».

Заметим попутно, что попытка ликвидации военных трибуналов в 1921 году не увенчалась успехом и система была восстановлена в 1922 году. А ведь в сознании тех, кто за это ратовал, военные суды были чрезвычайными органами, с которыми право назначения смертной казни сохранялось даже после ее отмены в январе 1920 года.

Распространенность подобных настроений среди руководителей партии и правоохранительных органов очень беспокоила В. И. Ленина. Когда в 1921 году Оргбюро ЦК РКП(б) подготовило циркуляр, предусматривавший право партийных комитетов давать указания, обязательные для судей и выносимых ими решений, он настоял на пересмотре этого циркуляра. В 1922 году, в одном из своих писем членам Политбюро ЦК от 18 марта, В. И. Ленин вновь подчеркивает мысль: «Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет *исключать из партии*».

Однако в период болезни Владимира Ильича, а тем более после его смерти развитие идей об укреплении независимости советских судов было приостановлено.

В том же 1922 году Сталин стал генсеком. Начал быстро набирать обороты маховик усиления его единоличной власти. Если в экономических методах хозяйствования изменения были налицо и для возврата к прошлому потребовался «великий перелом», то в правовой сфере, несмотря на позитивные перемены, сразу возобладало администрирование. Оно также предопределило гибель нэпа.

Таким образом, именно тогда, в начале 20-х, а не в 30-е годы, как утверждается в большинстве публикаций на эту тему, начался процесс упрочения различных несудебных органов (хотя это и не вписывается в некоторые популярные ныне схемы), процесс поправа элементарных норм правосудия.

Весь трагизм происшедшего в том, что на первоначальном этапе многие люди, причастные к этим процессам, искренне верили в свою правоту, считали, что делают это во имя интересов трудового народа. Революционная нетерпимость, уверенность в универсальности методов штурма и натиска при решении любых вопросов были обусловлены в немалой степени дефицитом культурности тех, кто их применял. Не случайно поэтому в письме В. И. Ленина И. Сталину для Политбюро от 20 мая 1922 года «О «двойном» подчинении и законности» красной нитью проходит мысль о том, что без опреде-

ленного уровня культурности нельзя вести речь ни о какой-либо законности. И этим тоже, видимо, а не только контрреволюционной опасностью надо объяснять убежденность многих большевиков в непогрешимости своей концепции социально-экономических преобразований, в неприятии инакомыслия. Массированная атака на него, если судить по деятельности Особой комиссии при НКВД, началась в 1922 году. Кроме того, 6 июня того же года постановлением ВЦИК и СНК был создан Главлит. Он был учрежден в системе Наркомпроса, но включал представителей ГПУ и осуществлял административный надзор за печатью, отвечая за недопущение в ней контрреволюционной пропаганды.

Завершая экскурс в 1922 год, отметим, что он еще положил начало первым крупным судебным процессам, носившим не только уголовно-правовую направленность, но и явно политическую окраску. На скамье подсудимых оказались представители иной идеологии — партии правых, а через несколько дней — и левых эсеров. Судили прежде всего партию, а затем уж преступников.

В одном из первых сообщений президиума ГПУ от 28 февраля 1922 года прямо говорилось о предстоящем «суде над партией социалистов-революционеров». Да и обвинительное заключение, изданное в виде книги объемом более 100 печатных страниц, начиналось со слов: «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов...»

Обоснование применения репрессий против них давалось также в решениях XII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в августе 1922 года: «Репрессии, которые неизбежно не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью (разрядка моя.— В. З.), когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом, позиции».

В ходе следствия по делу правых эсеров число обвиняемых составляло более 200 человек. Суду же было предано 34 человека. Причем подсудимые размежевались на две группы. В первой были члены ЦК (А. Гоц и другие). Во вторую вошли члены боевых отрядов, которые повалили с партией и, по существу, в судебном заседании помогали обвинителям в лице Н. Крыленко, А. Луначарского и некоторых работников Коминтерна, в том числе К. Цеткин. Представители Коминтерна (например, А. Грамши) осуществляли и защиту подсудимых. Процесс этот проходил в Москве в течение двух месяцев (с 8 июня по 7 августа 1922 года) и завершился вынесением обвинительного приговора. Пятнадцать человек (в основном члены ЦК) были приговорены к расстрелу, остальные — к разным срокам тюремного заключения, двое — оправданы. Президиум ВЦИК, рассмотрев 8 августа 1922 года приговор Верховного трибунала, постановил приговор к высшей мере наказания в исполнение не приводить, если партия эсеров «прекратит подпольную, заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян». (14 января 1924 года президиум ВЦИК заменил расстрел лишением свободы сроком на пять лет, а остальных осужденным сократил срок наполовину.)

Параллельно шло разбирательство по делу левых эсеров. Если правым социал-революционерам предъявлялись тяжкие обвинения, прежде всего в том, что они были организаторами и вдохновителями

покушений на Ленина и Володарского, то левозсеровским активистам в основном вменялось в вину распространение прокламаций, разжигавших ненависть к большевикам. Трудно усмотреть какой-либо криминал, особенно в свете сегодняшнего дня, в их высказываниях о том, что «всякая централизованная государственная власть, в чьих руках она ни будь, должна неизбежно привести к рабству трудового народа». Или: «Только социализированные фабрики и заводы и другие предприятия, управляемые самими рабочими и им принадлежащие, способны поднять промышленность, наладить транспорт и снабдить деревню продуктами фабричного производства». Но эти мысли тогда посчитали преступными. Да и в наши дни именно в таком контексте они приводятся в книге Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР». Судебный процесс по делу С. Гана-Погодина и еще шестерых левых эсеров также проходил в Верховном революционном трибунале с 27 по 29 июня 1922 года. Трое из них были приговорены к лишению свободы, а остальные — к условной мере наказания. Председательствовал на том процессе известный большевик А. Сольц, которого называли «совестью партии». Через три года именно он выступит в печати как член высшего судебного органа страны с обоснованием тезиса: судья и иное должностное лицо ради дела могут отступить от закона. Другой видный работник советской юстиции, Н. Крыленко, вступит с ним в полемику, усматривая в этом нарушение законности. Однако через несколько лет он сам начнет высказывать по существу те же мысли.

Через шесть лет. Если 1922 год ознаменовал собой выход из кризиса, выражением которого были антоновщина, кронштадтский мятеж и другие многочисленные выступления широких слоев крестьянства, то 1928 год стал годом выхода из кризиса хлебозаготовок. Начало первой пятилетки сопровождалось введением карточной системы снабжения — «заборных книжек». Этот год действительно явился, как недавно писала «Правда», «критической точкой» нашей истории. Уже в январе все партийное руководство, в том числе Бухарин, Рыков и Томский (позднее они выступали за отмену таких мер), единодушно проголосовало за введение чрезвычайных мер. Был сделан окончательный выбор, выбор не в пользу демократии. В том же месяце 18-й Пленум Верховного суда страны принял малоизвестное сегодня, но сыгравшее роковую роль постановление. То был один из первых кирпичиков правовой базы, подведенной под сталинскую лже теорию обострения классовой борьбы. Впервые ее суть была обнародована в 1928 году. Выступая 19 мая на VIII съезде ВЛКСМ, Сталин заявил: «Неверно, что у нас нет уже классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но и растут...»

Вскоре, на июльском Пленуме ЦК партии, он высказался еще определеннее: «Продвижение рабочего класса к социализму... не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов... не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы». Практические установки подобного рода, не раз звучавшие тогда с самых высоких партийных трибун, прямо вели к разного рода деформациям в правовой сфере. Прежде всего был нанесен удар по науке. Тяжелая участь постигла, например, харьковских ученых-юристов и написанную ими в то время книгу о социалистическом правовом государстве. Л. Каганович, занимавший наряду с другими известными постами еще и должность шефа юриспруденции — директора Инсти-

тута государства и права, раскритиковал эту книгу, после чего она бесследно исчезла вместе с авторами.

Тогда же подверглась пересмотру концепция о контрреволюционных преступлениях.

Не прошло и года после введения в действие нового Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.), как в него «потребовалось» внести существенные изменения. 25 февраля 1927 года ЦИК СССР принял Положение о преступлениях государственных. После этого в главу I кодекса «Преступления государственных» было помещено в виде отдельного раздела более десятка статей о контрреволюционных преступлениях. Но даже не это главное. Тенденция наращивания репрессий была подкреплена расширительным толкованием в теории и на практике понятия контрреволюционного преступления. В упомянутом постановлении 18-го Пленума Верховного суда СССР от 2 января 1928 года оно давалось иное, нежели в тексте Положения о преступлениях государственных. Постановление распространяло понятие о контрреволюционном преступлении не только на деяния, совершенные умышленно, но и на неосторожные действия. На практике такая трактовка могла привести и привела к непредсказуемым последствиям. Понимая это, некоторые юристы уже в 1929 году высказали серьезную озабоченность по поводу первых практических результатов. В выводах из доклада о работе Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР отмечалось, что делам чисто бытовым придавалась несуществующая политическая окраска. В докладе Председателя высшего судебного органа Союза ССР о работе за II половину 1929 года отмечалось, что «на практике наблюдались многочисленные случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, в действиях которых безусловно отсутствовали признаки тяжких преступлений, в которых они обвинялись, и притом лиц, отнюдь не принадлежащих к классово-враждебным элементам». То была одна из немногих попыток переломить ход назревающих трагических событий. Надо добавить — тщетных попыток. К 1929 году вызрели предпосылки для учреждения нового поколения несудебных органов. В этом году не только в центральном аппарате, как предусматривалось циркуляром ОГПУ, но и в некоторых районах стали создаваться чрезвычайные «тройки» для проведения репрессий в местах сплошной коллективизации. «Принципиальная» новизна этой меры заключалась в том, что несудебные органы впервые после окончания гражданской войны формировались не только в центре, но и на местах: в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника ГПУ. А еще через год «тройки» начали функционировать в краях и областях. Это уже был каркас системы — системы узаконенного произвола.

Иными словами, функции судебных органов были окончательно узурированы партийной и исполнительной властью. Пересмотрел свои позиции по этому вопросу Н. Крыленко. В конце 1927 года он выступил инициатором реформы Уголовно-процессуального кодекса, предлагая практически выхолостить всю систему гарантий, благодаря которым суды еще сохраняли свой облик, затруднявший произвол. Н. Крыленко предложил «унифицировать» судебную репрессию, чтобы дать в руки партии и центральной государственной власти реальную возможность управлять судами как органами репрессии, что нельзя сделать при полной свободе «судейской совести». Его рассуждения по поводу судебской совести прямо смыкались с позицией А. Вышинского, одного из главных теоретиков приспособления

правовой науки для оправдания судебного произвола. Внутреннее убеждение судей Вышинский рассматривал в «Курсе уголовного процесса», увидевшем свет в 1927 году, как «классовое чутье».

В конце 20-х годов под руководством Н. Крыленко был разработан еще один проект. На этот раз — нового Уголовного кодекса РСФСР (он так и остался проектом). В нем также предпринималась явная попытка правового обоснования сталинской концепции усиления классовой борьбы. В законопроекте материализовалась теория опасного состояния личности. Суть ее была в том, что в качестве основания для привлечения к уголовной ответственности устанавливался не факт совершения конкретного преступления, предусмотренного конкретной статьей уголовного кодекса, а опасность личности. Определялась она принадлежностью лица к враждебным пролетариату классам. Речь в проекте соответственно шла не о мерах уголовного наказания, а о мерах классового подавления, поскольку любое преступление, по мнению Н. Крыленко, являлось формой проявления классовой борьбы. Дальше — больше. Значит, нет необходимости иметь и особенную часть кодекса, так как суд должен постановлять приговор не на основе и с учетом санкций, установленных законом, а на основе правосознания судей.

Создание теоретического задела позволило в 1928 году положить начало проведению политических процессов «второго поколения». В повестку дня партия вновь поставила вопрос о решительной борьбе с экономической контрреволюцией. Следственный аппарат все больше руководствовался политической линией, а не действующим законом. Доказать это несложно. На сей счет были директивные указания. Достаточно сказать, что председатель Совнаркома СССР А. Рыков, выступая в 1928 году на Пленуме ЦК в связи с арестом по «шахтинскому делу» немецких специалистов, утверждал, что партия должна подчинять общественные процессы вопросам политики, а принцип наказания виновных по справедливости называл абстрактным.

Работники правоохранительных органов имели перед собой заранее заданную схему, под которую подгонялись показания проходивших по делу лиц. Фальсификация как метод входила в повседневную практику. Следует согласиться с предположением известного писателя В. Кондратьева, который точно и образно подметил: «Если малограмотные и нравственно дремучие чекисты первых лет революции и гражданской войны, быть может, сами не ведали, что творили, свято веруя в классовую необходимость жестокости, то следующая генерация этого органа — ОГПУ — имела других людей, уже ясно понимавших, что творят беззакония, фальсифицируя первые процессы конца двадцатых годов: Шахтинское дело, дела Промпартии и Крестьянской трудовой партии» (Литературная газета, 24 мая 1989 г.).

«Шахтинское дело» слушалось Специальным присутствием Верховного суда СССР под председательством А. Вышинского летом 1928 года. Уже тогда применительно к специалистам, руководителям промышленности и некоторым рабочим Донбасса (всего более 50 человек), оказавшимся на скамье подсудимых, звучали ставшие популярными в 30-е годы словосочетания — «Московский центр», «Харьковский центр» и др. Их обвиняли в умышленном вредительстве: организации взрывов на шахтах, связях с их бывшими владельцами и капиталистами, финансировавшими преступные акции, и т. п. Были ли эти обвинения, сформулированные авторами обвини-

тельного заключения Н. Крыленко и П. Красиковым, обоснованными? Если судить по аналогичным делам тех лет, по которым недавно состоялась реабилитация, то надо полагать, что и по этому делу факты обычной бесхозяйственности, неорганизованности, нарушений техники безопасности с помощью «кулачного» права вылились на страницах обвинительного акта и приговора в деятельность «вредительской контрреволюционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 гг.... и поставившей своей целью подрыв советской каменно-угольной промышленности в контрреволюционных целях». Но пока это всего лишь предположение, основывающееся на обоснованном мнении некоторых историков о том, что подобные процессы были организованы Сталиным с целью возложить ответственность на «буржуазных спецов» за просчеты в развитии экономики.

Еще через шесть лет. 1934 году предшествовал страшный по своим последствиям, в значительной степени искусственно навязанный народу голод 33-го года. Разразившись во многих регионах страны, он унес, по некоторым данным, от 3—4 до 6—7 млн. человек. Но год этот страшен еще и тем, что заложил мощную законодательную базу для последующих массовых репрессий, унесших еще столько же миллионов человеческих жизней. Если 1922 год дал старт борьбе с инакомыслием, оппозиционными партиями, 1928 год — расправам над «буржуазными спецами», то 1934 год — это начало всеобъемлющего, тотального геноцида народа, основанного на серии принятых тогда законов, официально узаконивших беззаконие.

Началось все после съезда «победителей» — XVII съезда ВКП(б), проходившего в январе — феврале 1934 года. Сегодня достаточно хорошо известно, что из 1966 делегатов этого съезда необоснованным репрессиям подверглось 1108, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК — 98. Но еще не сказано о том, что делалось это на вполне «законных» основаниях.

После съезда состоялось первое и единственное апрельское Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников. С основным докладом на нем выступил А. Вышинский, наметивший основные мероприятия по улучшению «качества» работы органов юстиции, в том числе по совершенствованию законодательства «в свете решений XVII съезда партии». Говорилось на совещании и о практике применения уже действующих законов. Так, Н. Крыленко свой доклад специально посвятил Закону от 7 августа 1932 года, получившему в народе название «закона о трех колосках». Известно, что он предусматривал применение высшей меры наказания независимо от размера похищенного имущества.

В 1934 году увидела свет книга Н. Крыленко «Ленин о суде и уголовной политике», в которой он, как и А. Вышинский, обосновывал теорию объективного вменения, утверждал, что целью наказания является устрашение. Тогда же, в апреле, состоялось торжественное заседание по случаю 10-летия Верховного суда Союза ССР. В речи на нем, с которой выступил «всесоюзный староста», судьям были даны соответствующие директивные указания. «Судья, — говорил М. И. Калинин, — плохой марксист, не знающий партийных решений, не умеющий достаточно крепко драться за партийные решения, идущий на поводу у местных организаций, не годится». Далее разъяснялось, с кем надо было драться и за что бить: «Наш суд должен бить активных врагов, тех, которые борются против линии партии, тех, которые **любыми** (разрядка моя. — В. З.) формами и мето-

дами сопротивляются мероприятиям партии». Вот так, а не иначе: любыми формами, а не только преступными.

Наступление «по всему фронту» началось вскоре — летом 1934 года. За шесть месяцев (с 1 июня по 1 декабря) было создано реакционнейшее законодательство, отбросившее все наши прогрессивные завоевания в области права на несколько столетий назад. Это был прыжок в средневековые.

8 июня ЦИК СССР внес своим постановлением дополнения в Положение о преступлениях государственных. В действие вводились статьи 58^{1а} — 58^{1г} Уголовного кодекса РСФСР. Они предусматривали уголовную ответственность за измену Родине. В соответствии с этим законом «совершеннолетние члены семьи изменника», даже не знавшие об измене Родины (да и как они могли знать о том, чего не было), подлежали «лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет». Появилась аббревиатура «ЧСИР». Вслед за крестьянами началось массовое переселение ни в чем не повинных родственников в абсолютном большинстве случаев ни в чем не повинных изменников — государственных и партийных деятелей, технической и культурной интеллигенции.

Одновременно расширялась и без того широкая сеть разного рода специальных судебных органов. С 1930 года функционировали железнодорожные суды. С 1932 года — тайно, обособленно работал конвейер военных трибуналов войск НКВД. В 1934 году к ним добавились специальные водные суды, учрежденные постановлением ЦИК и СНК 7 июня. А 17 ноября на основании аналогичного постановления стали действовать отделения областных, краевых судов при исправительно-трудовых лагерях. Они явились предшественниками образованных впоследствии специальных лагерных судов и с самого начала могли рассматривать все дела (в том числе контрреволюционные), совершенные в лагерях.

Следующая вежа. 10 июня 1934 года ЦИК принял сразу два закона, которые назывались «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел» и «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых народным комиссариатом внутренних дел и его местными органами».

При судах образовывались «коллегии по спецделам», которые рассматривали дела о совершенных гражданскими лицами контрреволюционных преступлениях, не отнесенных к подсудности специальных судов, в том числе военных трибуналов. Что же касается объема полномочий последних, то они резко возросли. Военной коллегии Верховного суда СССР и военным трибуналам округов (флотов) поручалось рассмотрение расследуемых аппаратом НКВД, в том числе войсковыми особыми отделами, дел об измене Родины, шпионаже, терроре, диверсиях, совершенных кем бы то ни было, а не только военнослужащими.

Долгие годы указанные законодательные акты преподносились в литературе как прогрессивные. При этом делался акцент на том, что было упразднено ОГПУ и функции его судебной коллегии переданы судам. Фактически же это был камуфляж. Произошло лишь перераспределение полномочий. Уже 5 ноября того же года при вновь образованном НКВД было учреждено Особое совещание. По решению ЦИК и СНК СССР ему предоставлялось право применять «к лицам, признаваемым общественно опасными», ссылку, высылку и заключение в лагерь сроком до 5 лет. В последующие годы ком-

петенция этого зловещего органа постоянно расширялась, вплоть до назначения смертной казни.

Апогей беззакония наступил 1 декабря. В тот трагический день были утверждены два закона, создатели которых, как это видно, лишь ожидали подходящего случая для их обнародования. Случай этот был организован — убийство С. М. Кирова.

Первый акт трудно назвать правовым и по содержанию, и по порядку его принятия. Это было постановление Президиума ЦИК «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», оформленное задним числом «путем опроса», без утверждения его на сессии ЦИК. Постановление содержало всего три пункта, обязывающих следствие вести дела «ускоренным порядком», суды — «не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников о помиловании», органы НКВД — приводить эти приговоры в исполнение «немедленно по вынесении судебных решений».

Второй закон (он-то и вошел в историю как Закон от 1 декабря 1934 года) назывался нейтрально «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», но носил не менее зловещий характер, чем первый. При расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах (а с 1937 года и некоторых других) надлежало руководствоваться следующим: следствие заканчивать в десятидневный срок, обвинительное заключение вручать обвиняемому за сутки до суда, дела слушать без участия прокурора и защитника, кассационного обжалования, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать, приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Это был заключительный аккорд. За ним последовала непрерывная серия судебных фарсов, ничего общего не имевших с правосудием. После законодательной кастрации от него ничего уже, кроме названия, не осталось. Известный русский юрист А. Кони считал, что «законодательство под влиянием временных ослеплений может, конечно, отступать назад и возвращаться к устарелым и отжившим учреждениям, но на коренные начала правосудия — гласность, устность, непосредственность и свободную оценку доказательств — оно серьезно посягнуть не решится. Эти приобретения человечества куплены слишком дорогой ценой многовековых страданий и заблуждений...» Оказалось, что заблуждался сам А. Кони. Мощная вспышка социалистической революции и последовавшее за ней ослепление были связаны с невиданным ранее энтузиазмом, подъемом народа на созидание нового строя. Но «фанатизму цели» сопутствовала, к сожалению, убежденность в том, что для ее достижения годятся любые средства. Подспудно вызревала сила, деформировавшая этот строй, превратившая его в карательно-бюрократическую систему, разрушившая «коренные начала правосудия». Посягнули и на гласность (закрытые политические процессы), и на устность, и на непосредственность (Особые совещания при ОГПУ — НКВД — МВД судили людей заочно), не говоря уже о свободной оценке доказательств (подписи и резолюции Сталина и его подручных зачастую предопределяли характер судебных решений). Все это было совсем недавно. Живы еще многие свидетели и участники той вакханалии беззаконий, унесшей миллионы и одобренной миллионами. Так давайте же и сегодня в ходе проведения судебно-правовой реформы не будем забывать горьких и трагических уроков истории. Давайте

перестанем муссировать фразу о том, что сегодня мы уже гарантированы от повторения проишзвзла. Это не так. Гарантии только создаются. Не всем по душе превращение советских судов в подлинно независимые судебные органы, что подтвердил и новый председатель Верховного суда СССР Е. Смоленцев в недавнем интервью газете «Известия»: «К сожалению, у некоторых граждан, в том числе и «ответственных товарищей», до сих пор бытует заблуждение, будто суд — орган борьбы с преступностью». Добавим от себя — очень опасное заблуждение, свидетельствующее о том, насколько глубоко сталинская вьелась в нашу плоть и кровь. И без того наплодили мы предостаточно разного рода административных органов, которые борются, пресекают, принуждают, ограничивают, лишают, участвуют в оздоровлении оперативной обстановки в городах» и т. п.

Суды же в первую очередь должны осуществлять защиту прав и законных интересов граждан, организаций, государства путем установления истины по каждому делу. Если так будет, то будет у нас правовое государство. Оно наконец-то станет реальностью.

В. ЗВЯГИНЦЕВ,
военный юрист

Редакции отвечают

Прокурор Трубчевского района Брянской области советник юстиции М. Родченков сообщает редакции о результатах проверки письма читателя А. Королева — о нарушении его прав директором Трубчевского лесоксмината В. Снытко при распределении жилья.

Установлено: директором упомянутого лесоксмината не выполняются требования действующего законодательства при распределении жилья. Директор без согласования с профкомом лесоксмината в нарушение очередности вселил в квартиру, предназначенную А. Королеву, водителя Р. Алешина.

«Водитель Алешин выселяться в добровольном порядке отказался. Королеву А. И. разъяснено его право обратиться с иском заявлением в районсуд о выселении Алешина Р. Н. Директор лесоксмината Снытко В. М., допустивший серьезные нарушения жилищного законодательства, прокуратурой официально предупрежден о недопущении нарушения закона. В Трубчевский РК КПСС внесена информация для принятия к нему мер партийного воздействия».

Вот такой ответ в редакцию, вызвавший новые вопросы. Был ли суд? И если был, то какое решение вынес? Получил ли А. Королев положенное ему по закону жилье? И как решился вопрос с водителем Р. Алешиним, который в незаконно полученной квартире произвел уже ремонт за свой счет? Имело ли место партийное воздействие на зарвавшегося администратора? И не слишком ли снисходительно обошлись правоохранительные органы с нарушителем закона, который повел себя как в недоброй памяти застойные времена?

Ждем ответа.

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЮРОКРАТИЗМА: ИЛЛЮЗИИ И НАДЕЖДЫ

Что такое бюрократизм? Может ли государственный служащий в условиях административно-командной системы не быть бюрократом? Как бороться с бюрократизмом?

Эти и другие вопросы за «круглым столом» редакции обсуждают: Виктор Александрович Волконский — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института АН СССР; Леонид Абрамович Гордон — доктор исторических наук, профессор Института международного рабочего движения АН СССР; Михаил Павлович Капустин — доктор философских наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС; Валентин Семенович Мартемьянов — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Всесоюзного юридического заочного института; Владик Сумбатович Нерсисянц — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором Института государства и права АН СССР; Михаил Иванович Пискотин — доктор юридических наук, профессор, руководитель центра политологических исследований Института государства и права АН СССР; Борис Георгиевич Черкасов — шофер автобазы № 11, депутат Таганского районного Совета народных депутатов г. Москвы; Вениамин Федорович Яковлев — доктор юридических наук, профессор, министр юстиции СССР. Ведет беседу Владимир Михайлович Сиренко — главный редактор журнала «Человек и закон».

В. Сиренко. Позвольте мне с самого начала сделать небольшое отступление.

Смотрите, что происходит: фабрики и заводы у нас не закрылись, продолжают производить продукцию, перевыполняют планы, получают премии. Голода, войны, разрухи нет. А в магазинах — пустые полки. Причем речь не о дефиците. Нет самых необходимых, жизненно важных товаров.

Обычно называют две причины сложившейся ситуации. Первая — буквально на все повысился спрос. Вторая — распределение товаров производится теперь по предприятиям. Но что значит повысился спрос? Ведь мне, скажем, не нужны сто пар обуви, тонна зубной пасты и двадцать холодильников. Что же касается распределения по предприятиям, то хотелось бы знать, какие из них удостоены такой чести.

В нашей редакции, например, работает более ста человек. Мы даем ежегодно прибыль государству более 50 миллионов рублей. Но нас в списках тех, среди кого «распределяют», нет. Коллектив у нас, оказывается, небольшой, и иметь с нами дело торговле невыгодно. Но ведь таких коллективов очень много. Как же быть людям, работающим в них? Уверен, у самих «распределителей» не возникает проблем, где приобрести детскую одежду, чем и как накормить семью. Так до каких же пор кто-то будет решать, сколько и что мы должны есть, во что одеваться, сколько раз мыться?

Эти вопросы задают наши читатели. И связывают их напрямую с рукой бюрократата, болотом бюрократизма.

Итак, что такое бюрократизм? В поисках точных формулировок я перелистал массу словарей. И обратил внимание на такую деталь — в юридическом энциклопедическом словаре термин «бюрократизм» вообще отсутствует. Но тут, видимо, дело в том, что в словаре этом приводятся более четкие юридические понятия, коим бюрократизм не является. Что же касается других источников, то в философском словаре, например, дается такое толкование. **Бюрократия** (господство канцелярии) — специфическая форма социальных организаций в обществе (политических, экономических, идеологических и др.), существо которой заключается в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства... И далее: ведет к возникновению привилегированного слоя, оторванного от масс и стоящего над ними.

Владимир Даль определяет бюрократию так: Это — управление, где господствует чиновничество: степенная подчиненность; зависимость каждого служебного лица от высшего.

Что же касается термина «Бюрократ», то в одном случае им называют лицо, принадлежащее к бюрократии. В другом — должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу. Но что значит «формально»? В ущерб какому «делу»? Не найдя конкретных ответов на эти вопросы в официальных источниках, я стал задавать их всем подряд. И вот что выяснил. Определяли все по-разному, но было и одно общее — среди моих собеседников не было ни одного человека, который бы не пострадал от бюрократии. Мне приводили примеры бездушного отношения. Говорили о волоките, о боязни отступить от инструкций, о засилье бумаготворчества. Одним словом, обо всем, что мешает людям нормально жить и работать. Но все-таки точного определения «Бюрократии» я для себя так и не нашел. В общем-то бюрократия, строго говоря, существовала во все времена и у всех народов. Да и сейчас она процветает в различных странах. Что же касается нас, то мы умудрились выработать наш собственный, родной, социалистический бюрократизм. Возрос же он у нас до невероятных размеров на благодатной почве административно-командного стиля руководства, который, к сожалению, и теперь присутствует. Наш доморощенный бюрократизм стал определенным стержнем, если не сказать стеновым хребтом, тех деформаций и того извращенного понимания социализма, о котором мы сегодня говорим. Носители бюрократизма — особая прослойка общества. Это люди, которые имеют власть и пробивались к ней не за счет личных достоинств и вложенного труда, а за счет связей, элементов коррупции и другими недостойными способами. Так что бюрократизм — явление крепкое, живучее.

В. Мартемьянов. Мне кажется, что нельзя рассматривать бюрократизм как случайное явление, которое у нас появилось вдруг и из-за которого забуксовало развитие страны, все сразу стало плохим, никуда не годным. И что виноваты в этом какие-то отдельные нехорошие власть имущие люди. Очевидно, бюрократизм все-таки следует рассматривать как глубокое явление, уходящее корнями в систему базисных отношений.

Л. Гордон. И все-таки прежде всего надо считаться с тем, как в массовом сознании употребляется это понятие. Мне думается, что представление о бюрократизме нельзя сводить только к формальному, преимущественно бумажному стилю работы. Помимо всего прочего, это еще и **бескультурие, безответственность, хамство, равнодушие, некомпетентность, зависть**, если хотите.

М. Капустин. Просто это вопрос культуры, вы хотите сказать?

Л. Гордон. Именно. Кстати сказать, все это излечимо.

Если же говорить о научном представлении бюрократизма, то это один из видов административно-авторитарного управления. Между прочим, не худший. Я думаю, что сталинизм в свои самые безумные тридцатые годы никак нельзя назвать бюрократической системой. Ибо это была такая система, которая сокрушала всякий порядок, в том числе и бюрократический.

М. Капустин. Может быть, просто тогда бюрократия становилась аппаратом насилия?

Л. Гордон. Возможно. Но не об этом речь. Ведь я говорю только о том, что бюрократизм — один из вариантов административно-авторитарной системы. Поэтому массовое понятие бюрократизма я бы расценивал как затемняющее понятие, которое мешает увидеть подлинные корни бюрократизма.

В. Сиренко. Итак, мы все еще пытаемся определить, что же такое бюрократизм. Наверное, я не ошибусь, если скажу, что никто из нас не отрицает, что бюрократизм — необходимый спутник любого типа государственного управления. И, между прочим, наряду с негативной окраской многие придают этому термину вполне положительное значение. В частности, видный американский профессор (Колумбийский университет) Северин Биллер утверждает, что с точки зрения социологии бюрократия — необходимая часть системы управления. Это, по сути дела, администрация. Ни одна страна при любом социальном строе без нее обойтись не может.

Наш, социалистический, бюрократизм возник еще до появления административно-командной системы и своими традициями уходит в царскую Россию.

Может быть, массовое представление, которое, по мнению Леонида Абрамовича, лишь затемняет понятие бюрократизма, на самом деле не так уж далеко от истины. Если обобщить характеристики бюрократизма и бюрократа, даваемые широкими массами, получится, что бюрократизм — плохое управление, а бюрократ — плохой государственный служащий.

В. Яковлев. А я думаю, что и бытовое, и научное понимание бюрократизма очень близки друг к другу. Естественно, что любой гражданин воспринимает бюрократизм как какое-то явление, с которым он сталкивается в обыденной жизни. А ученый старается размышлять, что же это такое: что-то случайное, единичное, поверхностное или очень глубокое, имеющее свои корни? И когда он начинает эти корни искать, то, естественно, выходит на сущность.

Поэтому противопоставлять обыденное понимание бюрократизма и научное понимание его сущности едва ли стоит.

Не знаю, к какому пониманию — обыденному или научно-му — отнести то, которое я попытаюсь сформулировать. Может быть, ближе к обыденному. Я думаю, что бюрократизм — это невыполнение или недоложное выполнение управленческим аппаратом тех общественно полезных функций, которые на него возлагаются, ради которых он создается, и на что, собственно говоря, общество тратится, создавая такой аппарат. Когда же этот аппарат начинает работать не столько ради интересов общества, сколько на самого себя, вот тут, по-моему, и возникает явление бюрократизма. А крайняя степень проявления бюрократизма — злоупотребление властью, когда аппарат, наделенный ею, начинает функционировать во вред обществу, а не в его пользу.

М. Пискотин. Я бы охарактеризовал бюрократизм так. Это — всевластие чиновников, абсолютизация тех функций, которые они выполняют, и использование своего положения в собственных интересах.

В. Мартемьянов. Все это так. Но почему у нас бюрократизм приобрел такие крайние формы?

В. Яковлев. Чтобы понять это, нужно разобраться в причинах существования бюрократизма и причинах его расцвета. То есть определить, почему он возникает и почему в определенных условиях проявляет себя меньше, а в других — цветет буйным цветом. Бюрократизм, по существу, так же вечен, как вечно само управление в человеческом обществе. И следовательно, в этом смысле искоренить его до конца невозможно.

М. Пискотин. Согласен с тем, что бюрократизм в принципе есть в любом обществе, где возникает такое разделение труда, которое приводит к созданию особого слоя управляющих. Наш же бюрократизм — явление уникальное, неповторимое, явление, которого история человечества еще не знала.

В. Яковлев. И решающим фактором его расцвета я бы назвал усиление политической власти, сосредоточенной в руках управленцев, властью экономической. Сразу после победы Октябрьской революции мы создали такую модель экономики и такую модель отношений собственности, при которой народные блага, народные ценности попали в значительной степени в руки управленцев. А имея экономическую власть, аппарат получил возможность интенсивно развиваться и создавать для себя и экономические блага, кроме всех тех, которые имел раньше. Между тем экономическая власть, как известно, самая большая власть. Потому в любом обществе стараются создать такую систему, при которой экономическая власть находилась бы в одних руках, а политическая — в других. У нас же произошло сращивание этих властей. Отсюда — уникальность нашего бюрократизма.

В. Волконский. Все дело в том, что у нас с помощью административных методов управляется хозяйственная жизнь. Мы почему-то отказались от рыночных механизмов, развитой кредитно-финансовой системы и пошли по пути администрирования. Он-то и привел нас к расцвету бюрократизма. Я рассматриваю то, что произошло в конце 20-х — начале 30-х годов, как победу докапиталистических отношений. Что ни говорите, а именно капиталистическая система регулирования хозяйства развила гигантские производственные силы, дала возможность выделиться в какой-то мере твор-

ческим силам, заложила основу развития демократии. И социализм должен был бы идти дальше, снять отчуждение, снять власть отдельных монопольных групп. Но мы избрали другой путь, повернули назад. И нам надо понять и исправить эту ошибку.

М. Пискотин. Нельзя забывать, что в первые годы Советской власти, когда мы приступали к социалистическим преобразованиям, то исходили прежде всего из тех представлений о социализме, которые выработали основоположники научного коммунизма. Мы строили социализм по типу «единой фабрики».

В. Сиренко. И «общего котла»...

М. Пискотин. Совершенно верно.

Б. Черкасов. Как это понимать?

М. Пискотин. Это значит, что все предприятия, заводы и фабрики, абсолютно все организации, которые производят материальные ценности, работают на «общий котел». При этом исходили из того, что раз все средства производства стали принадлежать обществу (а по сути дела, не обществу, а государству), значит, и все производимое должно поступать в общий фонд. И только потом распределяться. А чтобы все распределить, нужен был административный аппарат. И вот уже в первые месяцы Советской власти стали появляться огромные, гигантские главки, которые все брали на учет и все распределяли.

В. Яковлев. Главное — распределяли.

М. Пискотин. Может быть, аппарат и вырос до невероятных размеров именно потому, что уж очень понравилось ему все распределять и всем командовать.

В. Яковлев. Еще бы! Ничего не производить, но распределять.

М. Пискотин. Да, но уже очень скоро опыт показал, что такая система экономики в общем-то бесперспективна. И в тех трудностях, с которыми столкнулась наша экономика, виноваты не только чрезвычайные условия гражданской войны, виноваты и попытки строить ее по типу «единой фабрики», «общего котла» и полного отрицания товарно-денежных отношений.

В. Мартемьянов. Интересно проследить, как складывалось отношение бюрократии и ее вождей и теоретиков к товарно-денежным отношениям. После завершения гражданской войны мы попытались реализовать прямой продуктообмен. Ничего не вышло. И тогда Ленин решил осуществить переход к тому, что мы называем нэпом. Затем с легкой руки Сталина товарно-денежные отношения стали воспринимать как зло, с которым надо считаться, но которое необходимо вытеснять. Почему? А потому, что бюрократия понимала прекрасно, в чем, как говорится, ее гибель. Если встать на путь развития товарно-денежных отношений, административно-командная система должна рухнуть.

В. Сиренко. Думается, мы как-то уж очень упростили проблему. Нэп — это ведь целый этап в развитии нашей страны. Кстати сказать, очень значительный. По сути дела, это был серьезный рывок вперед. Но мы были к нему не готовы. И я бы не стал связывать сворачивание нэпа только лишь с боязнью административно-командной системы потерять свою власть. Все гораздо сложнее...

М. Пискотин. Владимир Михайлович, безусловно, прав. Понимаете, сегодня о нэпе говорят все. Но все-таки его истинного значения многие не понимают.

Смотрите, до недавнего времени принято было считать, что нэп — временное явление, продиктованное конкретными условиями,

возврат к капитализму. Так ли? Как отмечал в 1922 году Ленин, поворот к новой экономической политике был решен на X съезде партии «с чрезвычайнейшим единодушием, с большим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием)» (ПСС, т. 45, с. 73).

Почему? Да потому, что все видели — продолжать старый курс в экономической политике, особенно в отношении крестьянства, абсолютно невозможно. Голод, эпидемии, остановка промышленности, развал транспорта, катастрофическое уменьшение подвоза топлива в города, почти полное обесценение денег, недовольство крестьян продразверсткой, упадок сельского хозяйства — все это говорило о необходимости искать новый подход к экономике. «...Для улучшения положения рабочих, — писал Ленин, — нужны хлеб и топливо... А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства» (ПСС, т. 43, с. 218).

И снова мы задаемся вопросом: почему же именно с крестьянства? Прежде всего потому, что в стране преобладало крестьянское население. А к 1921 году, когда промышленность пришла в упадок и в городе нечего было есть, его стало еще больше. А сам нэп, помните, с чего он начался? С замены продразверстки продналогом. У крестьян в результате стали оставаться излишки продовольствия, которыми они могли свободно распоряжаться, выбрасывая их на рынок. Таким образом, допускалась известная свобода торговли. Но она была весьма ограничена. Ведь разверстка, по сути дела, заменялась не денежным, а натуральным налогом. Следовательно, продукты, идущие в уплату налога, не поступали предпринимательно в товарный оборот.

Несколько позже такая торговля частично распространилась и на промышленные товары. Было разрешено открывать мелкие частные предприятия, вести частную торговлю. 24 мая 1921 года СНК принял специальный декрет «Об обмене» (СУ РСФСР 1921, № 40, ст. 212). Им в законодательном порядке проводилось в жизнь решение X съезда партии о свободе местного хозяйственного оборота. Это было абсолютно необходимо при крайнем упадке промышленности.

Для восстановления крупной индустрии нужны были капиталовложения. Их не было. Нужно было что-то предпринимать, чтобы справиться с положением. Начали с мелкой промышленности, сферы обслуживания населения. Чтобы добиться их быстрого оживления, разрешена была в определенных пределах частнопредпринимательская деятельность. Началось известное возрождение капитализма в городе. Но оно принимало часто уродливые формы. На поверхность стало всплывать немало сомнительных дельцов. Тогда-то и родилось слово «нэпман», с которым стали отождествлять нэп в целом. Надо сказать, что многие революционные рабочие, коммунисты отрицательно относились к новой экономической политике, несмотря на то, что она очень быстро оживила экономику.

В. Сиренко. Но только не в промышленности. Там оживление носило достаточно поверхностный характер: улучшилось снабжение населения продовольствием, некоторыми видами промышленных товаров, да, пожалуй, несколько наладилась сфера обслуживания.

Хотя и это не так уж мало для того периода. Но все-таки главной задачи нэп не решил.

М. Пискотин. Вы имеете в виду индустрию?

В. Сиренко. Именно...

М. Пискотин. Все дело в том, что нэпу не дали развиваться так, как он был задуман. Ведь на него смотрели как на возврат к капитализму.

Собственно нэп — это пересмотр тех представлений о социализме, которые были развиты основоположниками научного коммунизма до конкретного исторического опыта его строительства. Но ведь нэп существовал очень недолго. Через какое-то время, по существу, мы создали смешанную экономику. Она в какой-то мере благодаря нэпу внесла элементы хозрасчета и товарно-денежных отношений. Но все-таки больше тяготела к военному коммунизму, к тому самому принципу «единой фабрики» и «общего котла». Так что попытка централизованно распределять все взяла верх. На такой экономической основе и развился наш бюрократизм, который вырос не просто в огромный, но и всесильный аппарат, который взял в свои руки все: и организацию производства, и — главное — распределение материальных благ. В итоге наше общество оказалось в невероятно большой зависимости от чиновников, от аппарата. Казалось бы, люди все производят, все создают своим трудом, но вместе с тем, ничего не имея, прошу извинить, ходят с протянутой рукой. Они вынуждены просить у чиновника квартиру, путевку, место в детском саду.

М. Капустин. Самое ужасное заключается в том, что роль просителя для нашего советского человека стала нормой. Мы даже не понимаем, до какой степени унижения дошли. Это же страшно! Просить то, что тебе положено! Ладно, когда речь идет о чем-то личном, хотя и это безобразие. Но уж совсем уродливое явление, когда человек униженно выпрашивает не для себя, а для всего общества. Попробуйте, например, внедрить что-то новое, прогрессивное...

В. Сиренко. Да пробовали, пробовали, Михаил Павлович. Уж об этом говорить устали. Все ищем причины нашей отсталости, а они-то невооруженным глазом видны. На поверхности, что называется. Вот один, только один, заметьте, пример, которых у нас, к стыду нашему, великое множество.

«Позвольте мне... искренне поздравить вас. Я прекрасно знаю, каким ценным является ваш научный вклад в дело обеспечения здоровья и полноценной жизни современного и грядущего человечества. Вы пересаживаете зубные зачатки беззубым людям, и они растут. Это граничит с фантастикой... Благодаря вашему научному подвигу идеи будущего становятся реальностью. И я надеюсь, что в скором времени мне также удастся успешно пересаживать зубные зачатки...»

Эти строки из письма колумбийского врача Хорхе Эрнана Карвахала приведены в статье «Помогите благу сбыться!», опубликованной в журнале «Юность» (№ 8, 1988 г.). Адресовано письмо доктору медицинских наук, профессору Геннадию Ефимовичу Драновскому, который вот уже свыше десяти лет пытается доказать, сколь спасительны для здоровья людей его многолетние и многотрудные изыскания. Автор статьи Всеволод Марьян подробно рассказывает о мытарствах врача из Махачкалы, о его многотерпении, высоком профессионализме, стремлении помочь всякому стра-

дальцу и о том, как энтузиазм, серьезнейшая титаническая работа сводятся на нет ведомственными амбициями, завидным упорством высоких инстанций «не пущать», «душить» талант. Нет, хирурга не испугали те невероятные научные, технические и даже психологические трудности, которые тормозят благороднейшую деятельность. Его пугают равнодушие, зависть, подлость. «А не может ли случиться так, что изобретение советского ученого... окажется доступным раньше, скажем, жителям Колумбии и других далеких и близких стран и уже потом, когда-нибудь в отдаленном будущем, нам с вами, советским людям?»

После публикации начались нападки на автора статьи. Да и профессору Драновскому вновь пришлось ощутить на себе натиск коллег. Цвет столичной стоматологической науки, на встречу с которым был приглашен Минздравом СССР профессор Драновский, меньше всего интересовался научными изысканиями Геннадия Ефимовича. Рассерженных профессоров занимало лишь одно: как умудрился их коллега из провинции докатиться до такой жизни: участвовать в посягательстве на непререкаемость авторитета советской стоматологии?

И пока профессора Драновского после встречи с Е. И. Чазовым пытаются как-то пристроить и создать ему хоть какие-то условия для его исследований, зарубежные специалисты уже давно успешно работают по методике профессора Драновского. А Геннадий Ефимович, между тем, скитается по углам, не имея жилья.

Так кто же виноват в таких вот явлениях, сплошь и рядом наполняющих нашу жизнь? И почему подобное безобразие стало возможно в нашей стране?

Мы пытаемся с вами все объяснить бюрократизмом, признаем, что причины его расцвета в экономических уродствах. Но только ли в них? Мне думается, что искать их надо и в нравственной деградации общества, в жестокости, равнодушии, социальной несправедливости.

В. Яковлев. Но ведь все это взаимосвязано. Конечно, нельзя все наши недостатки списывать только на бюрократизм. Точно так же, как нельзя сводить его расцвет к одной-единственной причине. Я бы даже сказал, что мы совершенно неверно думаем: стоит нам ликвидировать бюрократизм, и сразу мы избавимся от всех наших бед. Но, во-первых, от бюрократизма избавиться вообще нельзя. И, во-вторых, совершенно не нужно. Его просто нужно держать в каких-то рамках. А чтобы он не принимал уродливые формы, ему нужны определенные политические противовесы, коих у нас пока нет.

Б. Черкасов. Что, собственно, вы имеете в виду? Какие именно противовесы?

В. Яковлев. Сейчас объясню. Для того чтобы общество нормально развивалось, нужно, чтобы реально существовало разделение функций: законодательной, контрольной и исполнительной. У нас же все они сосредоточены в руках управленческого аппарата. А партийный аппарат, который, по идее, мог бы быть противовесом такого всевластия, сомкнулся с управленческим. Таким образом, отсутствие соответствующих демократических институтов, которые друг другу бы противостояли и друг друга бы взаимно уравновешивали, привело к злоупотреблению властью.

М. Пискотин. Причем эта тенденция усилилась еще и оттого,

что с самого начала мы отступали от демократических принципов управления обществом. Тогда казалось, что иного пути нет, что иначе социализм победить не может. И в какой-то мере это было действительно так. Но ведь отступления от демократических принципов стали правилом. Сначала лишили избирательных прав выходцев из свергнутых классов. Затем ввели неравенство прав рабочего класса и крестьянства: крестьяне были представлены в Советах в пять раз меньше, чем рабочие. И если тогда искренне казалось, что нужно обеспечить руководящую роль рабочего класса, теперь мы понимаем, что такое решение — не что иное, как отступление от общедемократических начал. Что, естественно, не может безнаказанно отразиться на развитии общества.

В итоге с конца 20-х годов изменился общий подход к социализму. Из строя, создаваемого в интересах трудящихся, он превращался в систему, при которой все сводилось к опоре на государственную власть, на силу аппарата управления, на методы принуждения и даже насилия. Свертывание хозрасчетных начал в экономике, которые были присущи нэпу, привело к тому, что те функции, которые начинал было выполнять рынок, стало стягивать к себе государство. Возникла преувеличенная вера в государство, в возможности его организующей и принудительной деятельности. В итоге реальная политическая власть все больше концентрировалась в руках аппарата: партийного, государственного и хозяйственного. Таким образом, социализм приобрел черты бюрократического социализма.

Главный его признак — централизованная, командная экономика, которая не может функционировать без постоянного государственного руководства, без подхлестываний и команд. А если учесть наше всегдашнее стремление к абсолютной государственной собственности, к вытеснению товарно-денежных отношений, утопическую веру во всеислие государства, станет ясно, почему мы разрушили механизмы саморегулирования в экономике. И почему возглавила все сферы нашей жизни бюрократическая иерархия. Посмотрите, к чему это привело. Жизнь становилась сложнее, экономика — масштабнее. И направлять ее из единого центра стало немыслимо. К тому же, чтобы эффективно хозяйствовать, нужны экономические интересы и конкуренция как на внутреннем, так и на внешнем рынке. У нас же еще с 20-х годов народное хозяйство было на долгие годы изолировано от внешнего мира. Идеологические барьеры свели к минимуму обмен научно-техническими достижениями с зарубежными странами. Огромная эмиграция и массовые репрессии лишили страну многих лучших ученых, деятелей культуры. Естественно, в этих условиях снизился уровень подготовки специалистов. Таким образом, конкуренция была устранена, а экономический интерес подорван.

В. Нерсисянц. Мне думается, что бюрократизм стал сегодня собирательным понятием, с которым связывают все недостатки существующей системы. Между тем наш бюрократизм существует в рамках административно-командной системы. Поэтому и причины его надо искать в самой форме организации политической власти. Мы должны понимать, что бюрократизм бюрократизму рознь. Он возможен и в условиях демократии, но это будет, я надеюсь...

В. Мартемьянов. ...хороший бюрократизм.

В. Нерсисянц. Уж не знаю, хороший или плохой, но он должен быть обязательно введен в правовые рамки, подчинен государст-

венно-правовому контролю, подвластен критике снизу. Но вернемся к сегодняшним реалиям. Административно-командная система сформировалась у нас в условиях, когда доминировало представление об отмирании государства и права. И вот вместо отмирающих государства и права создавались органы, которые и сложились в административно-командную систему. Как говорится, свято место пусто не бывает.

Л. Гордон. Это как бы одна из основ правового нигилизма?

В. Нерсисянц. Здесь сказался не просто правовой нигилизм. Был и собственно государственный нигилизм. С одной стороны, он рос на почве вполне понятной ненависти ко всему предшествующему государственно-правовому аппарату угнетения. С другой стороны, на почве довольно низкой политической и правовой культуры.

В. Яковлев. Не только. Бюрократизм волей-неволей мы связываем с управлением. А управление сопряжено с властью. Власть же стремится к утверждению, развитию, расширению. Собственно говоря, это и является той цепочкой, которая приводит к увеличению бюрократизма. По-моему, здесь участвуют и определенные свойства человеческой личности. Известно, что одним из таких свойств является стремление быть значительным. А власть поднимает значение человека в собственных глазах и в глазах окружающих. Отсюда, мне думается, и появляются всякого рода злоупотребления властью.

В. Сиренко. Значит, все-таки бюрократ — это человек, наделенный властью?

В. Яковлев. В определенном смысле, да. Но не только наделенный, но и злоупотребляющий ею.

В. Сиренко. Допустим. Тогда у меня есть вопрос. Скажите, а разве не называем мы бюрократами лифтершу, дворника, кассиршу в магазине, приемщицу в ателье, работника нотариальной конторы, техника-смотрителя ДЭЗа или любого другого человека, от которого хотим получить ответ на какой-то вопрос, справку... Какая, скажите, у них такая особенная власть, кем им данная? Тем не менее, сколько времени, сколько здоровья отнимает у нас порой вынужденное общение с этими людьми, сколько от многих из них приходится терпеть унижений, выслушивать оскорблений... Кто же они, эти люди? Тоже бюрократы?

Б. Черкасов. По-моему, просто хамы...

В. Сиренко. Вот-вот, так мы всех под одну гребенку и подстригаем... Между прочим, скажите, пожалуйста, ну, какой же бюрократ или хам работник собеса, если он в своей деятельности строго руководствуется заведенным порядком, добросовестно делает только то, что ему предписано инструкциями? Поэтому, мне думается, у нас существует несколько категорий бюрократов. Одни злоупотребляют данной им властью. Другие хотя и не имеют реальной власти, но в силу своей озлобленности, бескультурья превышают свои полномочия. И, наконец, третьи. Я бы назвал их вынужденными бюрократами. Это те, кто добросовестно следует указаниям сверху, не нарушая ни одной инструкции.

Чтобы подтвердить свои выводы, если позволите, подкреплю их конкретными примерами.

Видно, совсем уже отчаявшись, прислала в редакцию письмо Любовь Николаевна Соколовская из города Рогун Таджикской ССР. В семье Соколовских восемь детей. Мужу по месту работы выде-

лили пятикомнатную квартиру. «Можно радоваться, правда? — пишет Любовь Николаевна. — Но не тут-то было. Переселиться в квартиру мы не можем, так как там нет ни кранов в ванной, ни плиты на кухне. А чтобы все это получить, нужна справка, что мы старую квартиру сдали. Обратились мы в ЖКУ к Гончаровой В. К., а она говорит: справку не дам, сначала сделайте ремонт в квартире, потом получите справку. Но как же я, не выезжая, сделаю ремонт, ведь столько детей, среди них двойня годовалых. А без справки ордер на новую квартиру не дают».

И кто знает, сколько бы длился мытарства Соколовских, не вмешайся редакция. Начальник отдела общего надзора прокуратуры Таджикской ССР советник юстиции Б. А. Сенов ответил редакции: «По требованию прокуратуры города Рогун Соколовской Л. Н. был выдан ордер, оборудование установлено. В настоящее время она претензий не имеет. За допущенные нарушения жилищного законодательства начальнику участка № 1 ЖКУ-1 Гончаровой В. К. прокуратурой сделано предостережение».

Таких писем редакция получает очень много. И думается мне, что если бы те самые люди, от кого зависит судьба авторов писем в редакцию, оказались в их ситуации, решение было бы совсем другим.

В. Нерсисянц. Вы говорите о справедливости. Но ведь справедливость имеет значение только постольку, поскольку это правовой принцип. И суть перестройки — признание правового принципа. Что такое право? Это только формальное равенство, равная мера свободы. Что же касается социальной справедливости, то именно право должно признавать и защищать неравенство. Вот ведь о чем идет речь. И раз мы выступаем против уравниловки, значит, мы признаем такое неравенство.

В. Сиренко. Признавать-то признаем. Только вот почему-то, выступая против уравниловки, понимаем ее как-то искаженно. Многие, например, считают, что министры, руководители крупных предприятий получают слишком большую зарплату. А я, признаться, не могу согласиться с тем, что у нас инженеры, научные работники, врачи, учителя получают гораздо меньше квалифицированного рабочего. Очевидно, многие видели объявления в автобусах о том, что приглашаются на работу водители с окладом 300—400 рублей. Слов нет, работа у них непростая, напряженная. Но скажите, пожалуйста, что учитель или врач меньше отдают сил, здоровья, меньше тратят нервов, ума или у них меньше ответственность? Нет, я не за то, чтобы водителям автобусов меньше платили. Просто я считаю, что труд врача, инженера, министра по своей квалификации, по количеству затраченных на него усилий и должен оплачиваться соответствующим образом.

Другой момент. Отсутствие стимулирования добросовестного труда. До сих пор в нашей системе заработной платы главное — тарифные ставки, которые были утверждены свыше пятидесяти лет назад. А что такое тарифная ставка, твердый оклад? Ведь по сути это не что иное, как отрицание принципа справедливого распределения доходов по конечным результатам труда. Работашь хорошо или работаешь плохо — получаешь практически одинаково.

Б. Черкасов. Все это так. Только дело не в рабочих, и не в инженерах, и не в других специалистах. Думаю, народ больше всего волнуется, почему у нас в каком-то особом положении находятся работники партийного и государственного аппарата?

В. Нерсисянц. Вот вам и к вопросу о формальном равенстве и правовой защите неравенства...

М. Пискотин. А я считаю, что проблема вовсе не в том, чтобы ликвидировать большие должностные оклады. Для некоторых категорий руководящих работников их даже следовало бы поднять. В частности, оплата труда специалистов, занятых в управленческом аппарате на различных его уровнях, нередко необоснованно низка. В результате высококвалифицированных людей очень трудно привлечь к аппаратной работе, у них нет для этого стимула.

В. Сиренко. А я, извините, Михаил Иванович, считаю, что не всякий серьезный специалист согласится поменять любимую работу (она для него именно любимая, иначе он не стал бы серьезным специалистом) на работу управленца или аппаратчика.

Б. Черкасов. Почему вы так считаете? По-моему, согласится.

Л. Гордон. Да ни за что на свете!

В. Сиренко. Зададимся вопросом: а кто же он такой, аппаратчик?

Ведь если говорить честно, чаще всего дослуживались у нас до большой власти вовсе не те, кто обладал серьезными знаниями, умел отстаивать свое мнение, бороться за справедливость. Чаще всего это были послушные исполнители, умеющие выслушивать, подчиняться, выслуживаться. Либо те, за кого радели высокопоставленные родственники. В итоге у нас многие управленческие аппараты возглавляли не специалисты, а карьеристы. Надеюсь, мы вышли из того состояния, когда нужно подбирать слова. Убежден, надо все называть своими именами. А раз нет знаний, что им остается? Командовать.

Вот и стало системой, когда сапоги тачает пирожник, а пироги печет сапожник.

Но уважающий себя сапожник не станет пекарем. А наши аппаратчики оказались на все руки мастера. Очень немногие, понимая, что взялись не за свое дело, отказывались от должностей. Честь им и хвала! Но ведь большинство не желали понять ограниченности собственного опыта и знаний, не хотели добровольно отказываться от удобного, насиженного, гарантирующего власть и привилегии места. Поэтому и сейчас многие, прикрываясь перестроечными лозунгами, стараются сохранить свои блага, втихаря отсидевшись, и дальше жить по принципу: я начальник — ты дурак. Вот откуда засилье командно-административной системы, ее уродства.

М. Пискотин. Владимир Михайлович, как мне кажется, затронул очень интересный вопрос — о стремлении бюрократии к удержанию своих позиций в иерархии. Но нельзя сказать, что бюрократии безразлично, как будет развиваться экономика страны. В принципе она за ее улучшение, даже заинтересована в этом. Но такая заинтересованность носит слишком общий, неконкретный характер.

Почему так происходит? Да потому, что заработная плата у нас пока еще не стала единственной формой оплаты труда во всех сферах общественной жизни. Пока она дополняется системой привилегий. И до тех пор, пока руководящие работники не станут жить той жизнью, что и массы, до тех пор, пока они не будут на свои высокие оклады (их даже можно повысить) приобретать то, что в состоянии приобрести любой другой человек, до тех пор они будут держаться за свои места и продолжать командовать.

Кстати сказать, изменить существующий порядок нетрудно. Для

этого нужно вернуться к принципу, из которого исходило Советское правительство, отменив декретом от 26 апреля 1918 года все виды добавочного содержания служащим правительственных учреждений (СУ РСФСР, 1917—1918, № 37, ст. 489).

В. Сиренко. Но ведь еще до этого в декабре 1917 года правительством было принято решение «О размерах вознаграждения Народных Комиссаров, высших служащих и чиновников». В нем, в частности, говорилось:

«Признавая необходимым приступить к самым энергичным мерам в целях понижения жалованья высшим служащим и чиновникам во всех, без исключения, государственных, общественных и частных учреждениях и предприятиях, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Назначить предельное жалованье Народным Комиссарам в 500 рублей в месяц бессемейным и прибавку в 100 рублей на каждого неработоспособного члена семьи; квартиры допускаются не свыше одной комнаты на каждого члена семьи;

2) Обратиться ко всем местным Советам... с просьбой подготовки и проведения революционных мер к особому обложению высших служащих;

3) Поручить Министерству финансов и всем отдельным комиссарам немедленно изучить сметы Министерства и урезать все неправомерно высокие жалованья и пенсии» (СУ РСФСР, 1918, № 3, ст. 46).

По тому времени это были чрезвычайно низкие оклады.

М. Пискотин. Да. И такое решение было продиктовано тем, что Ленин и тогдашнее правительство считали: высшие должностные лица государства трудящихся не могут получать высокие должностные оклады, когда народ бедствует.

Что же касается постановления Совнаркома от 26 апреля 1918 года, то им были отменены все виды добавочного содержания служащих правительственных учреждений — суточные, процентные прибавки и др. Однако рост цен, падение стоимости денег вызвали необходимость в скором времени решить вопрос о повышении заработной платы работникам государственного аппарата. И тогда декретом СНК от 27 июня 1918 года «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» (СУ РСФСР, 1917—1918, № 48, ст. 567) оклады народным комиссарам, членам коллегий наркоматов, членам Президиума ВЦИК были установлены в размере 850 рублей. Таким образом, в законодательном порядке в жизнь полностью был введен принцип оплаты всех государственных служащих, включая самых высокопоставленных, не выше заработной платы рабочего, принцип, сформулированный Марксом.

В. Мартемьянов. Вот и еще одна тема: бюрократия и законность. Вы же понимаете, это — конфликтующие стороны.

В. Яковлев. Естественно. Ведь государство управляет обществом либо через закон, либо через систему индивидуального управления, т. е. через систему приказов. Так вот, по-моему, расцвет бюрократии привел к тому, что наша система управления через закон была подменена системой индивидуального управления. Началась эпоха расцвета индивидуального управления. С законом мы почти что покончили.

М. Пискотин. И Владик Сумбатович прав, когда говорит, что у нас было управление неправоное.

В. Мартемьянов. Симптоматично и чисто юридическое явление,

случившееся в 1938 году. Я говорю о репрессиях 1938 года в отношении школы хозяйственного права, которая предлагала тогда надеть, ну, как бы маленькие вериги законности на управленческие элементы. Вышинский, этот апологет тогдашнего порядка и законности, главный теоретик права, эту систему отменил. И с той поры с большими трудностями мы пытаемся возродить хозяйственно-правовое направление. Бюрократическая система не хочет правопорядка. Из Госплана обратно летят законы о планировании. И страна первого в мире планового хозяйства не имеет закона о планировании!

В. Яковлев. Мы уже переходим от причин бюрократизма к его последствиям. Мне кажется, что переоценить опасность расцвета бюрократизма невозможно. Ведь именно из-за него происходят очень глубокие деформации в обществе.

В. Мартемьянов. Не случайно, что через четыре или пять месяцев после Октября 1917 года Ленин впервые заговорил о бюрократизме и больше эту тему не оставлял до самых последних дней своей жизни. Он видел, что бюрократизм способен стать смертельным врагом социализма.

Выступая на II Всероссийском съезде горнорабочих, Ленин сказал: «Если перед вами выходят и говорят — «покончим с бюрократизмом», то это есть демагогия. Это чепуха. С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер...» (ПСС, т. 42, с. 260)

В. Сиренко. И Ленин предлагал несколько неотложных мер. Сначала упростить государственный аппарат, оставив лишь те его учреждения, без которых государство не может обойтись. А затем, исходя из реальных практических нужд, улучшать этот аппарат, но делать это при активном участии трудящихся. И тогда бюрократизм сам по себе исчезнет. Но вместо того, чтобы сокращать, мы плодили чиновников.

Б. Черкасов. Бюрократизм — это несчастье нашего общества. Что сделали с народом бюрократы? Продуктов нет, товаров нет. А на станциях стоят составы с овощами, мясом, и все это гниет. Разуверился народ в перестройке, потому что палки в колеса вставляют ей именно бюрократы.

Л. Гордон. Так что же, вы считаете, Борис Георгиевич, что все это делается сознательно?

Б. Черкасов. Именно сознательно. И если мы этого не поймем, никогда не сможем покончить с бюрократизмом, который мешает развитию нашего общества.

Могу привести здесь такие примеры. Кто погубил Аральское море? Бюрократы. Именно они в интересах своих амбиций, а не в интересах государства, принимали безответственные решения. Между тем никто из них не наказан. Жуликов и мошенников судим, но ни одного бюрократа ни разу не судили. О бюрократизме пишут все газеты, говорят по телевидению, но ни одной конкретной фамилии, ни одного бюрократа не названо. Почему? Почему стоит вне закона бюрократ? Почему у нас за безответственное решение не привлекают к ответственности? А ведь надо за это наказывать. Иначе мы никогда от бюрократа не избавимся. Он будет плодиться.

Ведь до чего доходит? Кому-то в верхнем эшелоне власти пришлось в голову уничтожить виноградники Молдавии под лозунгом

борьбы с пьянством и алкоголизмом. Но ведь это же чушь! Все понимали — делать этого не надо. Однако смахнули весь виноград. Выслужились наверняка самые ретивые, повышение по должности получили. А я бы судил их! Попробовали бы сами, своими руками этот виноград вырастить. Да что там говорить — ущерб государству нанесли, а никто не в ответе.

Я лично понимаю бюрократизм, во-первых, как боязнь принять ответственное решение. Ведь бюрократу хорошо на своем теплом месте. И он рассуждает: если я приму самостоятельно решение, а оно будет вразрез с тем, что думают наверху, да мне скажут, что ж ты делаешь, могу и потерять свое удобное кресло. А во-вторых, — это самое главное — безнаказанность. Что бы ни делал бюрократ, его не накажут. Я твердо, как рабочий, говорю: надо привлекать к ответственности. А поэтому в нашем законодательстве должны быть соответствующие статьи по этому вопросу. И самые строгие. Иначе наше общество никогда не пойдет вперед.

В. Сиренко. Мы слишком часто в последнее время стали говорить о том, что бюрократы «ставят палки в колеса перестройки», преследуя при этом свои корыстные интересы. Иногда это действительно так. Но чаще всего мы имеем дело просто с некомпетентными, неграмотными решениями. Только вот почему-то именно этого, очень важного аспекта не замечаем. Приведу, казалось бы, частный пример. Еще в 1979 году было принято решение об увеличении до 20 процентов надбавки к пенсии за непрерывный стаж работы. Введена эта надбавка была с 1 января 1983 года. Право на нее имели прежде всего те, кто длительное время проработал на одном предприятии. Но как только постановление начало действовать, стало ясно, что «одно предприятие» — понятие, часто не поддающееся определению. Многие структурные подразделения имеют право найма и увольнения. Некоторые организации, например геологоразведочные партии, реорганизуются чуть ли не ежегодно. Кроме того, переход с одного предприятия на другое нередко бывает вызван общественной необходимостью (перевод по решению министерства, организованный набор рабочей силы и т. п.). «Компетентному органу» потребовалось полгода, чтобы осознать это. И вот с 1 августа 1983 года действует положение, согласно которому стаж, дающий право на надбавку, прерывается только при увольнении по собственному желанию (при отсутствии уважительных причин) и по так называемым порочащим причинам, в частности за нарушение трудовой дисциплины. Было и еще одно условие, при котором право на надбавку имели только те, кто состоял на работе на 1 января 1983 года или позднее. Если же человек раньше вышел на пенсию, то для получения этой надбавки ему надо было отработать еще четыре месяца. Спрашивается, какому предприятию нужен такой работник? И почему люди, которые по состоянию здоровья уже не могут работать, должны быть дискриминированы? И зачем вообще нужно такое условие? Уж не в рамках ли социальной справедливости? К счастью, это правило отменили, но лишь через пять лет. Но стоит ли в этой многосерийной комедии с 20-процентной надбавкой (а для работников райсовбесов и пенсионеров это было сущей трагедией) усматривать корыстный интерес бюрократов, стремящихся ущемить интересы трудящихся? Думается, нет. Это просто некомпетентность, неграмотность, глупость, если хотите, неумение предвидеть, как принимаемая норма будет работать на практике.

Или как объяснить такое явление? Приходит в бюрократический аппарат сын бюрократа, тут, как говорится, все ясно. Ну, а если наш молодой специалист приходит в учреждение, не отягощенный никаким проклятым прошлым, и в скором времени становится очень средним, неплохим бюрократом?

М. Капустин. Я даже могу сказать точно, через сколько лет. Через пять. Первые два года он привыкает. Следующие два уже начинает, так сказать, функционировать. А на пятый год начинает вращаться в атмосферу и становится полноценным бюрократом.

В. Нерсисянц. Все это, конечно же, имеет какие-то закономерности. Но, думается, дело не в самих людях, которые с какой-то последовательностью плодят бюрократизм, не имея в личном плане для этого никаких оснований. То есть, можно сказать, что они делают это несознательно. Значит, причину надо искать глубже.

М. Пискотин. Конечно, здесь очень существенную роль играет тот строительный материал, из которого создавался аппарат государственного управления. Смотрите, какая сложилась у нас ситуация: когда шли на революцию, то исходили из того, что будет создано государство без армии, полиции и чиновничества. Но стали строить экономику, которая требовала огромного чиновничества. Причем строили в условиях, когда основная масса образованной и подготовленной части населения оказалась за бортом революции. И когда Ленин говорил, что нам не хватает культурных сил, он исходил уже из того положения, которое сложилось к тому моменту. Ведь в дореволюционной России наряду с миллионами неграмотных или полуграмотных людей было очень много интеллигенции, значительная часть которой составляла интеллигенцию высшего класса, была гордостью европейской культуры. Но все дело в том, что именно наиболее образованная часть людей либо была уничтожена, либо эмигрировала.

Когда-то Сен-Симон сказал: лишите нацию 50 лучших врачей, 50 лучших учителей, 50 лучших ее ученых, и нация будет отброшена на 100 лет назад. Мы в этом смысле проделали опыт, которого не знает ни одна страна в мире за всю историю человечества. У нас было уничтожено не 50 тех, других, третьих и четвертых, а была ликвидирована, по существу, вся наиболее образованная часть населения. И аппарат формировался из людей малоподготовленных, малообразованных. Это само по себе уже тоже давало питательную почву для роста бюрократического стиля в деятельности аппарата.

Если же говорить о сегодняшнем дне, то почти каждый отдельный человек в нашем аппарате понимает, что занимает не свое место, а потому не чувствует себя в нем уверенно. В результате создаются особые взаимоотношения: зависимость от вышестоящих должностных лиц, вышестоящих органов. И, кроме того, те самые привилегии для работников аппарата управления тоже порождают совершенно нездоровые отношения. Люди стремятся в этот аппарат и, если попадают туда, любой ценой держатся за свою должность. Но самое страшное — отчуждение аппарата от населения, от народа. Аппаратчики живут как будто в совершенно других условиях, в другом измерении, они не представляют, как живет большинство населения страны. Все это привело к тому, что мы создали такой особый слой управленцев, обладающих властью, которого никогда не было ни в какой другой стране. Почему же такое исключение стало нашим достоянием? Дело в том, что у нас в обществе

нет никаких сил, независимых от государства. Нет в экономике, нет ни в одной общественной организации.

Б. Черкасов. Получается, что государству подвластно все.

М. Пискотин. Совершенно верно. Но самое удивительное заключается в том, что какое-то время мы искренне считали этот феномен источником силы. И загнали общество в тупиковую ситуацию, которая с каждым днем обостряется. Вот почему сейчас как никогда важно ликвидировать административно-командную систему, а это значит — объявить непримиримую борьбу бюрократизму.

В. Волконский. И я думаю, речь должна идти не о борьбе с проявлениями бюрократии, а о том, чтобы изменить саму нашу систему управления государством и хозяйством.

В. Яковлев. Нам надо понять, что происходят деформации общественных отношений, причем основных: экономических, базисных. По существу, это перерождение общества. Смотрите, что произошло. Наши экономические отношения стали основываться не на связях производства и потребителя, а на связях между производством и вышестоящим аппаратом управления. Производитель отвернулся от потребителя, от его запросов. Производитель стал работать так, чтобы удовлетворить запросы, идущие сверху. Все это не такие безобидные вещи, как может некоторым показаться.

Мы, по существу, ликвидировали систему экономического стимулирования производства, то есть нормально функционирующую экономическую систему социализма, при которой производитель должен работать для того, чтобы удовлетворить запросы потребителя. Проще говоря, если производитель работает хорошо, удовлетворяет запросы потребителя, дает ему высококачественную продукцию, то и получает соответствующую оплату, за счет которой безбедно существует. И наоборот, если он не удовлетворяет эти потребности, значит, не может безбедно существовать.

Вот эту систему экономического стимулирования, которая человечеством вырабатывалась буквально тысячелетиями, мы у себя создать не смогли. Это одно из серьезных последствий бюрократизма, от которого нам надо избавляться прежде всего. Второе последствие — это деформация в политической сфере. Об этом здесь уже говорили. И третье — это деформация закона.

Идея утверждения правового государства означает ведь прежде всего восстановление закона как главного средства управления обществом. И я думаю, что это напрямую связано с проблемой бюрократизма. Может быть, с помощью закона мы с бюрократизмом что-нибудь и сделаем. Если не добьемся такого положения, значит, он одержит победу над нами.

В. Сиренко. Проблема бюрократизма и законности имеет еще одну грань. Бюрократизм действительно отрицает законность, но, в свою очередь, он является и следствием ее отсутствия. Мы не устаем говорить о засилье ведомственных актов, ущемляющих права граждан. А ведь это не что иное, как следствие некачественных законов, которыми просто невозможно регулировать общественные отношения.

Но нередко инструкции — это всего-навсего «юридическая отсебятина», которая, во-первых, не соответствует закону либо вообще противоречит ему, а во-вторых, осложняет разрешение вопросов, возникающих между гражданами и предприятием.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ЗАБАСТОВКА

Комментарий юриста к Закону СССР
«О порядке разрешения
коллективных трудовых споров (конфликтов)»

Забастовки... Сегодня они стали реальностью нашей повседневной жизни. По-нашему мнению, одна из причин этого заключалась в том, что не было законодательного акта, который бы предусматривал правовой механизм разрешения коллективных трудовых споров и конфликтов. Кстати заметим, само понятие «коллективный трудовой спор» в советском законодательстве отсутствовало. На практике же коллективные трудовые споры и конфликты существовали, и отсутствие законодательства, регулирующего порядок их разрешения, приводило к тому, что выяснение позиций сторон происходило стихийно, зачастую с нарушением законодательства о труде, а в последнее время все чаще и чаще с остановкой производства (то есть в форме забастовок). Понятно, что объективные условия все настоятельнее требовали разработать и принять соответствующий закон.

9 октября 1989 года Верховный Совет СССР после тщательного постатейного обсуждения принял Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)».

Структура и содержание нового Закона построены на возможности перерастания коллективного трудового спора в конфликт, который при определенных условиях и в установленных Законом случаях может проявиться в форме законной забастовки.

В соответствии со статьей 1 Закон регулирует порядок разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов) по вопросам применения действующего законодательства о труде, заключения и исполнения условий коллективных договоров и соглашений в части установления новых или изменения существующих социально-экономических условий труда и быта между трудовыми коллективами (коллективами подразделений) и администрацией предприятия, учреждения, организации или отраслевыми (межотраслевыми) органами управления.

Следовательно, коллективные споры могут возникнуть по очень широкому кругу вопросов. В частности, по вопросам премирования, рабочего времени, графиков сменности, времени отдыха, норм труда и сдельных расценок, гарантий и компенсаций, охраны труда, предоставления льгот, участия рабочих и служащих в управлении предприятиями, учреждениями и организациями. Это также могут быть споры, связанные с невнимательным отношением к нуждам

людей со стороны отраслевых (межотраслевых) органов управления, с их нераспорядительностью и волокитой в решении таких жизненно важных вопросов, как улучшение условий труда и быта, сокращение управленческого аппарата, изменение стиля и методов работы, и др. Как следует из содержания статьи 1 Закона, коллективные споры выходят за пределы компетенции предприятия и могут решаться на различных уровнях.

Масштабы споров (конфликтов) различны. Однако независимо от уровня, характера и содержания спора одной из его сторон всегда является трудовой коллектив предприятия, учреждения, организации, их структурных подразделений (производств, цехов, отделений, участков, ферм, бригад, звеньев, бюро, лабораторий, отделов и др.).

Под трудовым коллективом понимается объединение работников, осуществляющих совместную трудовую деятельность на предприятиях, в учреждениях, организациях.

Следовательно, одной из сторон коллективного трудового спора в обязательном порядке является коллектив, работники которого находятся в трудовых отношениях с предприятием, учреждением, организацией.

Кто же может быть другой стороной коллективного трудового спора? Здесь возможны два варианта.

Если выдвигаемые трудовым коллективом требования не выходят за пределы компетенции предприятия, второй стороной спора является администрация. В тех же случаях, когда требования трудового коллектива выходят за компетенцию предприятия, — отраслевой (межотраслевой) орган управления.

Встает вопрос, может ли быть стороной спора Совет Министров союзной республики или Совет Министров СССР? Ответ на данный вопрос должен быть отрицательным, так как в данном случае требования прежде всего выдвигаются к тем органам управления (отраслевым, межотраслевым), в подчинении которых находятся предприятия. А как же быть с разрешением тех вопросов, которые относятся к компетенции правительства, к сфере централизованного регулирования? В этом случае министерства и ведомства, располагая исчерпывающей информацией, должны подготовить и внести соответствующие предложения в Совет Министров СССР.

В статье 2 Закона о порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов) определен порядок формирования и выдвижения требований трудового коллектива. Эти требования формируются и утверждаются на общем собрании (конференции) большинством голосов членов данного коллектива.

Собрание (конференция) считается правомочным, если на нем присутствует не менее 3/4 членов коллектива (делегатов конференции).

Выдвинутые и утвержденные на собрании (конференции) требования трудового коллектива, изложенные в письменной форме, направляются администрации предприятия, учреждения, организации не позднее 3 дней со дня их утверждения.

Интересы трудового коллектива представляет уполномоченный им орган (профсоюзный комитет, совет трудового коллектива и другие). Как видим, в законе нет исчерпывающего перечня этих органов. И это вполне оправданно. Как показала практика, в ряде случаев в ходе забастовок работники настаивали на переизбрании профсоюзных комитетов и советов трудовых коллективов, которые не выра-

жали интересы трудящихся, не защищали их права, потеряли свой авторитет. Поэтому если трудовой коллектив в силу ряда обстоятельств не доверяет представлять свои интересы профсоюзному комитету, совету трудового коллектива, то он вправе поручить это другому органу.

Получив требования трудового коллектива, администрация предприятия, учреждения, организации обязана рассмотреть их в 3-дневный срок со дня получения и незамедлительно сообщить о своем решении. В случае, если разрешение этих требований выходит за пределы компетенции администрации предприятия, учреждения, организации, она обязана направить их для рассмотрения в те же сроки в соответствующий орган. Принятые администрацией или отраслевыми (межотраслевыми) органами управления решения должны быть изложены в письменной форме и доведены до сведения всего трудового коллектива: переданы по радио либо опубликованы в местной печати, сообщены на собраниях коллективов по структурным подразделениям, распечатаны и вывешены для всеобщего ознакомления и т. д.

Необходимо заметить, что возникновение коллективного трудового спора (конфликта) на предприятиях надо рассматривать как чрезвычайную ситуацию. В связи с этим Законом установлено требование — о каждом случае такого спора администрация и профсоюзный комитет должны немедленно информировать местные Советы народных депутатов и вышестоящие хозяйственные и профсоюзные органы, которые не должны быть безучастными к сложившейся обстановке.

Если требования трудового коллектива не удовлетворены или принятые по ним решения не устраивают трудовой коллектив, коллективный спор перерастает в конфликт.

В соответствии со статьей 3 Закона требования коллектива, отклоненные или удовлетворенные частично органами, которым они были направлены, рассматриваются:

- а) примирительными комиссиями;
- б) трудовыми арбитражами.

Примирительные комиссии создаются из равного числа представителей сторон (статья 4 Закона).

Количественный состав, порядок организации и работы примирительной комиссии Законом не регулируются. На наш взгляд, при решении этих вопросов можно исходить из сложившейся практики организации и работы комиссий по трудовым спорам.

Должна ли примирительная комиссия быть постоянно действующим органом или же она должна формироваться в связи с возникновением коллективного трудового спора и прекращать свою работу после того, как он разрешен?

По нашему мнению, примирительные комиссии на предприятиях нецелесообразно создавать как постоянно действующий орган. Причин для этого несколько. И основная заключается в том, что задача примирительной комиссии — урегулировать конкретный конфликт. Поэтому в зависимости от характера конфликта и перечня выдвигаемых требований формируется и ее состав. К тому же в Законе не идет речь о создании этих комиссий из постоянных представителей сторон. Следовательно, деятельность данного примирительного органа должна прекращаться либо после достижения определенного соглашения, либо при его недостижении.

Конфликты в примирительных комиссиях рассматриваются в

5-дневный срок, во время которого должны вестись интенсивные переговоры между конфликтующими сторонами, выработаться согласованные позиции.

В соответствии с требованиями Закона примирительные комиссии консультируются с трудовыми коллективами, администрацией, местными Советами народных депутатов, вышестоящими хозяйственными, профсоюзными и иными заинтересованными органами.

Решение комиссии принимается по соглашению между сторонами на основе переговоров, оно оформляется протоколом и имеет обязательную силу для сторон.

В случае, если в примирительной комиссии соглашение достигнуто либо решения комиссии не исполняются, стороны вправе обратиться к трудовому арбитражу.

В статье 5 Закона установлен порядок формирования и деятельности арбитража, за которым закреплено право принятия окончательного решения.

Трудовой арбитраж создается сторонами коллективного трудового спора (конфликта). В его состав входят народные депутаты, представители вышестоящего профсоюзного органа, органа по труду и социальным вопросам.

Такой представительный состав трудового арбитража в состоянии квалифицированно, всесторонне и объективно рассмотреть по существу возникший конфликт и принять соответствующее решение.

Необходимо отметить, что взаимоотношения и интересы конфликтующих сторон при формировании трудового арбитража полностью соблюдены. В Законе установлено четкое требование, в соответствии с которым количественный и персональный состав трудового арбитража по каждому конфликту устанавливается соглашением сторон.

Председатель трудового арбитража утверждается соглашением сторон из числа членов данного трудового арбитража.

Коллективный трудовой спор (конфликт) рассматривается трудовым арбитражем с обязательным участием представителей сторон и, при необходимости, — представителей вышестоящих органов.

Трудовой арбитраж должен принять решение в 7-дневный срок со дня поступления заявления.

Решение трудового арбитража является обязательным для исполнения.

В ходе разбирательства конфликта в арбитраже могут быть выяснены обстоятельства и причины его возникновения, установлены должностные лица, виновные в этом. В соответствии с Законом трудовому арбитражу предоставлено право вынести в адрес вышестоящих хозяйственных и профсоюзных органов специальное представление в отношении должностных лиц, по вине которых возник коллективный трудовой спор (конфликт). О результатах рассмотрения такого представления вышестоящие хозяйственные и профсоюзные органы сообщают трудовому коллективу.

Следует указать и на такое важное обстоятельство, что в ходе разбирательства спора в примирительной комиссии и трудовом арбитраже в течение установленных Законом сроков работа предприятия не должна приостанавливаться. В соответствии со статьей 6 Закона стороны и примирительные органы обязаны использовать все возможности для устранения причин и обстоятельств, повлекших коллективный трудовой спор (конфликт). Вместе с тем не исключается, что примирительная комиссия и трудовой арбитраж не смогут урегулировать разногласия сторон. О причинах этого они долж-

ны сообщить трудовому коллективу в письменной форме. В этом случае трудовой коллектив вправе использовать для удовлетворения своих требований все иные предусмотренные Законом средства, вплоть до полной или частичной приостановки предприятия, учреждения, организации или подразделения (забастовки) (статья 6 Закона).

Здесь впервые в Законе провозглашается право на забастовку. Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с Конституцией СССР, конституциями союзных республик, другими законодательными актами организации и проведение забастовок не запрещаются. Однако надо иметь в виду, что осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданами своих обязанностей, в первую очередь обязанности добросовестно трудиться.

Реализация же права на забастовку наступает лишь после того, когда исчерпаны примирительные способы урегулирования конфликта в установленные Законом сроки.

В Законе подчеркивается, что забастовка является крайней мерой разрешения коллективного трудового спора (конфликта) (статья 7). Определена процедура объявления забастовки. Решение о забастовке принимается на собрании (конференции) трудового коллектива или коллектива подразделения тайным голосованием и считается принятым, если за него проголосовало не менее 2/3 членов данного коллектива (делегатов конференции).

Предусмотрено, что решение о забастовках принимается только тайным голосованием. Это сделано для того, чтобы воля коллектива была высказана объективно, без возможного давления на кого-либо из присутствующих на собрании (конференции).

Возникает вопрос о правомочности собрания (конференции) трудового коллектива. Ответ на данный вопрос содержится в статье 2 Закона. Собрание (конференция) считается правомочным, если в нем участвуют не менее 3/4 общего числа членов коллектива (делегатов конференции).

Следует ответить и на такой весьма важный вопрос, надо ли вести протоколы заседаний собрания (конференции), на котором принимается решение о забастовке. Представляется, что это надо делать в обязательном порядке, не рассматривая ведение протокола как формальный момент. Ведь надлежащим образом оформленный протокол собрания (конференции) будет основным доказательством в том случае, если вдруг возникнет вопрос о незаконности забастовки.

Забастовку возглавляют профсоюзный комитет, совет трудового коллектива, забастовочный комитет или другой уполномоченный трудовым коллективом орган.

Начало забастовки и ее продолжительность определяются собранием (конференцией) трудового коллектива.

Проведение забастовки не должно быть неожиданностью для администрации. Поэтому администрация, как следует из Закона, должна быть письменно предупреждена о начале забастовки и возможной ее продолжительности не позднее чем за 5 дней. Этого срока вполне достаточно, чтобы каждая из сторон еще раз взвесила свою позицию в противоборстве мнений и интересов и окончательно определила свой выбор, по какому пути идти — по пути конфронтации или примирения и взаимных уступок.

О возможности предстоящей забастовки администрация незамедлительно предупреждает поставщиков и потребителей, транспорт-

ные организации, а также другие заинтересованные предприятия, учреждения, организации. Делается это для того, чтобы смежники имели возможность внести коррективы в свою хозяйственную деятельность, найти возможность для продолжения бесперебойной работы.

Участие в забастовке является добровольным. Никто не может быть принужден к участию или отказу от участия в ней.

В Законе ничего не говорится о возможности или невозможности замены бастующих другими работниками. Поскольку запрета на этот счет не предусмотрено, то со всей определенностью можно сделать вывод, что администрация может пойти по этому пути и привлечь для работы вместо бастующих других рабочих и служащих.

В статье 8 Закона отмечается, что права органов, возглавляющих забастовку, не могут выходить за те пределы, которые установлены действующим законодательством.

Этим положением подчеркивается, что исключается вседозволенность, возможность подмены полномочий других органов.

Орган, возглавляющий забастовку, представляет интересы трудового коллектива в ходе забастовки, информирует население через средства массовой информации о ходе разрешения возникшего коллективного трудового спора (конфликта). Осуществляя эти полномочия, он не вправе принимать решения, относящиеся к компетенции администрации предприятия, органов государственной власти и управления, а также общественных организаций.

Полномочия органа, возглавляющего забастовку, прекращаются, если стороны подписали соглашение об урегулировании возникшего коллективного трудового спора (конфликта), а также в случае признания забастовки незаконной.

Контроль за выполнением условий соглашения, выработанного в ходе разрешения коллективного трудового спора (конфликта), осуществляется в соответствии с законодательством профсоюзными органами, органами трудового коллектива и общественных организаций, вышестоящими органами государственной власти и управления.

В случае невыполнения условий соглашения, орган, возглавляющий забастовку, восстанавливается в своих полномочиях.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что право на забастовку не может быть неограниченным. В статье 9 Закона указывается, что Верховный Совет СССР или Верховный Совет союзной республики может отложить проведение забастовки либо приостановить ее на срок до двух месяцев.

В период между сессиями Верховного Совета СССР или Верховного Совета союзной республики решение об отложении либо о приостановке забастовки на указанный срок вправе принять Президиум Верховного Совета СССР или соответственно Президиум Верховного Совета союзной республики с обязательным приглашением на заседание Президиума народных депутатов СССР от соответствующих территорий.

Это продиктовано стремлением найти пути урегулирования конфликта и избежать больших материальных убытков, крупного ущерба для региона, страны и трудовых коллективов.

При проведении забастовки на администрацию предприятия, исполнительный комитет местного Совета народных депутатов, трудовой коллектив, участвующий в забастовке, и орган, возглавляющий забастовку, возлагаются определенные обязанности, а именно: принять необходимые меры к обеспечению жизнеспособности пред-

приятия, сохранности государственного и общественного имущества, соблюдения социалистической законности и общественного порядка (статья 10).

Соблюдение социалистической законности и правопорядка исключает применение в ходе забастовок угроз, насилия, организацию беспорядков, воспрепятствование администрации, другим работникам исполнять свои служебные и производственные обязанности и т. д.

Запрещается проведение забастовок при определенных условиях, а также в ряде отраслей и сфер государственной и общественной жизни, так как это создает угрозу обществу и государству, может дезорганизовать общественную жизнь и экономику страны.

В статье 11 Закона говорится, что прекращение работы как средство разрешения коллективного трудового спора (конфликта) не допускается, если это создает угрозу жизни и здоровью людей, а также на предприятиях и в организациях железнодорожного и городского общественного транспорта (включая метро), гражданской авиации, связи, энергетики, оборонных отраслей (в подразделениях, непосредственно занятых производством продукции оборонного назначения), в государственных органах, на предприятиях и в организациях, на которые возложено выполнение задач по обеспечению обороноспособности, правопорядка и безопасности страны, в непрерывно действующих производствах, приостановка которых связана с тяжкими и опасными последствиями.

Это не означает, что на предприятиях указанных отраслей не могут возникнуть коллективные трудовые споры. Порядок их рассмотрения такой же, который предусмотрен для предприятий и организаций других отраслей промышленности. Однако в тех случаях, когда стороны трудового конфликта не придут к взаимоприемлемым решениям, здесь установлен особый порядок его разрешения. Трудовые коллективы указанных предприятий и организаций после соблюдения предусмотренной Законом примирительной процедуры имеют право обратиться за защитой своих законных прав и интересов в Верховный Совет союзной республики, а в случае союзного подчинения — в Верховный Совет СССР, которые должны рассмотреть их требования и дать ответ не позднее месячного срока.

В Законе приводится исчерпывающий перечень случаев, когда забастовки признаются незаконными. Он не подлежит расширительному толкованию.

В соответствии со статьей 12 Закона признаются незаконными и не допускаются забастовки:

а) по мотивам, связанным с выдвижением требований о насильственных свержении и изменении советского государственного и общественного строя, а также требований, влекущих нарушения национального и расового равноправия;

б) объявленные без соблюдения положений статей 2, 3, 4 Закона, то есть когда требования коллектива не были сформированы и утверждены на собрании (конференции) трудового коллектива и не были рассмотрены органами, к которым обращены требования коллектива, примирительными комиссиями и трудовыми арбитражами, а также начавшиеся или продолжающиеся в нарушение требований статей 5, 7, 9 и 11 Закона, то есть когда спорящими сторонами не был создан трудовой арбитраж или конфликт не был им рассмотрен, либо когда решение о проведении забастовки не было принято на собрании (конференции) трудового коллектива, или когда администрация не была предупреждена письменно о начале забастовки

и возможной ее продолжительности, и когда проведение забастовки отложено или приостановлено Верховным Советом СССР (Президиумом Верховного Совета СССР), Верховным Советом союзной республики (Президиумом Верховного Совета союзной республики), а также в тех случаях, когда на предприятиях и в организациях определенных отраслей и сфер государственной и общественной жизни прекращение работы как средство разрешения коллективного трудового спора не допускается.

Решение о признании забастовки незаконной при наличии указанных оснований принимается Верховными судами союзных республик (не имеющих областного деления), автономных республик, краевыми, областными (городскими) судами по заявлению администрации предприятия, вышестоящего хозяйственного органа, исполнительного комитета местного Совета народных депутатов и доводится до сведения трудовых коллективов через орган, руководящий забастовкой, и средства массовой информации.

Решение о признании забастовки незаконной обязывает трудовые коллективы прекратить ее и приступить к работе не позднее следующего дня после вручения копии решения органу, руководящему забастовкой.

Законом установлен определенный уровень гарантий для рабочих и служащих, участвующих в забастовках (статья 13). За работниками, участвующими в забастовке в соответствии с Законом, сохраняются общий и непрерывный трудовой стаж, право на обеспечение по государственному социальному страхованию, а за работниками, участвующими в не запрещенных статьей 12 Закона о забастовках, сохраняется также место работы (должность).

По общему правилу за время забастовки участвующим в ней работникам заработная плата не сохраняется.

В целях оказания материальной помощи бастующим трудовой коллектив вправе создавать фонд за счет добровольных взносов и пожертвований, а также специальный страховой фонд в соответствии с коллективным договором (соглашением).

Законом не регулируется порядок образования и расходования фонда за счет добровольных взносов и пожертвований, а также специального страхового фонда. В каждом конкретном случае эти вопросы решаются на предприятии с учетом имеющихся возможностей. Решение вопроса о создании специального страхового фонда относится к сфере локального (местного) регулирования и должно найти отражение в коллективном договоре.

По-иному решается Законом вопрос о выплате заработной платы тем работникам, которые не принимали участие в забастовке, но в связи с ней не имели возможности выполнять свою работу. Этим работникам предприятие, учреждение, организация обязаны сохранить заработную плату в размерах, не ниже установленных статьей 43 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (статья 94 КЗоТ РСФСР, аналогичными статьями КЗоТ других союзных республик), как за простой не по вине работника, то есть не ниже двух третей тарифной ставки установленного работнику разряда (оклада).

Организация признанной судом незаконной забастовки или участие в ней рассматриваются как нарушение трудовой дисциплины и могут повлечь применение мер дисциплинарного взыскания и материальной ответственности, предусмотренных статьями 49, 56 Ос-

нов законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (статья 14 Закона).

Следует особо подчеркнуть, что право принимать решение об объявлении забастовки незаконной принадлежит только соответствующему суду. И только после признания судом забастовки незаконной к работникам могут быть применены меры дисциплинарного взыскания и материальной ответственности. В иных случаях администрация предприятия не имеет права принимать указанные меры за участие в забастовке.

Администрация имеет право вместо применения дисциплинарного взыскания передать вопрос о нарушении трудовой дисциплины на рассмотрение трудового коллектива, товарищеского суда или общественной организации.

Участие в незаконной забастовке свыше 3 часов, когда работник отсутствует на работе, может рассматриваться как прогул без уважительных причин.

Применение мер дисциплинарного взыскания за участие в незаконной забастовке, в том числе увольнение, должно производиться с соблюдением требований действующего законодательства. Расторжение трудового договора по инициативе администрации предприятия, учреждения, организации за участие в незаконной забастовке (как за систематическое нарушение трудовой дисциплины, прогул без уважительных причин) не допускается без согласия профсоюзного комитета, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Союза ССР.

В Законе отсутствует указание на запрещение локаута — массового увольнения работников за участие в незаконной забастовке. Однако строгое соблюдение норм действующего законодательства при увольнении сводит практически на нет возможность применения подобного «наказания» в отношении забастовщиков. К тому же применение подобных мер в широких масштабах вряд ли будет целесообразно и оправданно.

Определенную ответственность должны нести руководители и другие должностные лица, виновные в возникновении коллективных трудовых споров (конфликтов) или задержке исполнения решений примирительной комиссии либо трудового арбитража.

Они привлекаются к дисциплинарной ответственности вплоть до освобождения от должности, а в случае причинения их действиями материального ущерба — и к материальной ответственности в размере до трех месячных окладов.

Участие в забастовке не снимает с трудового коллектива обязательств, которые он должен нести перед другими предприятиями и организациями. Это положение нашло подтверждение в статье 15 Закона, в соответствии с которой ущерб, причиненный в результате забастовки другим предприятиям, учреждениям, организациям или гражданам, возмещается в соответствии с действующим законодательством.

В. ДЕМИН

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

Директор попросил меня задержаться после совещания.

— Тут по вашу душу бумага,— улыбнулся он.— В арбитраж нас приглашают. Завод имени Первого Мая требует взыскать с нашего завода штраф за необоснованный отказ от акцепта платежного требования.

— Ну это нам не угрожает,— ответил я, взглянув на исковое заявление.

— Почему? — спросил Демократов.— Закон такие штрафы не предусматривает?

— Да предусматривать-то предусматривает. Согласно п. 66 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения за неосновательный отказ от акцепта платежного требования (полностью или частично), а также за уклонение от оплаты продукции при других формах расчетов покупатель (плательщик) уплачивает поставщику штраф в размере 5 процентов суммы, от уплаты которой он отказался или уклонился.

Однако у нас ситуация несколько другая. Завод имени Первого Мая выставил нам платежное требование на сумму 36 тысяч рублей. Мы отказались от оплаты частично, на сумму 5 тысяч рублей, указав в заявлении, что сумма в 36 тысяч была определена исходя из завышенной цены за единицу продукции. В преискурante, на который есть ссылка в договоре о поставке, предусмотрена другая цена. Вот мы с учетом этого и пересчитали причитающуюся к уплате сумму.

Правда, у меня лежит еще одна претензия этого же завода. Вот тут платить придется, хотя и не три тысячи, как требуют.

— А здесь в чем дело? — поинтересовался Василий Иванович.

— Мы несвоевременно вернули им тару. В договоре для этого предусмотрен срок в 45 дней. Продукцию нам отгрузили 5 сентября, а тара была возвращена только 2 ноября.

— И за это такой большой штраф полагается — 3 тысячи? — удивился директор.

— В соответствии с п. 68 Положения о поставках за просрочку возврата тары, средств пакетирования и специализированных контейнеров до 15 дней покупатель уплачивает поставщику штраф в размере 150 процентов стоимости не возвращенных в срок тары, средств пакетирования и специализированных контейнеров, а за просрочку свыше 15 дней — 300 процентов (с зачетом ранее уплаченных сумм санкций).

Стоимость невозвращенной нами тары тысяча рублей. Завод имени Первого Мая требует штраф из расчета 300 процентов стоимости тары, но мы же просрочили только 13 дней, так что платить придется не три, а полторы тысячи рублей.

С. ИСТИНОВ

КУКЛА ВЫЗДОРОВЕЛА!

Приближался Новый год, и предпраздничная суета как-то сгладила переживания Виты и Семена. Нет, еще не были сказаны те самые слова, после которых супругам, находящимся в ссоре, уже невозможно жить отдельно друг от друга. Еще Семен уходил по утрам на работу, отказываясь от завтрака, приготовленного Витой, но им было ясно, что друг без друга они жить не в состоянии. Вите казалось, что еще день-другой — и последний лед отчуждения растает.

Она решила поговорить с Семеном за новогодним столом, а пока купить подарок к Новому году и положить возле Деда-Мороза под елкой. «Вот и будет предлог для серьезного разговора о нашем будущем!» — успокоила она себя.

Вита и не догадывалась, что подобные мысли одолевали и Семена. И он решил поговорить за праздничным столом, а пока... пока подыскать супруге подарок и тоже положить его с запиской у Деда-Мороза возле елки, которую он вчера наряжал вместе с Леночкой.

И вот засверкала елка, опутанная разноцветными лампочками, возле нее стоял словно часовой Дед-Мороз, а под ним лежали свертки и коробка. Засветился экран телевизора, и семья Гражданкиных в полном составе уселась за праздничный стол. Вита ощутила радостное волнение, когда Семен, поднимая бокал, сказал:

— С Новым годом, с новым счастьем!

Вита подумала: «Боже мой, каким глубоким смыслом иногда наполняются обычные слова, если их произносит... любимый человек!»

«Надо начать разговор», — между тем думал Семен, но вместо этого сказал:

— Посмотрим, что принес нам Дед-Мороз!

Гражданкиным Дед-Мороз принес куклу в коробке для Леночки, зимние перчатки на меху для Виты и электробритву «Агидель» для Семена.

— Какой у нас щедрый Дед-Мороз оказался — никого не забыл! — шутил Семен. — Леночке говорящую куклу подарил, мне электробритву и маме перчатки. Чудо, а не Дед-Мороз!

— Да, он у нас очень внимательный дедушка, — поддержала его шутки Вита и наклонила куклу. Та после продолжительной паузы закрыла глаза и пропичкала что-то похожее на слово «Ма-ма»... Однако в радостной суете никто на медлительность куклы внимания не обратил. А утром их разбудил плач Леночки.

— Что случилось, доченька? — воскликнула Вита и кинулась в комнату к Леночке.

За ней поспешил Семен. Леночка держала в руках подаренную куклу с пышными волосами, падающими на цветастое платье с передничком, и безутешно рыдала.

— Что произошло, дочка? — спросил Семен.

— Папа, она научилась говорить и закрывать глазки. Дед-Мороз обманул меня...

— Успокойся, может, ты ее неправильно наклоняешь? Вчера же она говорила! — утешал дочь Семен.

— Да-а-а, вчера говорила и глазки закрывала, а сегодня совсем вот не хочет, — и она протянула отцу куклу.

Семен несколько раз наклонил куклу — действительно, ни звука,

и ресницы на васильковых глазах не дрогнули... Вита взяла игрушку из рук мужа и тихонько спросила:

— Ты чек магазина не потерял?

— Ничего не понимаю,— недоумевал Семен,— вчера в магазине «Детский мир» она говорила и закрывала глаза... А теперь онемела! И глаза открыты... Ну, бракоделы, ну, халтурщики!

Вита взяла Леночку на руки.

— Доченька, не расстраивайся — кукла наша заболела. Такое ведь со всеми бывает. Сегодня праздник, доктора не работают, а завтра папа отвезет ее к доктору. Он вылечит твою куклу, и она будет говорить и закрывать глаза,— говорила Вита Леночке.

Хорошо еще, что перчатки и электробритва были в порядке.

После праздников Семен отправился в универмаг «Детский мир», где до Нового года купил «строптивую» куклу.

Продавищица направила его к заведующей секцией.

Та осмотрела внимательно куклу, ознакомилась с реквизитом и со вздохом сказала:

— Дефект налицо. Вам не повезло — вся партия кукол уже продана. И только у вас вот оказалась бракованная. Поэтому мы вернем вам деньги — обменять сейчас нет возможности.

— Но деньги мне не нужны. Дочка ждет куклу,— он рассказал, как переживала дочка.— Как же мне быть?

— На основании Типовых правил обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли, утвержденных приказом Министерства торговли СССР и Государственным комитетом стандартов Совета Министров СССР от 1 февраля 1974 года № 19/19, вы можете получить деньги. Так гласит пункт 11 этих правил: «Покупатель, обнаруживший недостатки в купленном им товаре, для которого не установлены гарантийные сроки... имеет право по своему выбору на обмен этого товара по месту покупки в течение 14 дней (не считая дня покупки) либо на получение денежной суммы за возвращенную вещь по уплаченной им цене...» Так что можете подождать или получить деньги...

— Деньги мне не нужны — мне кукла нужна без дефекта.

— Пункт 15 этих правил, — продолжала заведующая, — гласит: «Обмен вещи или возврат покупателю магазином денег за товар, в котором установлены скрытые недостатки, производится в трехдневный срок со дня получения акта бюро товарных экспертиз или результатов лабораторного анализа, удостоверяющего недоброкачество вещи...» Поэтому запаситесь терпением, объясните дочке, что болезнь куклы затягивается. А мы ждем в ближайшие дни поступления новой партии таких кукол. Дней через пять наведаетесь к нам, будет готов акт, и, если придут куклы, мы вам обменяем.

Огорченный Семен покинул универмаг.

Однако через пять дней его ждала удача — заведующая секцией игрушек встретила его с улыбкой и протянула коробку с куклой:

— Можете обрадовать свою дочь и сказать, что кукла выздоровела!

Семен несколько раз наклонил куклу. Та исправно закрывала глаза и отчетливо пищала: «Мама».

— Большое вам спасибо! — поблагодарил заведующую Семен.

Они расстались довольные друг другом.

...А радости Леночки не было границ.

Она пеленала куклу, возила ее в коляске и при этом старалась почаще наклонять игрушку. Все было в порядке,

— Значит, папа, тебе попался хороший доктор,— сказала Семену Леночка.

— Да, дочка, доктор попался хороший,— вспомнил Семен свои похождения в «Детский мир».

А вечером, когда уложили спать Леночку, Вита сказала Семену:

— Срок, данный нам судом на размышление, завтра истекает. Ты что решил?

— А ты?

Вита посмотрела на него долгим взглядом, словно бы говоря: «Ты еще спрашиваешь?».

Семен улыбнулся:

— Что ж, будем считать так: раз «выздоровела» кукла, то нечего и нашей семье «болеть»! У нас еще есть шампанское?

— Кажется, есть...

— Наливай бокалы и выпьем за Новый год и наше новое счастье!

«Боже, какой глубокий смысл подчас бывает у обычных слов, если их произносит любимый человек»,— вновь подумала Вита и, счастливо вздохнув, щелкнула дверцей холодильника...

В. СЛАВИН

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Проценко одолжил у Зверева четыре тысячи рублей и дал ему расписку, где указал, что обязуется вернуть деньги через три года и уплатить два процента годовых за пользование кредитом. По истечении трехлетнего срока Проценко вернул Звереву четыре тысячи, а платить проценты отказался, так как их взимание считал незаконным. Прав ли он?

Задача 2

Малышев дал Григорьеву займы две тысячи рублей сроком на один год, а через полгода после этого уехал в длительную заграничную командировку. Спустя пять лет, по возвращении из командировки, Малышев потребовал возврата денег, и Григорьев выплатил ему всю сумму.

Об этом случае Григорьев как-то рассказал своему племяннику — студенту юридического института. «Зачем же ты вернул ему деньги? — удивился тот. — Малышев пропустил срок исковой давности. По истечении трех лет он уже не вправе требовать возврата денег». «Значит, я могу обратиться в суд и он вернет мне две тысячи», — обрадовался Григорьев. «Конечно», — заверил его племянник.

Правильную ли консультацию получил Григорьев?

Задача 3

Басов подарил своему брату на свадьбу ковер стоимостью 800 рублей. А через несколько дней стал требовать его обратно. Брат вернул ковер отказался. Как решить их спор?

Т

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ

Приговором народного суда почтальон Уколова была осуждена за нарушение тайны переписки граждан на 5 месяцев исправительных работ.

— За что меня наказали? — недоумевала почтенных лет женщина, оказавшись на скамье подсудимых. — Подумаешь, читала чужие письма и извещения, разве это преступление?

Да, это — преступление. Статья 56 Конституции СССР провозглашает, что **тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняется законом**. Это означает, что каждый гражданин имеет конституционное право на неприкосновенность направляемых ему писем, телеграмм, посылок, переводов, бандеролей, а государство гарантирует гражданам тайну содержания всех видов почтовой, телеграфной и радиотелеграфной корреспонденции. Для этого установлен особый порядок ее доставки, обязательный для предприятий связи СССР. Так, если адресата не нашли либо он отказывается принять почтовое отправление, а вручить корреспонденцию обратно отправителю не представляется возможным, то вскрыть ее может лишь специально созданная комиссия с обязательным составлением акта по установленным правилам. Никто другой не имеет права вскрывать, знакомиться с содержанием и оглашать кому бы то ни было корреспонденцию, адресованную другим лицам. Всякого рода справки о почтово-телеграфных отправлениях органом связи могут выдаваться лишь отправителю, адресату или их законным представителям.

Только в целях раскрытия преступления следственным и судебным органам предоставлено право произвести задержание, осмотр и выемку почтово-телеграфной корреспонденции или получить о ней справку. Однако все эти действия могут производиться лишь с санкции прокурора либо по определению или постановлению суда. Но и в этом случае суд, следователь обязаны обеспечить сохранение в тайне содержания корреспонденции. Непринятие таких мер следует рассматривать как нарушение конституционных требований о тайне переписки. Одной из гарантий сохранения тайны переписки при проведении указанных действий является категорическое предписание производить осмотр и выемку корреспонденции в присутствии понятых из числа работников почтово-телеграфных учреждений (ч. 2 ст. 174 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик).

Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений граждан, то есть ознакомление с почтово-телеграфной или радиокорреспонденцией граждан без их согласия на это, в том числе выемка и изъятие писем, телеграмм, посылок, переводов и т. п. без санкции прокурора или определения (постановления) суда, а также разглашение содержания переписки граждан лицом, которое в силу служебных полномочий (например, работа по передаче или доставке телеграмм) имеет доступ к переписке, влечет уголовную ответственность. В соответствии со статьей 135 УК РСФСР (подобные статьи есть в уголовных кодексах других союзных республик) рассматриваемое преступление наказывается исправительными работами на срок до 6 месяцев, или штрафом до ста рублей, или общественным порицанием.

В соответствии с УК РСФСР к уголовной ответственности за нарушение тайны переписки может быть привлечено лицо, вменяемое и достигшее 16-летнего возраста. В Уголовных кодексах Казахской, Грузинской и Киргизской союзных республик за данное преступление уголовная ответственность установлена для должностных и частных лиц, причем в отношении должностных лиц предусмотрены более строгие меры наказания. По уголовным кодексам УССР, Латвийской, Армянской и Эстонской союзных республик субъектами этого преступления являются только должностные лица.

По УК Казахской ССР нарушение тайны переписки частным лицом считается преступлением только в том случае, если оно повлекло тяжкие последствия. В УК Узбекской ССР установлено, что ответственность за нарушение тайны переписки наступает лишь при условии, что за такие же действия ранее были применены меры административного или общественного воздействия. По УК других республик факт нарушения тайны переписки сам по себе образует состав оконченного преступления независимо от дальнейших последствий.

Ю. ПУЗАНОВ

Редакции отвечают

Мы получили письмо от помощника пчеловода колхоза им. Апыткаева Башкирской АССР М. Коштылечева. Он писал о свалившихся на него бедах — нарушаются его трудовые права, незаконно привлекали к административной ответственности, даже детей из детского сада исключили.

По просьбе редакции письмо проверено прокуратурой Башкирской АССР. Председателю колхоза предложено вынести вопрос о восстановлении М. Коштылечева на работе на очередное собрание членов колхоза с участием председателя Мишкинского районного Совета народных депутатов и прокурора района. Доводы колхозника о незаконном привлечении его к административной ответственности оказались обоснованными: постановление административной комиссии района опротестовано районным прокурором. Протест был отклонен исполкомом райсовета. В этой связи Прокуратура БАССР обратилась в Президиум Верховного Совета автономной республики с предложением поручить исполкому райсовета рассмотреть протест районного прокурора в полном соответствии с законом. Отмечено незаконное решение сельсовета об исключении из детского сада детей М. Коштылечева.

Об этом сообщил редакции заместитель прокурора Башкирской АССР, старший советник юстиции Р. Насыров.

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЮРОКРАТИЗМА: ИЛЛЮЗИИ И НАДЕЖДЫ

Окончание. Начало см. на 32-й стр.

Такие разногласия возникают на каждом шагу. Вот, например, типичная ситуация.

Вы купили цветной телевизор. Но он у вас проработал всего полдня и... безнадежно сломался. Почему безнадежно? Да потому, что об этом сказал мастер из гарантийной мастерской. И тогда вы решили обменять его, что вполне естественно. Ибо статья 246 ГК РСФСР «Права покупателя в случае продажи ему вещи ненадлежащего качества» гласит:

Покупатель, которому продана вещь ненадлежащего качества, если ее недостатки не были оговорены продавцом, вправе по своему выбору потребовать:

либо замены вещи, определенной в договоре родовыми признаками, вещью надлежащего качества;

либо соразмерного уменьшения покупной цены;

либо безвозмездного устранения недостатков вещи продавцом или возмещения расходов покупателя на их исправление;

либо расторжения договора с возмещением покупателю убытков.

А статья 263 ГК РСФСР предусматривает, что поставщик обязан безвозмездно исправить недостатки продукции, на которую установлен гарантийный срок, или заменить ее, если не докажет, что недостатки возникли вследствие нарушения покупателем правил пользования продукцией или хранения ее.

Однако мастер сказал, что выдать справку на обмен негодного телевизора не может, так как по существующему порядку нужно его пять раз ремонтировать. Хотя ремонтировать бесполезно.

Что же это за порядок?

Инструкция, которую составили солидные люди. А называется она так: «Правила обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли». Утверждена она министерствами торговли и бытового обслуживания населения РСФСР, российским управлением Госстандарта СССР. В приложении к приказу Минторга РСФСР четырнадцатилетней давности сказано: «Цветные телевизоры можно обменивать на новые в магазине, ... если предприятие-изготовитель или мастерская гарантийного ремонта не приведут эти изделия в технически исправное состояние в двухнедельный срок, а также если после двух сложных ремонтов эти изделия вновь нуждаются в ремонте». И также в случаях, «если после одного сложного и трех других ремонтов, связанных с неисправностью вакуумных изделий, резисторов, конденсаторов, полупроводниковых приборов и др., или же после пяти ремонтов... телевизор вновь нуждается в ремонте».

Ну, а при чем здесь покупатель? Завод выпускает брак, магазин его продает, а страдает покупатель.

Хорошо бы такой брак попадал к авторам подобных инструкций. Может быть, тогда они «родили» бы другую инструкцию, в соответствии с Гражданским кодексом. Ну, скажем, примерно

так. Негодный, недоброкачественный товар подлежит замене незамедлительно на новый. А брак направляется тому, кто его изготовил. Пусть отремонтируют, а потом снова продают. С этой целью надо бы гарантийные мастерские ликвидировать, а вместо них создать новые — по ремонту бракованной продукции. И хорошо бы в них работали представители тех предприятий, которые выпускают такой брак.

М. Капустин. Все, о чем вы, Владимир Михайлович, говорите, происходит из одних и тех же истоков, то есть от нашей распределенной административно-командной системы. По-моему, для нее характерно сочетание авторитаризма и бюрократии. Это прослеживается на протяжении всей истории развития нашего общества. Позвольте мне поделиться на этот счет некоторыми соображениями.

Что же такое эта наша система? Думаю, здесь сочетание авторитета личности и авторитета коллектива.

В. Нерсисянц. Это что-то новенькое...

М. Капустин. Погодите удивляться. Попытаемся составить схему по осям координат. По вертикали — авторитет личности, по горизонтали — авторитет коллектива или коллегиальности. Всякое развитие в оптимальном приближении — это гармоничное сочетание того и другого. Поэтому такое развитие должно бы идти, что ли, посередине, сочетая, с одной стороны, авторитет личный, с другой — авторитет коллегии в любой форме: группы, класса, общества, наконец. Однако в этой системе, при всем том, что она правильна по направленности, есть свои угрозы. Угроза первая: коллегиальность при особых условиях может вырождаться в бюрократию. Угроза вторая: авторитет личности вырождается в авторитаризм. И когда социализм из теории перешел в практику, то так оно и оказалось.

Мы в избытке получили авторитаризм и бюрократию. Что произошло? Смотрите — военный коммунизм, три года. Ну тут трудно что-либо определенно сказать, три года есть три года. Дальше. Нэп — попытка выровнять создавшееся сложное положение. Дальше. Эпоха сталинизма: 30—50-е годы. Резко возрастает авторитаризм, вплоть до перехода в тиранию, но при использовании бюрократических методов. Поэтому я сталинизм называю бюрократическим авторитаризмом.

В. Волконский. Правильно, согласен. Это было и укрепление бюрократизма тоже.

М. Капустин. Пойдем дальше. Последующая хрущевская оттепель. Попытка отказа от авторитаризма и в этом смысле возвращение к идеальному маршруту научного коммунизма. Но тоже с загибом, естественно. В конце правления Хрущева тоже начинает тянуться к авторитаризму, который образуется сам собой на почве нашего общества. Это как грибница. Мы только срезаем верх, а она дальше все равно будет вырастать. Чтобы культ личности вырастал, для этого ничего не нужно делать, только не мешать ему расти. И это уже зависит от субъективных факторов.

Л. Гордон. Нет, это зависит от экономического развития. Если экономика пользуется внеэкономическими методами принуждения, ничего хорошего не жди.

М. Капустин. Совершенно верно. Поэтому новая экономическая политика лежит в основе всего. Потому что именно при ней к власти приходят люди компетентные, образованные, умные, та-

лантливые, порядочные, наконец. Сама новая система толкает их к руководству во всех областях.

Л. Гордон. Главное не в том, что порядочные люди придут, а в том, что появятся независимые силы, которые могут сопротивляться приказу сверху. Ведь пока нет этой независимости, экономика будет подчинена командному управлению. Она ждет приказа, без которого не может работать. А при новой системе этот приказ ей не нужен, он ей только мешает. И она может ему сопротивляться.

М. Капустин. Но, позвольте, я все-таки хочу закончить.

Затем двадцатилетие так называемого застоя, я его называю авторитарная бюрократия. Авторитаризма личности нет, но эту роль выполняет бюрократия.

Ну и дальше, малюсенький этап на 70-летнем историческом пути — отрезок нашей перестройки, гласности, когда мы опять пытаемся приблизиться к идеальному маршруту.

В. Нерсисянц. У меня к вам вопрос. Причина-то всего этого? О том, что у нас был Сталин, и что был Хрущев, и что сейчас гласность, а до этого был Брежнев и соответствующие политические режимы, это мы все знаем. Ну а причина-то в чем?

М. Капустин. Томас Манн говорил, что, познав себя, человек перестает быть тем, что он есть. Перефразируя его, я бы сказал, что, познав власть, человек перестает быть тем, что он есть. К чему я об этом?

Когда какой-то класс захватывает власть, известная часть этого класса превращается в агентов самой власти. Так возникает бюрократия. Последствия такого явления состоят в том, что часть тех функций, которые выполняла ранее вся партия или весь класс, переходит лишь к некоторому числу людей. И вот финал: партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца нынешнего...

В. Нерсисянц. Но это опять не причины...

М. Капустин. Причины, и еще какие. Разве вы станете отрицать, что благодаря тому, что наши революционеры, передовые рабочие, захватив власть, перестали быть тем, чем были, страна металась из одной крайности в другую?..

Б. Черкасов. Ну, во-первых, далеко не все изменились, а во-вторых, далеко не сразу. Деформация началась после смерти Ленина, когда к власти пришел Сталин.

М. Капустин. И мы до сих пор пожинаем плоды сталинизма.

М. Пискотин. Причины в административно-командной системе, которая калечит психологию не только отдельных людей, но и целых поколений. А истоки ее следует искать в уродствах экономических отношений. Ведь у нас создана экономика, которая не может развиваться самостоятельно, без постоянного государственного управления, подхлестывания и командования, экономика, целиком зависящая от аппарата. Это, конечно, нездоровая экономика. Я бы даже сказал, опасная, потому что она ставит в очень трудное положение страну в любых сколько-нибудь экстремальных условиях. Так что истоки административно-командной системы лежат в форме организации экономики, целиком сориентированной на централизованное планирование и управление экономикой, где, по существу, сломано действие саморегулирующихся механизмов, действие рынка, товарно-денежных отношений. И, как мы уже говорили, такая экономика и административно-командная система стали зарождаться в первые годы Советской власти.

В. Сиренко. Хорошо. Тогда такой вопрос: а была ли альтернатива административно-командной системе?

М. Пискотин. Думаю, что да. И я решительно не могу согласиться с теми, кто говорит о разного рода деформациях нашего общества, о злоупотреблениях и вместе с тем однозначно утверждает, что иного выхода не было. Да ничего подобного! Выход был. И он был уже намечен. Этим выходом была та система, которая рождалась в годы нэпа. Это перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, использование системы товарно-денежных отношений, демократия, система материального стимулирования, действие рыночных механизмов, конкуренция предприятий и т. д. Но выбор в пользу административно-командной системы был сделан той политической системой, той политической властью, которая тогда сложилась. Ведь именно в тот период была создана чрезмерно централизованная политическая власть, которая не выражала интересов большинства населения. Совершенно очевидно, что, скажем, крестьянство было за нэп. А ведь крестьянство составляло большинство населения. А рабочие? Разве рабочий мог выступать за административно-командную систему? Ведь в годы нэпа в связи с хозяйственным создавались какие-то элементы рабочего управления, более сносные, более благоприятные условия жизни. И, конечно, рабочие тоже предпочитали такой путь развития. И если кто-то очень определенно отстаивал административно-командную систему, это был вновь созданный аппарат, вернее верхушка аппарата, которая другими методами работать и не могла. И которая хотела сохранить в полном объеме ту власть, которую давала ей административно-командная система.

И раз уж мы признаем, что главной причиной создания административно-командной системы, которая может быть определена и как бюрократическая система, является форма организации экономики, целиком сориентированной на централизованное планирование и управление, разрушающей все механизмы саморегулирования, то и главный путь преодоления бюрократизма лежит в перестройке экономики.

В. Мартеньянов. Мы снова вернулись к коренным позициям. Но я хочу несколько повернуть тему нашего разговора — бюрократия и система социалистической собственности. Чтобы правильно понять бюрократию, надо определить ее место в системе отношений собственности.

Смотрите, что произошло у нас с социалистической собственностью. В 1917 году одним призывом отвоевать свое добро была совершена Октябрьская революция. Мы победили неграмотность, некультурность, ликвидировали эксплуатацию, создали индустриализацию, плохо — хорошо ли, но провели социализацию деревни. Все это действовало, и относительно эффективно действовало. Но когда социалистическая собственность вышла на рубежи решения всемирно-исторической задачи — наивысшей производительности труда, вдруг оказалось, что она забуксовала, не действует. Бесхозяйственность, штурмовщина, все отрицательные явления нашей экономики всплыли наверх. В чем тут дело? Мне представляется, что главная причина заключается в том, что на пути к социалистической собственности вклинился класс бюрократов. По Марксу, бюрократия — это слой, который имеет единственное право собственности — на государство. Так вот, бюрократия это право собст-

венности своей властью, в своих интересах и реализовала. И в большом — когда решались вопросы государственного, экономического и социального развития. И в малом — в распределительных отношениях бюрократия присвоила себе привилегии, льготы, до самых чрезвычайных, грубых — пакетного метода оплаты всех чиновников при Сталине...

Реализуя свое право собственности на государство, бюрократия извратила характер социалистической собственности.

И когда мы говорим о борьбе с бюрократизмом, именно о борьбе, мы должны видеть, что бюрократия — это класс. Бесспорно класс, поскольку занимает определенное особое место в общественном производстве, имея право собственности на государство. И это надо иметь в виду. Ведь почему у нас буксует перестройка? Это что, так сказать, случайность? Сопrotивляется класс. У класса свой интерес, он не хочет перестройки.

А не превратился ли этот слой сейчас в эксплуататора? Ведь он пользуется всем тем, что производится народом, путем права распределять это.

М. Пискотин. Это очень серьезный вопрос. Понимаете, управленческий труд — в принципе абсолютно необходимый обществу труд, и на него ни в коем случае никто из нас не смотрит как на труд, который обществу не нужен. Это труд в конечном счете производительный, поскольку он организует производство, обеспечивает выполнение необходимых для общества дел. Так что сама принадлежность к аппарату еще не значит, что там сидят захребетники. Но здесь есть и другая сторона. Эксплуатация ведь не сводится к тому, что владелец средств производства непосредственно эксплуатирует человека, которого он нанял на работу. Формы эксплуатации приобретают самый разный характер. Когда-то Маркс писал, что государство эксплуатирует крестьян посредством налога. Так что, когда часть прибавочного продукта, создаваемая трудящимися, поступает в общегосударственный фонд, а распределяется вопреки нормам социальной справедливости, когда она обращается на то, чтобы не оплачивать необходимый управленческий труд, а создавать ничем не оправданные привилегии, то это в конечном счете превращается в форму эксплуатации частью управленческого аппарата трудящихся масс. Конечно, это совсем не значит, что управленческий труд сам по себе эксплуататорский, но он может приобретать такие формы.

В. Яковлев. Это, кстати сказать, естественное состояние для расцвета бюрократизма. Вопрос в другом: каково соотношение того, во что обходится управленческий аппарат обществу и что он обществу дает. Если это соотношение оптимальное, общество выигрывает. Если же аппарат непомерно разрастается, начинает работать на самого себя да еще пользуется всякого рода привилегиями, которые простым смертным недоступны, то тогда нарушается оптимальное соотношение, аппарат становится чрезмерно дорогим. И тогда, естественно, приходят в голову мысли об эксплуатации.

Л. Гордон. Не будем спорить. Мне думается, важнее разобраться в другом. Как могло случиться, что развитие социалистической собственности, развитие экономических отношений, в особенности поворот от энга к форсированной административной индустриализации, настолько изменил экономическую основу, а за ней,

естественно, всю социальную структуру, что это привело к созданию бюрократии? И можно ли изменить создавшуюся ситуацию?

М. Пискотин. Можно. И мы, по-моему, уже говорили об этом. Надо изменить саму систему хозяйствования. Дать большую самостоятельность предприятиям, чтобы их деятельность всецело зависела от потребителя, чтобы они подчинялись рынку. Ведь что такое рынок? Это потребитель. А потребитель — это мы с вами. Поэтому нужно отказаться от централизованного плана и ориентироваться на потребителя. И если каждое предприятие будет самостоятельно определять, какую продукцию ему выпускать, с учетом спроса рынка, то появится здоровая конкуренция. Вот тогда можно будет создать экономическую систему, которая сделает ненужными многие функции, выполняемые сейчас управленческим аппаратом. Вот тогда можно будет подорвать силу этого аппарата. Так что первое, что нужно для борьбы с бюрократизмом, — перестроить нашу экономическую систему. Для этого развести, если угодно, государство и экономику. Ведь мы всегда гордились, что у нас все слито, что у нас единство политического и хозяйственного руководства. А чем гордиться? Что в этом хорошего?

В. Яковлев. Я совершенно согласен с Михаилом Ивановичем. Суть экономической реформы — это полноценное использование товарно-денежных отношений. Действительно, что мы рынка боимся? И почему слово «рынок» у нас ассоциировали с понятием буржуазного рынка, где труд продает сам себя, а капиталист этот труд эксплуатирует? Речь же идет о том рынке, где покупателем выступает наш гражданин. Если мы интересы советского человека провозгласили высшей целью общества, то что же мы боимся рынка? Мы же говорим о социалистическом товарном производстве.

М. Пискотин. И о том, что пришло время перестроить систему нашей государственной собственности. Мы должны покончить с положением, когда государственная собственность произвольно управляется аппаратом. При такой системе получается, что это ничейная собственность и за нее никто не отвечает.

В. Яковлев. Причем то, что делается в этом направлении сейчас, по-моему, не совсем правильно. У нас есть тенденция растащить государственную собственность по этажам управления. Каждый этаж хотел бы урвать себе часть власти: республиканский — себе, краевой — себе, областной — себе и так далее. Я думаю, что это не лучший вариант.

М. Пискотин. Вопрос непростой. Во всяком случае, закрывать его обсуждение, я думаю, не стоит.

В. Яковлев. Да я о другом говорю. Надо, конечно, распределить функции управления между этими этажами, то есть ликвидировать чрезмерную централизацию, наделить реальными функциями управления и республиканский уровень, и местный. Но ведь я говорю об отношении к государственной собственности. Ведь суть экономической реформы состоит в том, чтобы действительно превратить в самостоятельных товаропроизводителей трудовые коллективы предприятий, объединений. То есть те звенья, где создаются блага, а не те, где они распределяются. Распределителей у нас слишком много. А надо, чтобы все-таки реальная экономическая власть над созданным благом принадлежала тем, кто его производит. Иначе говоря, главное сейчас — превратить предприятия, объединения, кооперативы в истинных хозяев того, что

они производят. Разумеется, с отчислением определенной доли производимого валового дохода обществу. Но без этого распределения по вертикали, когда вначале все, что производится, идет наверх, а потом оттуда распределяется. Такого не должно быть. А пока мы этой задачи не решили, бюрократизм будет процветать в соответствующих эшелонах власти и управления.

М. Капустин. Я хочу сказать о другом пути. О сокращении на 40—50 процентов министерств и ведомств, как союзных, так и республиканских. Это очень реальное и правильное решение. Более того, надо сделать следующие шаги. Управленцы в министерствах и ведомствах не должны быть чиновниками-профессионалами. И в этом смысле я поддерживаю Бориса Георгиевича, надо этих бюрократов ликвидировать как класс. Кем их заменить? Очень просто — специалистами, которые выбираются на пять лет. Если оправдали доверие, их можно переизбрать еще на один срок. В любом случае такие люди не потеряют свою квалификацию и всегда смогут вернуться на прежнее место работы.

Р. Волконский. Михаил Павлович, но два года из этих пяти, как вы сами говорили, они только будут приспосабливаться и лишь три года работать с отдачей.

М. Капустин. Для этого есть специальные институты по усовершенствованию и повышению квалификации, менеджеризм и т. д. Все это проверено западной системой.

В. Волконский. По очереди управлять? По-моему, от этого давно все уже отказались.

Л. Гордон. Пока нынешняя система существует, предложение ваше сократить министерства на 40—50 процентов утопично. Потому что в этой системе министерства нужны и нужны в них профессионалы.

В. Мартемьянов. Бюрократов можно сократить, не прибегая ни к каким насильственным методам. Уберите у этой верхушки чиновников систему подкармливания, и они сами побегут в разные стороны.

В. Волконский. Они-то побегут. Но мы сами тут же предложим им новые ставки, чтобы они вернулись и выполняли свою работу.

В. Яковлев. Если бы все было так просто. Поставить бюрократов под контроль, обуздать их, наказывать, просто уничтожить, ну, сократить для начала. Увы, это не решение проблемы.

М. Пискотин. Но так рассуждать тоже опасно. Есть-де глубокие корни бюрократизма, их надо искать, выявлять, потом все перестраивать и уж после этого бороться с бюрократизмом. Я думаю, что такой подход вполне бы устроил современных бюрократов. И пока мы будем докапываться до этих корней, они спокойно отсидаются в своих креслах. Конечно, надо вести борьбу и с конкретными, наиболее оголтелыми бюрократами. Кого-то нужно и привлекать к ответственности, и наказывать. Но при этом нельзя не видеть, что мы здесь боремся только с симптомами болезни, но не лечим ее истоки. А истоки прежде всего в организации экономики.

Какие-то полумеры, которые мы сейчас принимаем, обрекают на неудачу и попытки сократить аппарат, перевести его на экономические методы руководства. Мы ведь видим, что из этого мало что получается.

Наметилась очень тревожная тенденция, когда ликвидация аппарата, как ни парадоксально, приводит к тому, что ослабляется

самостоятельность хозяйственных единиц. Чтобы пристроить работников аппарата, какие-либо подразделения объединяют, укрупняют, создают над ними дополнительные надстройки, чтобы обеспечить рабочие места для людей, освобождаемых из аппарата министерства. Ничего, кроме вреда, это не приносит.

В. Яковлев. Это создает только видимость преобразований.

Л. Гордон. Но ужас-то весь в том, что в сохранении нынешней экономической структуры, нынешних порядков заинтересованы не только бюрократы. Потому что эти порядки, как это ни печально признать, имеют свои преимущества. Если говорить примитивно, они не дают возможности большинству сытно жить, но зато позволяют большинству очень слабо работать. В сущности, позволяют вести ленивую и сравнительно безопасную жизнь, которая не дает возможности вырваться до какой-то роскошной жизни никому, кроме самой верхушки. Но и не грозит вам никакой особенной гибелью, ибо некоторый минимум вы всегда получите.

Эта система дает экономическую безопасность, или что-то вроде этого, огромным массам населения, в том числе плохим работникам. И они ее поддерживают ничуть не меньше, чем бюрократы. Посмотрите, что происходит сейчас с внедрением арендного подряда. Противится вовсе не самый верх или не только он...

Б. Черкасов. Совершенно верно...

Л. Гордон. Противятся, с одной стороны, специалисты самих хозяйств. И противится огромная масса полудеклассированных, полюбившихся остатков крестьянства...

М. Капустин. ...которые сами работать не хотят и другим не дают.

Л. Гордон. Вот именно.

М. Капустин. Причем сознательно.

Л. Гордон. Но здесь дело не только в какой-то их личной воле. Дело и в определенных экономических отношениях. В Пыталовском районе Псковской области как будто неплохо идет дело с арендным подрядом. Там сегодня 20 процентов сельскохозяйственных работников, перешедших на арендный подряд, дают ту же самую продукцию, которую раньше давали все сто процентов. При этом они используют 80 процентов земли и 70 процентов основных средств производства. Но куда же деваться тогда остальным 80 процентам крестьян?

В. Волконский. Которые оказываются на 20 процентах земли, вы это имеете в виду?

Л. Гордон. Да, именно это.

Б. Черкасов. А действительно, куда?

Л. Гордон. Боюсь, что это очень непростой вопрос. Мы привыкли говорить, что у нас обезлюдела деревня, что у нас ужасный отток населения из деревни. Это все верно. Наши 19 процентов людей, занятые в сельском хозяйстве, малая цифра, если говорить о низкой производительности труда на селе. А если сравнивать нас с нормальной европейской страной, то это слишком много, 20 процентов. Такая страна, как наша, должна иметь 5—7, от силы 10 процентов населения, занятого в сельском хозяйстве. И арендный подряд сразу же все это высвечивает.

В. Волконский. Правильно.

В. Мартемынов. А чем вы объясните сопротивление арендному подряду со стороны не бюрократии?

Б. Черкасов. Я часто бываю в деревнях и скажу почему. Лю-

дей за последние три десятилетия отучили от земли, от желания работать. Ведь вы знаете, что в свое время у них отняли коров, овец, вырубili сады. Как сейчас человека вернуть к сельскому труду? Дайте вы сейчас даром колхознице корову, а она скажет: не надо, пойду в магазине куплю молока. Кур не держат. Яйца колхозники покупают в магазинах. Опять-таки, я считаю, бюрократизм виноват.

В. Нерсисянц. Подождите, подождите. Давайте принципиально обсудим вопрос. Вот вы говорите о нежелании работать, отвыкли...

Б. Черкасов. Не отвыкли, а отучили.

В. Нерсисянц. Хорошо, отучили. А что, собственно, отучило? Ведь то, что вы говорили о заинтересованности бюрократии, заинтересованности определенных слоев народа, и немалых, в том, чтобы так продолжалось, все это ведь из какого-то принципа растет. Надо думать, что из уравниловки? Дело в том, что именно уравниловка, и только она может конкурировать с правом, с формальным равенством. Ведь что такое уравниловка? Это иллюзия фактического равенства. Это, вообще-то говоря, то, что задерживает творческое развитие личности.

М. Пискотин. Это конец, по существу, конкуренции между людьми. Каждый уверен, что он свой какой-то минимум заработает.

В. Волконский. Конечно.

В. Нерсисянц. Уравниловка является...

М. Капустин. ...казарменным порядком?

В. Нерсисянц. Да, это ведет именно к казарменному порядку, когда все распределяется по уравнильному принципу. Поэтому сегодня борьба с уравниловкой — это просто другое название борьбы за правовое начало.

В. Мартемьянов. Откуда берется вот эта тенденция к уравнительности?

В. Нерсисянц. Что значит «откуда»?

В. Мартемьянов. Разве не было у человека испокон веков стремления жить не уравнильно?

Л. Гордон. Это сложный вопрос. В социальной психологии существуют обе тенденции. Существует и стремление поровну делить, и стремление распределять по тому, какой вклад человек вложил. А что господствует, зависит прежде всего от реальных экономических условий.

В. Нерсисянц. Да нет, Леонид Абрамович, конечно, я не собираюсь отрицать, что в психологии существуют разные ориентации. Но дело в том, что уравниловка и стремление к фактическому равенству были тем принципом, который вообще в социалистической идеологии совершенно определенно и сознательно противопоставлялся формальному равенству. Других форм выражения равенства нет. Или фактическое равенство — уравниловка, или формальное равенство — право. Так вот уравниловка и есть тот принцип, на котором держится административно-командная система.

М. Пискотин. По-видимому, много можно достигнуть изменением экономических, политических, правовых институтов. Они должны поставить людей в другие условия. Мы видим, что произошла большая деформация сознания, люди привыкли работать спустя рукава. Это в какой-то мере ведет к вырождению общества, и выходить из этого положения невероятно трудно. Нужно, чтобы люди менялись. А для этого их нужно поставить в другие условия, изменить систему общественных отношений.

Вот, например, Харьковский тракторный завод, он перешел на другие экономические условия, когда не получает госзаказы, а должен сам заботиться о рынке сбыта. Сразу все изменилось, а люди ведь те же, те же люди, развращенные нашей нерациональной экономической системой. Но они знают, что сейчас им никто не гарантирует сбыта, они вынуждены искать.

В. Яковлев. Я думаю, что борьба с бюрократизмом, помимо прочего, это борьба с самим собой, с собственной психологией. Потому что все мы — дети своего прошлого, в частности так называемого застоя. И то, что бюрократическая система — это система, так сказать, распределения благ «сверху», одному больше, другому меньше, кому сколько хочу, тому столько и дам, она нас развратила. Думаю, что последствия вот этого крупномасштабного развращения в полной мере мы ощущаем только сейчас, когда пытаемся изменить условия, а они-то как раз не очень меняются, потому что мы живем прежними мерками. Обратите внимание, сейчас мы слышим то и дело: пусть нам заплатят больше, тогда будем по-настоящему работать. Это подход вчерашнего дня.

М. Пискотин. Пусть нам дадут возможность больше заработать. Вот так надо ставить вопрос.

В. Яковлев. Но опять пусть нам больше дадут. А ведь при нормальном положении вещей все должно быть наоборот. Вы говорите о системе, а я говорю о человеке.

М. Пискотин. Согласен. Нам не хватает как раз деятельного, активного, ответственного человека. Мы породили в значительной мере пассивного иждивенца, который привык что-то ожидать, требовать в лучшем случае, а иногда просто только просить. А нам нужен человек, который больше рассчитывает на свои собственные силы, который ищет какие-то эффективные пути улучшить дело. Сейчас, скажем, нужно научиться использовать те экономические, политические, правовые рычаги, которые уже созданы.

В. Волконский. Все, о чем здесь говорилось, я хочу перевести к злобе дня. Вот Леонид Абрамович говорил, что поддерживают бюрократическую систему те, кто хочет стабильности. Так вот, сейчас уже, по-моему, поддерживая бюрократическую систему, обеспечить стабильность нельзя. Она уже выведена из равновесия. А классом или слоем, который может быть базой борьбы с бюрократизмом, я считаю кооператоров. Поэтому задачей нашего общества, задачей перестройки, является защита кооперативного движения.

В. Мартемьянов. Так что, значит, весь рабочий класс на второй план, а кооператоры на первый?

В. Волконский. В отношении борьбы с бюрократизмом, по-моему, именно так.

В. Мартемьянов. Да?!

В. Волконский. Да, я в этом убежден. Потому что рабочий класс еще не разбужен. Его будит, между прочим, наличие кооперативов. Вот представьте, когда вы получаете 200 или 300 рублей, а рядом с вами кооператор — несколько тысяч.

В. Нерсисянц. А индивидуалы?

В. Волконский. Индивидуалов слишком мало, их не видно. А вот кооператоров уже видно. Они действительно вкалывают, крутятся, выискивают такие щели в нашей экономике, где можно много зарабатывать, и зарабатывают. И члены всех трудовых коллективов

уже начинают думать: почему же у нас такая зарплата? Надо что-то менять! Либо надо уйти к кооператорам.

В. Нерсисянц. Гораздо важнее сказать, что кооперативное движение существенно потому, что речь идет о формировании новой собственности.

В. Волконский. Правильно.

М. Капустин. Но сам по себе кооператив ничего не определяет. Бюрократ захочет, задушит завтра все кооперативы.

В. Волконский. Так не надо этого допускать.

Б. Черкасов. Скажите, а вот кто, как не бюрократы, не дает заработать. Я вот водитель. Могу тысячу рублей заработать? Могу! Могу и хочу. А зарабатываю 400—500 рублей. Но я хочу тысячу. А мне говорят, фонд заработной платы, нельзя.

В. Нерсисянц. Это уравниловка вам не дает.

В. Волконский. А вы переходите в кооператив.

Б. Черкасов. Да не хочу я в кооператив. Почему на своем рабочем месте не могу заработать?

Л. Гордон. Я попытаюсь порассуждать в связи с вопросами, которые задал Борис Георгиевич. Итак, почему вам не дают заработать тысячу рублей? Только ли дело в том, что бюрократ, как вы говорите, злодей? По-моему, нет. Есть два типа организации экономики. Один — рыночный, или, применительно к социалистическому обществу, планово-товарное хозяйство. В этом случае независимые экономические образования — предприятия — производят товары и услуги, с которыми выходят на рынок. Если они сделали то, что потребителю нужно, то потребитель заплатил, и ваше предприятие решает, как эти деньги разделить. Часть идет на зарплату, часть куда-то вкладывается. Если все уйдет на зарплату, то не будет развиваться предприятие. Ведь для него нужно приобретать технику, сырье и так далее.

Теперь другой способ — директивное планирование. Не вы сами решаете, а вам присылают план, вам указывают, кому что перевезти, кому что перестроить, кому что получить. В этом случае перевыполнение плана невыгодно, потому что пока существует директивно-плановая система, будут существовать лимиты на заработную плату, лимиты на сырье, лимиты на все другое. И только в каких-то отдельных случаях можно их перевыполнять. Если вы хотите зарабатывать тысячу рублей, действительно не обязательно идти в кооператив. Надо добиваться постепенного, медленного перехода к другой системе экономики, не к планово-директивной, а к планово-товарной.

Б. Черкасов. Самое главное, что у нас выработалось непротivление общества бюрократизму. Мы его выращиваем своим молчанием. Например, заходим мы в какую-то контору, а там работница чаевничает или с подружкой разговаривает. Ждем час, второй, а ведь не примем никаких мер. Да, нужно мне нервы трепать! Другие пусть этим занимаются. Вот он, бюрократизм! Он проходит и в меня, и в вас, и во всех. Вас оскорбили в магазине. А вы думаете: да ладно, у меня сейчас времени нет, на работу надо.

В. Мартеньянов. Вот-вот, это и есть та самая социальная апатия, социальная пассивность как следствие тоталитарного общества.

М. Капустин. Правильно, непротivление не только отдельным безобразиям, но и бюрократизму в целом.

В. Сиренко. Деформация сознания, как вы говорите, она еще

привела к укоренившемуся чувству страха за себя. Как раньше говорили: не высовывайся, сиди тихо. Да и сейчас «высовываться» не всегда безопасно.

В редакции получили письмо от гражданки Т. Н. Перевозник из Харьковской области. Она пишет, что везде била в набат по поводу хищения в Изюмском филиале № 5 Харьковского ЦПО «Электросвет». Заявляла в правоохранительные органы, добилась, что стали проверять все ее жалобы и выявили очень крупные хищения. Но тем не менее ее уволили. А заместитель прокурора Харьковской области старший советник юстиции Ю. К. Карий на запрос редакции отвечает: да, все, о чем она говорила, подтвердилось, возбуждено уголовное дело. Но Перевозник уволили, так как в коллективе она пользуется репутацией человека, склонного к склокам, различным выдумкам. Видите, как все ловко. Несмотря на то что благодаря Перевозник вскрыты приписки и незаконные премии, она все-таки «выдумщица» и склочница. Согласитесь, такой ответ по меньшей мере нелепица. Вместо того чтобы благодарить Перевозник, прокурор данной ему властью оправдывает неправомерные действия администрации.

М. Пискотин. Да, это серьезное явление. У нас сложилось негативное отношение к людям, которых обычно называют правдоискателями. Человек, который пытается вынести сор из избы, кого-то разоблачить, сразу наталкивается на негативное отношение к себе не только со стороны тех, на кого жалуется, но и со стороны некоторых членов трудового коллектива. Почему так происходит? Поскольку аппарат у нас стал в значительной мере бесконтрольным, на местах сложилась определенная круговая порука. Один западный политолог, анализируя структуру современных элит (он пользуется этим термином), в том числе административных, то есть слоев управляющих, которые есть в любом обществе, считает, что, когда элиты слишком разобщены, это означает конец эффективному управлению, а когда элиты слишком сплочены — это означает конец свободе и демократии. Так вот у нас, к сожалению, эти элиты слишком сплочены. У нас создалась на местах круговая порука. Она включает в себя работников партийного, хозяйственного аппарата, аппарата государственных органов, в том числе и правоохранительных. Они все тесно друг с другом связаны и понимают, что их сила в этой связи, во взаимной поддержке. Они вместе — сила, которая держит под контролем всех и вся. Поэтому, когда появляется человек, который пытается их разоблачить, они очень легко приклеивают ему ярлык «склочника». Сам по себе склочник действительно существует. Но этот ярлык очень часто навешивают тем, кто на деле борется с реальными злоупотреблениями. И я думаю, что одна из серьезнейших задач — не допускать, чтобы под видом борьбы со склочничеством расправлялись с неудобными людьми, которые действительно ратуют за очищение нашего общества.

В. Яковлев. Негативное отношение к жалобщику — это тоже, наверное, порождение административно-командной системы.

М. Пискотин. И авторитарного режима.

В. Мартемьянов. Я думаю, что мы сошлись на том, что бюрократия — это явление серьезное. Поэтому надо последовательно, настойчиво вести борьбу за демократизацию общества, за демократизацию экономической, общественной сфер жизни. Ибо это и есть

погибель бюрократии. Какие-то ключевые, наиболее общие направления этой борьбы мы здесь нащупали.

Б. Черкасов. Очень тяжело все это будет осуществить на практике.

В. Яковлев. Ну так ведь перестройка — это дело архимасштабное и архитяжелое.

М. Пискотин. И задачи ее оказались куда сложнее, чем казалось поначалу.

В. Яковлев. Это была эйфория первого времени. Вообще это прекрасное состояние — вера в то, что можно все сделать. И не дай бог потерять эту веру. Мало, чтобы она укреплялась. Но теперь эту веру мы должны поддерживать конкретными делами, а не одними эмоциями.

В. Сиренко. Редакция благодарит всех за участие в разговоре. Думается, что наша затянувшаяся беседа, хотя и носила несколько сумбурный характер, вызовет определенный интерес. Мы еще раз убедились, что бюрократа голыми руками не возьмешь — ни в жизни, ни даже в сегодняшней полемике. Увертлив он и живуч, но мы все едины во мнении — бороться с ним надо.

**«Круглый стол» подготовили
Н. ВАРЛАМОВА, Е. СМЕРНОВА**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ВСЕ О НОТАРИАТЕ

Издательство «Юридическая литература» выпустило сборник нормативных актов, относящихся к деятельности государственного нотариата. — **Государственный нотариат. Сборник нормативных актов.** (М. Юрид. лит. 1989. Под общей редакцией заместителя министра юстиции СССР **М. П. ВЫШИНСКОГО**).

Ценность этого сборника прежде всего в том, что впервые систематизированы практически все основные законодательные акты, постановления правительства СССР, нормативные акты Министерства юстиции СССР, устанавливающие принципы деятельности государственного нотариата, его задачи и функции, определяющие общие правила совершения нотариальных действий, особенности удостоверения разнообразных договоров (купли-продажи, раздела имущества, поручительства и других), оформления завещаний, выдачи свидетельств о праве на наследство и свидетельств о праве собственности, а также порядок удостоверения доверенностей на право пользования и распоряжения имуществом, свидетельствования подлинности подписи на документах, верности перевода документов с одного языка на другой и т. д.

Важно и то, что составители сборника — главный консультант по нотариату Минюста СССР, заслуженный юрист РСФСР **Р. И. Виноградова** и начальник отдела нотариата Минюста СССР **Р. М. Низовский** — поместили в него некоторые постановления Пленума Верховного суда СССР, а также носящие нормативный характер инструкции и указания других министерств и ведомств.

Р. ОЛЬГИН

МИНИСТР ЮСТИЦИИ США— ГОСТЬ МОСКВЫ

В Советском Союзе по приглашению Министерства юстиции СССР находилась делегация министерства юстиции США во главе с министром Р. ТОРНБЕРГОМ. В ходе его беседы с министром юстиции СССР В. Ф. ЯКОВЛЕВЫМ обсуждались вопросы формирования правового государства и роль органов правосудия в этом процессе, перспективы сотрудничества органов юстиции двух стран, затрагивались и другие темы, представляющие взаимный интерес.

Министр юстиции США Р. Торнберг имел встречи с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Комитета государственной безопасности СССР В. А. КРЮЧКОВЫМ, Генеральным прокурором СССР А. Я. СУХАРЕВЫМ, Председателем Верховного суда СССР Е. А. СМОЛЕНЦЕВЫМ, министром внутренних дел СССР В. В. БАКАТИНЫМ.

Делегацию министерства юстиции США приняли член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. РЫЖКОВ и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. И. ЛУКЬЯНОВ.

Во время пребывания делегации был подписан Протокол о сотрудничестве Министерств юстиции СССР и США.

Время рабочего визита в Москву министра юстиции США Ричарда Торнберга было расписано по минутам. Цель поездки — знакомство с советской правовой и судебной системой, установление деловых связей с нашими правоохранительными органами. Перед ее завершением Р. Торнберг встретился с корреспондентом журнала.

Министру 56 лет, у него два диплома — инженера и юриста. Богатый опыт юридической и государственной деятельности. Работал юрисконсультом корпораций, федеральным прокурором и губернатором своего родного штата Пенсильвания. В министерстве юстиции начинал с должности помощника министра. Президент Буш оставил его на посту министра, как и некоторых других членов кабинета прежней администрации США.

— «Доброе утро!» и «Спасибо!» — этими словами, произнесенными министром по-русски, началась наша беседа.

— Господин Торнберг, Вы посетили Верховный Совет нашей страны. Ваше мнение?

— Мы с глубоким интересом воспринимаем тот факт, что необходимым залогом успеха перестройки вы считаете создание в Советском Союзе правового общества. Демократизация уже привела к формированию Съезда народных депутатов; к обновленному, наполнившемуся новым смыслом Верховному Совету; к тому, что его Председатель наделен теперь значительной, но вместе с тем не безграничной властью. Все эти перемены свидетельствуют о беспрецедент-

ном движении к созданию такого государственного порядка, при котором правительство более ответственно перед населением и более подвластно правовой системе.

Как нам известно, этой зимой у вас предстоят выборы представителей в местные и региональные органы управления. В Верховном Совете стоит на повестке дня еще множество законопроектов. Нас обнадеживает разъяснение советских официальных лиц: разрабатываемые законопроекты приводятся в строгое соответствие с обязательствами Советского Союза по международным соглашениям.

Что же касается внешней стороны, то демократия часто недисциплинирована и неорганизована. В этом отношении не является исключением и конгресс США. Мы наблюдали дебаты в вашем парламенте. Отрадно видеть степень свободы депутатов, не зависящей от географии и социального положения.

Хотя я убежден, что любой вопрос можно изложить кратко. Но это взгляд со стороны. Мы приехали в вашу страну главным образом учиться. Если же и вы сможете что-то почерпнуть из нашего опыта, мы будем рады вдвойне.

В США, в свете наших традиций и демократического опыта, высшей инстанцией в обществе является закон. Это такое общество, в котором человек может жить с максимальной свободой. Я считаю, что юристы могут играть действенную роль на страже высокого качества жизни своей страны, только если они преданы идее господства закона. Именно это обстоятельство в первую очередь привлекло меня к моей профессии, а позже привело на пост министра юстиции.

— Миллионам наших читателей будет интересно узнать о Ваших обязанностях.

— Если коротко, министр юстиции — это человек, которого назначают для того, чтобы он разъяснял правительству и особенно президенту США, в чем именно состоит закон. С 1789 года, когда была учреждена эта должность, семьдесят шесть человек занимали ее. За два столетия круг обязанностей сильно расширился: первый министр юстиции справлялся с работой сам, даже без секретаря. Сегодня под началом министра 75 тысяч служащих, 5 тысяч из них — дипломированные юристы. В систему входят Федеральное бюро расследований и Управление по борьбе с наркотиками; криминальная полиция, расследующая уголовные дела, связанные с нарушением федеральных законов США; отдел иммиграции и натурализации. Бюро тюрем ведает федеральной тюремной системой; ведомство судебного исполнителя охраняет неприкосновенность судов и всей системы судопроизводства. В министерстве юстиции есть также служба межгрупповых отношений, регулирующая этнические, религиозные и расовые проблемы. Как видите, довольно обширный спектр деятельности.

Министры юстиции штатов не подчиняются мне. Каждый из них занимается только законами своего штата. Мы же занимаемся только законами, проведенными через конгресс США.

— В области юстиции мы только начали сотрудничать. Какие участки Вы считаете наиболее важными?

— Ваша перестройка открывает перспективы устойчивых положительных перемен и в американо-советских отношениях. По мере углубления контактов в целом расширяется и наше взаимодействие по правовым вопросам. Мы стали более тесно сотрудничать по проблемам, представляющим взаимный интерес и общую озабоченность.

Обе страны уже энергично общаются в рамках программы, состоящей из пяти пунктов. Это сокращение вооружений, права человека и двусторонние отношения, а также обсуждение региональных конфликтов и взаимодействие по таким важным вопросам, как борьба с терроризмом, организованной преступностью, торговлей наркотиками и охрана окружающей среды.

Позвольте мне пояснить свою мысль. Наркобизнес — коварный, беспощадный и сильный враг. Наркомания не знает ни политических, ни географических границ. Полагаю, что победить ее можно только общими усилиями мирового сообщества. Советский Союз столкнулся с этим злом сравнительно недавно, и опыт, имеющийся в США, может быть вам полезен. Год назад нами и Главным управлением государственного таможенного контроля СССР подписан меморандум о сотрудничестве в борьбе с наркобизнесом. Вместе со мной в Москве работали группы экспертов, которые изучили возможность будущих совместных акций. И мы надеемся добиться успеха. Ведь наркотики уничтожают все то, что мы стремимся создать.

— Какие проблемы Вы обсуждали с Председателем КГБ СССР Владимиром Крючковым?

— Должен сказать, что сам факт встречи председателя КГБ с министром США уже событие... Мы говорили с господином Крючковым о тех же наркотиках, об организованной преступности, называемой на Западе «мафией». Весьма прискорбно, что ее ядовитые ростки появились и у нас. О «русской мафии» в США, насколько я знаю, писали советские газеты. Очевидно, в войне с таким уродливым и опасным для любого социального строя явлением тоже найдутся точки совместного приложения сил. Разумеется, сказанное мной не означает, что уже завтра сотрудники ФБР и КГБ проведут вместе какую-либо операцию. Важен обоюдный интерес, высказанный сторонами.

— Расширение связей между нашими странами должно повлиять и на контакты юристов. Как Вы оцениваете этот процесс?

— Сейчас он в самом начале, на уровне обмена делегациями. Это судьи, адвокаты и даже министры. Думаю, в ближайшее время он приобретет более деловой характер. Мы уже договорились о ряде обменов. По одному из них советские судьи приедут к нам в Национальный юридический колледж США. По другой программе наши специалисты будут встречаться для обсуждения таких вопросов, как федерализм, административное право и трудовые отношения. Недавно мы с большим удовольствием приняли группу из семнадцати советских юристов на празднование двухсотлетия создания поста министра юстиции США.

Если дело пойдет так же и дальше, то возможен широкий обмен студентами и преподавателями-юристами, о чем я говорил на лекции в МГУ. Кстати, выступая там, я встретил студента, приехавшего на учебу к вам из Питтсбурга. Это мой город!

Перспективной представляется и стажировка юристов-практиков в сфере бизнеса. Наконец, что мешает сыщикам и следователям перенимать опыт друг друга?

— Защита окружающей среды входит в сферу Ваших служебных интересов?

— Да, ее юридическая сторона. Это одна из самых сложных проблем! В своей личной практике я столкнулся с ней на посту губернатора штата Пенсильвания во время аварии на АЭС «Три Майл Айленд»

в марте 1979 года. Горький урок многому нас научил. Мы поняли, как важна компетентность специалистов АЭС и сил, занятых устранением последствий аварии. Полной мерой осознали необходимость четкого взаимодействия местных и федеральных властей, научились решать сложные юридические проблемы, возникшие в результате аварии.

В декабре того же года я был в составе делегации в СССР. Мы приехали поделить опытом, почерпнутым из аварии на «Три Майл Айленд». Тогда желаемых результатов достичь не удалось. Нам отметили, что вопрос ядерной безопасности в Советском Союзе решен, что «американские реакторы преувеличивают опасность катастрофы, что «советские реакторы скоро станут такими безопасными, что их можно будет ставить на Красной площади».

Через несколько лет весь мир узнал о чернобыльской трагедии...

— А Ваши нынешние впечатления?

— Я слышал, что в Советском Союзе рассказывают анекдот: «Встречаются американец и советский гражданин и начинают спорить, у кого больше свободы. Американец хвастается: «В Америке я могу стать перед Белым домом и крикнуть: «Президент — негодяй и жулик!» И мне ничего не будет». Советский собеседник отвечает: «Ну и что? Я тоже могу выйти на Красную площадь и крикнуть, что Президент США — негодяй и жулик, и мне тоже ничего не будет!»

Теперь, благодаря гласности, можно сказать, что анекдот теряет свою соль, но не совсем. Советская пресса и общественность могут более свободно высказываться о том, что им не нравится, даже поднимать вопросы об ошибках правительства и о правильном отправлении правосудия. Но есть пределы продвижения к правовому государству на основании лишь гласности. Реформы могут быть прочными только в том случае, когда системы правления и юстиции сами подчиняются закону и ограничениям, создающим равновесие гражданской власти.

Мы ставим суд на вершину пирамиды всей власти. Поэтому большинство юристов США мечтает стать судьями, несмотря на порой существенные потери в заработке. Настолько велики престиж, авторитет и репутация этой профессии в нашей стране.

В качестве примера одно воспоминание личного плана. Когда я первый раз представлял дело в суде в качестве министра юстиции, то, признаюсь, рассчитывал на снисхождение из уважения к моему посту. Но не успел я произнести и пятнадцати слов, как судьи забросали меня десятками вопросов. Как у вас говорят, пришлось попотеть. Поэтому в Москве мне, в прошлом рядовому адвокату, было крайне неловко беседовать, сидя на встрече с Председателем Верховного суда вашей страны Евгением Смоленцевым.

И еще я хочу опередить самые распространенные вопросы, которые мне задают в Советском Союзе. Мы считаем, что у нас очень много адвокатов — 650 тысяч, но очень мало хороших адвокатов. (В СССР насчитывается 24 тысячи адвокатов.— Ред.) И последнее. Я поддерживаю идею применения смертной казни, но только по строго ограниченным статьям.

В заключение хочу выразить надежду, что с улучшением наших отношений опыт расширения сотрудничества во всех областях будет успешным.

Интервью взял А. АНОСОВ

КТО ЗАЩИТИТ МИЛИЦИОНЕРА?

Уважаемая редакция «Ч и З»! С большим уважением отношусь к вашему журналу, с интересом читаю публикации, освещающие самые разные правовые темы. Есть среди них и письма-исповеди людей, отбывших наказания за разные преступления, есть даже исповедь наркоманки.

Я человек не злой, не фанатик, всегда с болью отношусь к чужому горю. Но всегда ли оправдана наша сердобольность? Не слишком ли гуманен к преступникам наш закон? И еще — хватает ли у нас все той же сердобольности, гуманности, участливости, когда заходит речь о тех, кто нас с вами от преступников защищает? Да, я имею в виду работников правоохранительных органов. Мы очень много говорим о том, что советскому человеку нужна более надежная правовая защита, и, согласитесь, с куда меньшим вниманием прислушиваемся к тому, что, к примеру, сотрудник милиции (замечу — такой же советский гражданин, но которому вменено в обязанность рисковать даже жизнью, защищая других граждан) законом защищен не очень-то надежно. Тонкостей милицмейской службы по понятным причинам я знать не могу, у меня другая профессия, но я все же попытаюсь высказать свою, шахтерскую точку зрения на этот счет.

Любой вор, насильник, убийца прекрасно знает, что деяние его претит закону, однако же идет на преступление. Мне кажется, он всегда помнит о гуманности нашего закона и еще о его несовершенстве, а потому надеется, что не сумеют его изобличить до конца. А к срокам, к жизни в зоне ему не привыкать. А может, еще и не до конца отбудет срок — скосят...

Мне лично бывает горько смотреть телепередачи, где корреспондент, чуть ли не утирая скую слезу, берет интервью у убийцы, имеющего в прошлом 5—6 «ходов». С какой болью повествует (только что не всхлипывает) о «невыносимых» условиях содержания под стражей «заблудшего» члена общества. Нет, оказывается, у преступника цветного телевизора, нет телефона, не отпускают его на побывку к сожителям. Да и пища, видите ли, почти такая, как в плохих общепитовских столовых.

Абсурд! Все это приводит к совершенно неоправданному либерализму в отношении людей, которые действительно заслуживают сурового наказания. Они его заслужили. Совершил — получай! Ошибся — поможем. Трагическая ошибка, которая привела в итоге человека в «зону», — совсем другое дело. Некоторым действительно надо улучшать и условия содержания и создавать такие возможности, чтоб человек имел возможность сократить срок — тут все правильно. Я имею в виду людей, совершивших преступления, скажем, по неосторожности, по халатности и т. п. Но к тем, которые сознательно, зачастую преследуя корыстные, низменные цели, идут на нарушение

закона, умышленно совершают тяжкие преступления... К ним, я считаю, никакого снисхождения! И пусть попробуют переубедить меня — вряд ли из этого что-нибудь получится. Если же мы будем чрезмерно жалостливыми к закоренелым преступникам... Какая же у нас тогда будет жизнь?

Нужен жесткий закон. Именно жесткий, а не жестокий. Закон, который воздаст должное преступнику, но очень крепко, надежно защитит тех людей, которые защиту нашу от посягательств преступников сделали своей профессией. Чтоб не только на нарушителей закона распространялась наша гуманность. Иначе что же получается?

Хулиган сдирает с милиционера погоны, плюет ему в лицо, осыпает площадной бранью, а он... Он должен каждое свое движение соразмерить с законом, должен думать о том, что при малейшем нарушении инструкции (а все ли они так совершенны?) ему предстоит отвечать по закону. За нарушение своих полномочий его посадят на ту же самую скамью подсудимых, что и преступника-рецидивиста. Вот он и терпит...

Почему на Западе не смеют так обращаться с полицейскими? Да потому, что у того все аргументы в револьверной кобуре, в полицейской дубинке. У наших милиционеров тоже есть оружие, появились дубинки, но... Одно нельзя, другое нельзя, третье строго запрещено... А хулигану, преступнику можно все. Он нашу гуманность назубок выучил. Получается, бей, громи, убивай — так, что ли? Потом тебя будут искать долго. Когда-то еще найдут... И найдут ли? А если попался, надо умело воспользоваться законом, глядишь — и не так сурово все обойдется.

Возможно, я утрирую, но милиционеров ведь убивают. Гибнут молодые ребята в расцвете лет. Как им защититься? Кто их защитит? Нет, я не призываю к тому, чтобы милиционер по делу и без дела хватался за пистолет. Но он должен иметь гарантированную правовую защиту. И потом, не будем забывать, что человек в милицейском мундире — это представитель нашей власти. Народной власти. Преступник посягает разве только на жизнь и здоровье работника милиции? Еще и на нашу власть, на наше государство, на наше общество. Вот так я понимаю этот вопрос.

Я не имею в виду лиц, которые запятнали преступлением милицейский мундир, преступников, которые фактически прокрались в милицию, чтобы вершить свои черные дела. Но ведь большая часть наших милиционеров — это честные, добросовестные люди. Но и они нередко слышат — «мусор», «мят поганый»... Слышат и зачастую молчат. Терпят. Но зачем терпим мы?

**Ю. ДУДОГО,
шахтер**

КАРАГАНДИНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
г. ШАХТИНСК

ДИАГНОЗ? ПОЛИТИЧЕСКИЙ!

БЫЛ ЛИ И. СТАЛИН ПАРАНОЙКОМ

Житейская практика изобилует примерами постановки «летучих» диагнозов: «Да ты с ума сошел!». Ставящий такой диагноз ни в коей мере не подвергает сомнению психическое здоровье собеседника, а лишь подчеркивает, что его слова или поступки резко противоречат обычной логике, принятым нормам поведения, привычному образу мыслей.

Но существуют идеи, поступки, которые вступают в такое вопиющее противоречие с принятыми нормами, здравым смыслом, представлениями о естественной природе человека, что вызывают подлинное сомнение в психическом здоровье лица, их высказавшего или совершившего. Юристы и судебные медики хорошо знают, что многие преступники, совершившие непостижимые по своей изуверской жестокости деяния, тем не менее признаются психически здоровыми. Подчеркиваю: не просто «вменяемыми в отношении инкриминируемого деяния», а не страдающими психическими заболеваниями.

Естественно, что, когда человечество сталкивается с массовой практикой попрания прав, норм, обычаев, традиций, чрезвычайной жестокостью, проявляемой не спорадически, а как система, да еще если при этом инициатором и организатором подобной практики оказывается конкретное лицо, обладающее бесконтрольной властью, возникает вопрос: а не страдало ли это лицо психическим заболеванием? Был ли психически здоров Иван Грозный? А если обратиться к новейшей истории, не страдал ли определенными психическими отклонениями Сталин?

Последний вопрос в сегодняшней общественной атмосфере приобретает не только познавательный характер. «Литературная газета» дважды (О. Мороз. «Последний диагноз», 29.09.88 и «Консилиум», 02.08.89) обращалась к его обсуждению. О. Мороз мотивирует необходимость этого так: «...прежде всего мы должны знать правду. Довольно лжи!» Что тут возразишь — правда самоценна. Но как узнать правду в данном случае? Если бы найти документ, неопровержимое свидетельство, не оставляющее сомнений... Вот ведь опубликовали документ о принадлежности Сталина к числу агентов охраны — и стало ясно: фальшивка. Очень заманчивая бы-

ла версия... В случае, если бы она подтвердилась, со Сталиным можно было бы поступить так же, как он поступил со своими оппонентами: объявить шпиком, провокатором, агентом и — никакой сталинщины, никакого казарменного социализма: просто грандиозная диверсия. Но не получилось.

Теперь вполне серьезно исследуется другая версия: был ли Сталин параноиком. И хотя академик Н. Бехтерева четко и недвусмысленно высказалась против объявления Сталина безумным «в любом, даже метафорическом значении этого слова», верно указав на нравственно-политические последствия подобной версии, версия подробно обсуждается, оставляя след в умах.

Если обобщить различные доводы, которые высказывают психиатры в обоснование версии о психических отклонениях личности Сталина, расходясь лишь в диагнозе, основной резон заключается в том, что Сталин часто действовал вопреки здравому смыслу, во вред собственным интересам, что его реакции были совершенно неадекватны, что его подозрительность и страхи явно носили патологический характер, он находился в плену иллюзий, не считался с действительностью, упорствовал в заблуждениях, близких к навязчивым идеям, страдал маниями преследования и величия.

Все это похоже на правду, но только похоже...

В качестве одного из доказательств наличия у Сталина мании преследования приводится воспоминание советского флотоводца И. Исакова о том, что вскоре после убийства Кирова Сталин высказал опасение, что будет застрелен одним из охранников в кремлевских коридорах. Если Сталин был причастен к убийству Кирова, который, как известно, был застрелен в коридоре Смольного, имел ли он основания опасаться, что с ним политические противники поступят так же? А если не был причастен, но выяснил, что Николаева задержали с пистолетом работники ОГПУ, а потом отпустили, так ли уж беспочвенны были его опасения?

Другой пример, приводимый в обоснование мании преследования, из описанного Г. Гулиа рассказа С. Кавтарадзе, которого Сталин освободил из лагеря, пригласил на обед, а потом поразил репликой: «А ты все-таки хотел убить меня».

Г. Серебрякова рассказывала мне, что однажды, подавая кофе в кабинет мужа, Г. Сокольникову, на даче, где собрались несколько его друзей, она услышала чью-то реплику: «Да, Коба становится совершенно нетерпим, надо его как-то устранять...» Весьма вероятно, что кто-то из слышавших это проинформировал Кобу. Да и он сам прекрасно знал, сколько на его счету преступных акций и невинных жертв. И потому не мог не опасаться возможного возмездия. С Кавтарадзе у Сталина, видимо, были связаны какие-то приятные воспоминания, поэтому он и пощадил старого друга. А поскольку уже пощадил и дал работу, решил на всякий случай «профилактировать», то есть смертельно напугать подозрением... Конечно, эпизод с Кавтарадзе — каприз, но то, что Сталин был капризен, и то, что его капризность росла по мере признания его сверхгениальности, достаточно широко известно. Однако капризность всевластного деспота — отнюдь не безумие. Чтобы закончить разговор о мании преследования, повторю, что оснований опасаться возмездия за совершенные злодеяния у Сталина было предостаточно. А поскольку он был человеком, вполне свободным от власти моральных норм, тем более в политике, то, естественно, не ждал человеколюбия и от своих политических противников. Да к то-

му же, рассылая по всему миру агентов для устранения Троцкого и Льва Седова, Раскольников и Орлова, мог ли он не опасаться ответных мер? К тому же Сталин отлично понимал, что его режим, вызывавший неприязнь и страх во многих капиталистических государствах, могут попытаться изменить с помощью физического устранения лидера. Есть ли основания характеризовать это как манию преследования? Думаю, нет.

Теперь о масштабах репрессий. Они, конечно же, не могут быть объяснены лишь — пусть непомерно преувеличенными — мерами предосторожности Сталина против возможных заговоров и покушений. Но нельзя их объяснить и следствием больной психики Сталина.

Здесь необходимо учесть несколько факторов. В острой борьбе за власть в партии и стране, которая развернулась еще в последние полтора года жизни Ленина и достигла апогея на XIV съезде, Сталин объективно имел не лучшие шансы на победу. Он уступал по популярности и по степени близости к Ленину таким партийным деятелям, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков. Он уступал им во всем: по теоретическому багажу да и общей культуре, по ораторскому мастерству, что было в то время очень важно, наконец, по количеству сторонников из числа старых большевиков, занимавших ответственные посты и пользовавшихся в партии и в стране как реальным влиянием, так и морально-политическим авторитетом. На его стороне было лишь проницательно спрогнозированное, с железной целеустремленностью и дьявольской изобретательностью организованное и использованное решающее влияние партийного аппарата на подбор и расстановку кадров, превращение созданного в организационно-технических целях поста генсека в инструмент фактически полного подчинения аппарата, а затем и всей партии.

Конечно, при помощи различного рода подтасовок фактов, манипулирования цитатами, откровенной лжи и ловкого использования как действительных теоретических и политических ошибок своих поначалу значительно более авторитетных противников, так и их личных слабостей Сталин довольно быстро — за четыре-пять лет — приобрел репутацию верного последователя Ленина и главного защитника ленинского политического наследия от всяческих попыток его ревизии. К тому же Сталин виртуозно использовал острые политические разногласия и личную неприязнь между Троцким и Зиновьевым и Каменевым, между Бухариным, Рыковым и Зиновьевым и Каменевым, добившись с их беспринципной помощью ослабления воздействия ленинского предложения о замене Сталина на посту генсека. Но, даже одержав организационную победу в борьбе за власть, выслав Троцкого из страны и удалив из высшего политического руководства Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Пятакова, Сокольникова, Крестинского (Дзержинский и Фрунзе «своевременно» ушли из жизни), Сталин не мог чувствовать себя в безопасности, ибо реальная жизнь страны вопреки бодрым и лживым речам, сфальсифицированным сводкам и рапортам была неизменно трудна, скудна, а временами (1929—1933 гг.) даже катастрофична.

В этих условиях, встав на путь подавления, грубого насилия, откровенной лжи и дезинформации, Сталин не мог не опасаться, с одной стороны, массового недовольства народа, а с другой — возвращения к дискуссиям двадцатых годов и пересмотра их содер-

жания под углом зрения наступившей реальности, тем более что вожди оппозиции были живы-здоровы, отнюдь не вполне утратили в массах свои авторитет и известность, к тому же приобрели и некоторый ореол несправедливо «обиженных», а среди тысяч ответственных работников, старых партийцев, сторонников Сталина на словах было, как он не без основания полагал, больше, чем в душе. Да и могло ли быть иначе, если превращение Сталина из одного из крупных, но не отличавшихся особым блеском партийных работников в мудрого вождя и учителя, отца народов, ближайшего друга и соратника Ленина и его единственного наследника произошло за каких-нибудь 4—5 лет.

Насаждение культа личности было практическим оружием группы Сталина в борьбе за власть, а отнюдь не следствием его мании величия. Другое дело, что по мере своего утверждения культ личности становился своеобразной религией, образом мыслей и жизни миллионов. И не мог не оказывать обратного влияния на достаточно трезвого и циничного политика, каким, несомненно, был Сталин. Но об этом — страдал ли Сталин манией величия — ниже. А пока вернемся к массовым репрессиям.

Итак, Сталину в начале тридцатых годов было чего опасаться. А ведь к сказанному надо добавить, что к тому времени в концлагерях (да, они именно так именовались официально) находилось огромное число бывших членов других партий (эсеров, меньшевиков, анархистов, кадетов, октябристов), бывших офицеров, жандармов, полицейских, уцелевших в гражданской войне, махновцев и петлюровцев, шкуровцев и колчаковцев, тысячи и тысячи осужденных за саботаж и спекуляцию, а на спецпоселении томились, вымирая от голода и непосильного труда, сотни тысяч раскулаченных.

Как часто мы издеваемся теперь над известным «теоретическим» постулатом Сталина об обострении классовой борьбы по мере приближения социализма. Но давайте внимем глубже: абсурден не только вывод, но и утверждение, что к концу тридцатых годов наша страна завершила построение социализма. Какого? Во всяком случае, не того, о котором думал и писал Ленин в своих последних работах... Но вот то, что ситуация в начале тридцатых была потенциально взрывоопасна, во всяком случае, по оценке Сталина, сомнений нет. А раз уж начали создавать легенду о таком Сталине, без которого Ленин и шагу не ступал, то близкие друзья Ленина Зиновьев и Бухарин мешали ей самым фактом своего существования. Раз уж стали утверждать версию о Сталине как авторе выдающегося плана разгрома Деникина, то командующий фронтом А. Егоров оказывался опасным свидетелем лживости этой легенды. И уж если стали утверждать версию о подпольной типографии в Тбилиси, созданной вождем грузинских большевиков Кобой, то опасными свидетелями становились не только бывшие личные друзья Камо и А. Енукидзе, но и, по существу, все закавказские большевики с подпольным стажем. И много ли их пережило 1937—1938 годы? Буквально единицы. Словом, раз уж начали сочинять «Краткий курс», то полный курс следовало ликвидировать, разумеется, вместе с людьми — иначе не получилось бы.

Но ведь старые партийцы, крупные военные и им подобные — это всего лишь тысячи людей, а жертвами стали многие миллионы! Разве это не безумие?! Душа, совесть, все человеческое вопиет ответить: да, да, да! И все-таки: нет, не безумие. Это политика твердокаменного, фанатически приверженного абстрактным догмам,

беспощадного к людям и развращенного беспрецедентной полнотой власти деспота. И нельзя забывать, что неслыханные в двадцатом веке масштаб и жестокость репрессий, осуществленных Сталиным, были подготовлены кровавым кошмаром гражданской войны, которая психологически адаптировала народ не только к ужасающим цифрам жертв, но и к братоубийству, к примату классовых интересов над общенародными, классовых чувств над общечеловеческими, возвела ненависть и беспощадность из греховного, постыдного в доблестное и поощряемое.

Нет, не Сталин безумен. Безумны обстоятельства, созданные людьми, исходившими порой из противоположных политических, философских, нравственно-этических позиций, но с равной нетерпимостью отвергавшими диалог, попытки примирения, с равной жестокостью расстреливавшими, мучившими, проклинаящими. Только на этой базе, умело используя и в своих личных, и в ложно понятых державных целях гигантский аппарат подавления, Сталин смог запустить тот механизм глобальных репрессий, который действовал уже и без его прямого участия и, как знать, может быть, однажды сработал бы и против него самого. Эту возможность он постоянно учитывал. Отсюда и, видимо, не лишённые оснований догадки некоторых историков и политологов о вынашиваемом им после XIX съезда КПСС плане нового тура репрессий против высшего руководства, включая Берия, Молотова, Ворошилова, Микояна и некоторых других. Да, безусловно общество, в котором брался под подозрение не только каждый, кто в чем-то отступал от стандарта, но где были подозрительны такие понятия, как гуманизм, милосердие, сострадание, ибо они несовместимы с однозначным классовым самосознанием.

Сегодня мы всерьез обсуждаем, был ли Сталин психически больным... Но вот прочитал я в «Комсомольской правде» выступление видного советского историка и публициста В. М. Бережкова, полагающего, что при Сталине у нас в стране многое держалось на жестокости и страхе, но зато приносило свои плоды, а ныне страх исчез и многое разладилось, даже улицы не убирают. А Сталин бы расстрелял нескольких дворников и... Вот и задумаемся: был ли Сталин безумен, если созданные им модель и образ мыслей не исчезли с его смертью, а живы доныне не только в очертаниях пока еще незыблемой командно-административной системы, но и в сознании множества людей.

Достаточно широко известно из публикуемых в последние годы документов и воспоминаний, что инициаторами репрессий в своих областях деятельности нередко выступали Молотов, Ворошилов, Каганович, Андреев и другие члены Политбюро. Некоторые из них с требованиями репрессий и даже конкретно казней выступали на заседаниях и совещаниях, накладывали соответствующие резолюции на документах Политбюро. Что же, они тоже были безумны? И, выходит, в конце тридцатых годов Политбюро состояло чуть ли не из одних психически больных людей? Но мне довелось в шестидесятые и в начале семидесятых годов долго беседовать с двумя из них — В. Молотовым и А. Андреевым. Речь, в частности, заходила (по моей инициативе) и о репрессиях. Оба бывших члена Политбюро высказали твердое убеждение в правомерности и обоснованности массовых репрессий, оговоров, правда, возможность и риск при их проведении («лес рубят, щепки летят»). Но и Молотов, и Андреев совершенно не производили впечатле-

ния психически больных людей, хотя некоторые их высказывания даже в то, застойное, время казались чудовищными.

А теперь я позволю себе высказать предположение, которое, наверное, многим покажется диким. Заключается оно в том, что Сталин не страдал никакой манией величия. Я уже упоминал о том, что культ личности Сталина возник в его группе как средство и оружие в борьбе за власть. И лишь потом был не только возведен в официальную религию, но и положен в основу той модели политико-государственного руководства, которую Сталин считал наиболее отвечающей природе и нуждам того казарменного социализма, который он создал. И был в этом совершенно прав, ибо, как мы убеждаемся ныне, демократический социализм требует совсем иной системы власти и управления, а при старой его построить невозможно.

Нам очень мало известно о детстве Сталина и не очень много о его юности. Все же на основе того, что мы знаем, можно утверждать: он был физически слаб, лишен обаяния, обделен лаской и вниманием, часто подвергался насмешкам из-за физических недостатков — поврежденной руки и рябин от перенесенной оспы, а также из-за неудачливого отца, в конце концов, по-видимому, убитого в пьяной драке. Все это способствовало появлению не мании величия, а скорее комплекса неполноценности и страстного желания как-то изменить свою судьбу, вырваться из нищеты, бесправия, униженности.

Он пробовал писать стихи, что также свидетельствует о страстности натуры, но, рассказывают: обратившись к одному из известных грузинских поэтов, Сталин получил совет отказаться от попыток стать поэтом по причине недостаточности дарования и попытаться реализовать свои способности на ниве политики. Возможно, это лишь легенда, но стихи Сталин действительно писал.

Став революционером, Сталин довольно быстро обнаружил способности организатора. По некоторым сведениям, он играл видную роль в организации нескольких крупных экспроприаций, демонстраций и стачек. Его первые попытки заняться теорией свидетельствуют не столько о его склонности к деятельности такого рода, сколько о честолюбивом стремлении не отстать от других, обратить на себя внимание не только тщательно законспирированной работой партийного техника, известной очень немногим.

Немало ударов по самолюбию, даже унижений испытал Сталин, став заметной фигурой в рабочем движении, делегатом партийных съездов и конференций. В отличие от многих партийцев-интеллигентов Сталин не имел собственных средств и жил только на партийные средства, которые были весьма скудны. Он постоянно нуждался, особенно в тюрьмах и ссылках, и не раз в довольно униженной форме просил о материальной помощи. Все или большинство тех, кто ему эту помощь оказывал, были впоследствии репрессированы. Тяжело приходилось Сталину и за границей — без знания языка, без приличной одежды. Ему, конечно, помогали, в частности М. М. Литвинов. Но можно предположить, что его неприязнь к более образованным и способным заработать на жизнь партийцам, которые не только лучше жили, но и увереннее, свободнее себя чувствовали как в России, так и за границей, сохранилась у Сталина навсегда и особенным образом окрашивала его политические разногласия с лидерами оппозиции, по преимуществу интеллигентами. Не следует забывать и о сильном кавказском акценте Стали-

на, его глухом, негромком голосе, что мешало ему стать оратором и заставляло завидовать таким трибунам, как Троцкий, Бухарин, Киров...

Как видим, оснований для разного рода комплексов и недобрых чувств у Сталина накопилось предостаточно, и они, разумеется, свою роль сыграли. Но, деформировав личность, развив такие черты характера, как злобность и мстительность, злопамятство и завистливость, подозрительность и грубость, эти основания отнюдь не отняли у Сталина психического здоровья. Что же касается мании величия, то, хотя она в некоторых случаях возникает именно на основе подавленного комплекса неполноценности, ее, повторяю, у Сталина не было. Я приведу в доказательство лишь несколько примеров.

Сейчас многие знают, что в середине двадцатых годов Сталин брал уроки философии и, в частности, гегелевской диалектики у известного партийца Я. Стэна. Было Сталину в то время около пятидесяти лет, а культ его личности хотя еще не утвердился, но наметился. Совместимо ли желание брать уроки диалектики, которая в то время входила в обычный арсенал знаний каждого видного марксиста, с манией величия? Совместимо ли с ней обращение к Бухарину, пусть тогда еще другу, с просьбой отредактировать «Об основах ленинизма»? Ведь мания величия, если иметь в виду клинический диагноз, а не бытовой смысл, означает болезненную убежденность в собственном величии, а не жажду поклонения...

Главный маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал мне, что в первых числах июня 1941 года он побывал в Минске на приеме у командующего военным округом генерала армии Павлова. Павлов позвонил Сталину, чтобы решить вопрос о подчинении кадрированного дальнебомбардировочного полка, которым командовал Голованов, округу. Из доклада Павлова Сталину стало ясно, что Голованов находится здесь же. А закончился разговор вопросом Сталина о поведении немцев на границе и уверенным ответом Павлова, что никакого сосредоточения войск у границы не ведется. Спустя месяц, когда Голованов покидал кабинет Сталина, получив личное задание, Сталин нагнал его у двери и вне всякой связи с предыдущим разговором тихо сказал: «А Павлова мы арестовали и расстреляем...» Значит, несмотря на потрясение первых дней войны, несмотря на отчаянное положение на фронте, помнил Сталин, что Голованов был свидетелем дезинформации, поступавшей от Павлова. Значит, ясно понимал свои тяжелые ошибки и просчеты и нуждался в свидетелях, чтобы оправдаться, свалить часть вины на дезинформацию, дезинформаторов. Совместимо ли это с манией величия?

А совместимо ли с ней его признание в первые дни войны, что дело, завещанное Лениным, проиграно, признание, сделанное несколькими членам Политбюро, приехавшим на дачу Сталина, чтобы вывести его из состояния прострации? Чего не скажешь в таком состоянии? Но ведь и после победы в своем известном тосте за русский народ Сталин признал, что народ имел основание прогнать таких руководителей. Конечно, лицемерие Сталина может быть сравнимо лишь с его коварством. И все же. И этот тост, и тщательно разработанная версия неизбежности пакта с Германией, и исчезновение секретного протокола к нему, и то обстоятельство, что совещания с участием Сталина не стенографировались,—

не свидетельствует ли все это о весьма трезвых политических расчетах человека, наедине с собой верно оценивающего и свои успехи, и свои неудачи. Другое дело, что полное подавление инакомыслия, ставка на послушных исполнителей, адекватная оценка менее чем средних способностей большинства соратников, что рождало к ним странноватое отношение: смесь снисходительной симпатии и уничижительного презрения,— постепенно приучили Сталина игнорировать чужие мнения, доверять только собственным оценкам и выводам. Правда, в критические моменты он умел себя смирять и слушать тех, кто доказал свою компетентность. Но за это они обычно расплачивались. Даже Жуков. Кстати, если бы Сталин страдал манией величия, ревность к Жукову у него бы не проявилась. Именно потому, что Сталин прекрасно знал и помнил, каковы и его собственная, и Жукова роли в войне, он и повторял идиотские рассказы о военном невежестве великого советского полководца.

Так что ни манией преследования, ни манией величия Сталин не страдал. Он просто осуществлял те цели, которые перед собой ставил, и применял для этого любые средства, не останавливаясь перед геноцидом против своего народа.

...И как бы ни страдала душа при воспоминании о миллионах невинных жертв, мы не должны, мы не вправе утешать эту боль версиями о Сталине — агенте охраны или Сталине-безумце. Ибо тогда ответственность перелagается на рок, фатум, которые, как известно, ни перед кем ответственности не несут. Трагическое противоречие исторической роли Хрущева заключается в том, что, развенчав Сталина, он фактически не тронул сталинщину. Но суть в том, что Сталин без сталинщины невозможен, а сталинщина — без Сталина. Конкретный путь, по которому пошла страна после Октябрьской революции, отнюдь не был единственно возможным и неизбежным. Но с учетом конкретных обстоятельств исторического, политического, экономического развития царской России он был вполне вероятен. Спросим себя: можно ли представить ту модель социализма не со Сталиным, а с Троцким во главе? Да, можно. А с Зиновьевым, Молотовым, Постышевым?.. Впрочем, это уже гадание. А наша задача не гадать, а анализировать прошлое ради будущего. Вот почему категорически не следует подменять разоблачение сталинщины разоблачением Сталина. Ибо, если уж говорить о безумии, то оно было коллективным. И именно от него нам надо искать лекарство.

Юрий ИДАШКИН

„ДВЕ ТАНЦОВЩИЦЫ НА КОМОДЕ“

ПОВЕСТЬ

— Простите, как нам проехать на Неопалимовский проезд?

Женщина, в задумчивости шедшая по пустынному переулку, вздрогнула и обернулась. Из-за открытой задней дверцы автомобиля, остановившегося рядом с ней, глядело растерянное лицо пассажира. Он был похож на приезжего, который битых два часа колесит по огромной и незнакомой Москве в поисках нужного адреса. Шофер, воспользовавшись остановкой, вышел из машины и стал обходить ее, постукивая носком ботинка по колесам.

— Неопалимовский проезд? — удивилась женщина. — Я знаю, есть Неопалимовский переулок, но проезда, по-моему, нет...

— Да именно что проезд! — досадовал пассажир. — Вот, мне даже адрес написали! — И, распахнув дверцу пошире, он протянул изрядно помятую бумажку.

Женщина взяла ее, вглядываясь в фиолетовые каракули, и в этот миг шофер, оказавшийся сзади, ловко втолкнул ее в машину, а пассажир прижал ее голову к расстеленной на сиденье тряпке. Дверца захлопнулась, шофер быстро сел на место и дал газ.

Комиссар уже давно признался себе в том, что Александр Нагорный для него не просто подчиненный. Судьба свела их лет десять назад, и уже тогда он ясно видел, что Саша необыкновенно талантлив. Его ясный ум, редкая проницательность восхищали и, признаваясь, немного беспокоили комиссара, ибо он видел, что Саша одинок тем одиночеством, которое испытывает человек, бредущий в толпе. Нет, друзья у Саши были, но они, как бы сознавая его превосходство, никогда не старались стать для него близкими, незаменимыми: никому не нравится, когда читают его мысли.

Комиссар похлопал ладонью по Сашиному рапорту.

— Значит, на природу потянуло? Рисовать будешь. Нет, нет, — отмахнулся он от Александра, попытавшегося что-то сказать. — Сиди, сиди, я знаю, что ты не отдыхал давно. Имеешь право. Я о другом: насколько это тебе поможет?

Теперь настал черед улыбнуться Александру, ни на минуту не забывавшему, что он ученик комиссара. И если уж в чем-то превзошел своего учителя, то это вовсе не означало, что учитель потерял способность угадывать его настроение.

— Когда на свадьбу позовешь, друг ты мой ненаглядный, Александр свет Георгиевич? — спросил комиссар, подписывая рапорт.

— А когда в загс позовут, товарищ комиссар, — в тон ему ответил Нагорный.

— А что, у вас, молодых, теперь так заведено — девки парней в загсы водят?

— Это уж кому как повезет.

Саша подумал о том, что теперь, после Кати, вряд ли можно рассчитывать на скорую женитьбу и что комиссар называл его, тридцативосьмилетнего подполковника, молодым. Впрочем, комиссару молодыми казались все, кому не стукнуло пятьдесят.

Лет пятнадцать назад, когда еще не было Александра Георгиевича Нагорного (а скитался по огромной стране выпускник геологического факультета МГУ Саня), пристрастился этот Саня делать в короткие минуты отдыха зарисовки. И, вернувшись из очередного своего похода, поступил в Архитектурный институт. Проучился два года. И, казалось, окончательно нашел себя. Но жизнь распорядилась иначе...

— Твоя судьба здесь, — частенько говорил ему комиссар, — ты сыщик от бога, а это надо ценить.

Эту сакраментальную фразу повторил он и сейчас, а в конце добавил: «А рисование... Это ты правильно делаешь, что не забываешь. Ну, ладно, сдай, что у тебя там осталось, Трифонову, а через десять дней жду тебя». Он пожал Александру руку и слегка подтолкнул его к двери.

Сдав дела подполковнику Трифонову, Нагорный позвонил Сергею Сергеевичу (слава богу тот оказался дома) и договорился, что заедет за ключами от дачи по дороге на вокзал.

На кухне он открывал ящик за ящиком, ни на что хорошее не надеясь. Обнаружив вдруг шесть банок тушенки, он смотрел на них в немом восхищении несколько секунд. А затем, как бы опасаясь, что это мираж, быстро уложил их в большую синюю сумку. Кеды, два свитера, олимпийка. Так, что еще — сапоги? Ну, этого добра на даче достаточно. Проверил этюдник — все на месте. Захлопнул дверь и тут же вспомнил, что оставил дома кофе. Возвращаться не хотелось, но и на поселковый магазин надежда была слабая.

...Кофемолка так трещала, что телефон он расслышал не сразу.

— Алло, Саша, добрый день, — услышал он женский голос. — Это Нина Шувалова говорит. Узнала у Петрова твой телефон, позвонила на работу, но там сказали, что ты с сегодняшнего дня в отпуске, и вот решила на всякий случай домой...

Саша знал Нину давно, еще когда она была замужем за погибшим летчиком Шуваловым, товарищем Петрова. Кажется, лететь предлагали Петрову, но возникли какие-то сомнения, и Петров отказался. А Володя (так звали Нининого мужа) полетел — уверен был, что машина в порядке. Убеждал. Доказывал. Вот и доказал! Прав оказался Петров. Тысячу раз прав и всю жизнь потом не мог простить себе этой правоты. Виделись Саша с Ниной в основном на днях рождения Петрова, ну и еще два-три раза, где — сейчас и не вспомнишь.

— Привет, Нина! Сто лет тебя не видел.. Как жизнь?

— В целом нормально.

— А в частности?

— А в частности, есть к тебе дело, но не по телефону. Может, встретимся, хоть на полчаса?

— Слушай, я сейчас уезжаю на неделю. Может, потом? — Он надеялся, что Нина перенесет разговор.

— Давай я приеду на вокзал.

Александр подавил вздох.

— Знаешь, там очень шумно и бестолково. Давай где-нибудь в том же районе. Ну, скажем, в Сокольниках, через два часа.

— Хорошо. Я буду ждать тебя у главного входа.

Александр повесил трубку и посмотрел на часы. До встречи с Ниной надо было заехать к Сергею Сергеевичу.

Казалось, осень нашла свой тихий приют в аллеях Сокольников. Припарковав оставшуюся от отца «Победу» возле главного входа, Саша еще издали заметил Нину.

Они свернули с центральной аллеи и не заметили, как очутились у железной ограды. Дорожка уводила дальше, чувство одиночества, так одолевавшее Александра последние месяцы, не то чтобы совсем отступило, но стало не так болезненно. Он смотрел на Нину и видел высокий лоб, красивые, но жестко очерченные линии рта и подбородка, придающие лицу решительный характер, и совершенно сбивавшие с толку беззащитные глаза. «Твердость лидера и мечтательность поэта», подметил Александр, взглянув на Нину, — очень любопытное сочетание, встречающееся нечасто, особенно у женщин. Досталось тебе после смерти Володи». Одета Нина была элегантно и именно так, как нравилось Александру, — он не любил, когда женщины смешивали в одежде цвета и стили. Сам в этом смысле щепетильный до крайности, он переставал интересоваться женщиной, если в театр она надевала джинсы и свитер.

Шли молча. Нина украдкой поглядывала на него. Наконец взяла под руку.

— Ты все там же работаешь? — спросила она.

— А ты?

— Я уже зам. главного редактора.

— Молодец, а я все еще милиционер.

— Ах, милиционер! Ты-то мне и нужен.

— Я всем нужен, — ответил он, не переставая улыбаться, и тут же подумал, что солгал, ибо сегодня он был нужен только ей и вряд ли кому-нибудь еще в целом свете.

— Знаешь, — сказала Нина, чуть помолчав, — я ведь кое-что про тебя знаю — ты не просто милиционер, ты подполковник, служишь в министерстве, мне про тебя Петров рассказывал.

— Да, Ниночка, я действительно подполковник и действительно служу в министерстве, но не думаю, что ты пригласила меня, чтобы обсудить мое служебное положение.

— Ты прав, — она помолчала, — хотя твоя должность сейчас для меня тоже не безразлична. Я отнимаю у тебя уйму времени, а ты спешишь, уж прости меня.

— Ничего, у меня впереди десять дней, а это для милиционера целая вечность, даже если он подполковник и служит в министерстве.

— Знаешь, я всегда считала себя человеком спокойным и уравновешенным, а тут запаниковала. Видишь ли, у меня в доме всегда порядок, мужчинам это трудно понять. Впрочем, ты, кажется, жи-

вешь один, и тебе, я думаю, знакомо, когда каждая вещь знает свое место. Так вот, в субботу я собиралась заплатить за квартиру, сунулась в ящик, где все документы, и, как тебе сказать, все на месте, нет-нет, ничего не пропало, я проверила, но все лежит не так. Ты не смейся, ладно?

Александр и не думал смеяться.

— И деньги не пропали?

— Денег там было немного, но и они на месте.

— А остальное как?

— Как всегда, но в ящике все по-другому.

— Послушай,— Александр на секунду задумался,— если б я не уезжал, мы бы поехали прямо к тебе и взглянули на бумаги, которые у тебя там лежат. Впрочем, ничего страшного не случится, если мы сделаем это через неделю. Ну, а как насчет замка? Замок цел?

— Замок цел и невредим. Я и в милицию не обратилась потому, что мне сказать там нечего. Знаешь, у вас там тоже всякие. Подумают, просто ненормальная какая-то.

Меньше всего Нина походила на ненормальную.

— Ты вот что сделай,— сказал он, подумав,— заявление в свою милицию все же забрось. Я постараюсь, чтобы оно там не умерло. А когда вернусь, приеду к тебе и сам погляжу. Решено? И запиши мой сельский адрес, а если что — приезжай. Абрамцево, поселок Академии наук, дача девять.

Нина записала адрес, и они направились к выходу.

— Да, кстати,— прервал молчание Александр,— а как ты провела последнюю неделю? Ну, где была? С кем виделась? На работе ничего неожиданного?

— На работе как всегда. Дома тоже. Во вторник была в гостях у одного нашего постоянного автора. Дрозд Петр Павлович, ему исполнилось пятьдесят пять лет, вот мы с Машей и пошли. Маша — это моя подруга, она Дрозда тоже знает, когда-то вместе работали, а сейчас она в новом СЭВе, на восемнадцатом этаже. Там и народу-то не было, еще один тип. Посидели у Дрозда дома, ну и разошлись, одиннадцати еще не было. Вот и все. Еще звонила маме — она у меня далеко, в Воркуте. Зову ее к себе.— Нина вздохнула.— Теперь точно все. Нет, в пятницу на работе задержалась, фильм японский привозили.

Они остановились у выхода.

Александр взял ее за руку.

— Слушай, если захочешь, приезжай ко мне в гости без всякого повода, просто так, на денек, тем более, я уверен, что все твои страхи окажутся напрасными.

— Хорошо, я постараюсь,— Нина слегка улыбнулась.

Во вторник, среду и четверг Нагорный чувствовал себя Санчо Пансой, получившим остров в свое бесповоротное губернаторство, царем Крезом и Робинзоном Крузо, вместе взятыми. Он не просто отдыхал. Он наслаждался, нежился в октябрьской тишине, нарушаемой только изредка птицами да далекими электричками. В подбитой мехом куртке, он с этюдником через плечо уходил утром и возвращался затемно, обходя окрестные деревни.

В четверг после ужина Александр почувствовал: побег удался. Он сварил кофе и стал рассматривать трехдневную работу: леса, кривые уложки поселка, церковь, взбравшуюся на пригорок, и, на-

конец, Нину. Он думал о ней все эти дни. Но мысли его были далеки от той заботы, которая привела ее к нему. Он вспоминал ее глаза, руки и рисовал...

В пятницу утром его ждал сюрприз. Когда он вышел на крыльцо, чтобы подышать осенним ароматом, увидел Нину, открывавшую калитку.

— Явление следующее,— провозгласил Александр, сбегая по ступенькам,— те же и она.

— Веди, показывай свои владения,— улыбнулась она.

— Пошли, только хозяин тут не я, а Сергей Сергеевич. Профессор. Да ты не знаешь его.

Гуляли долго и без сил приплелись к вечеру домой.

Пока Нина готовила ужин, Саша, слушая ее, делал наброски. Вдруг он поймал себя на мысли, что «отключился» и пропустил несколько последних фраз. Нина рассказывала о французе по имени Ришар.

— ...Мой папа в концлагере был во Франции, бежал оттуда и участвовал в Сопротивлении вместе с дядей Ришаром.

— Постой, постой. Так ты хочешь сказать, что послезавтра к тебе приезжает этот француз?

— Я толкую об этом уже минут пять. Бедненький подполковник, ты так утомился, что задремал. Дядя Ришар разыскивал отца больше двадцати лет, а нашел меня. Они потеряли друг друга в сорок пятом и с тех пор не встречались. Папа умер в октябре шестьдесят четвертого...

— А отец тебе рассказывал о нем?

— Рассказывал, но мало. Он вообще о войне вспоминать не любил. И вот полтора года назад я получаю письмо от дяди Ришара. Ты знаешь, у него интересная судьба: после войны кем он только не был. И шофером, и учителем, и журналистом. А сейчас на генсии. Ну, да ладно, придвигайся к столу. Кстати, у тебя есть постное масло, или будешь салат со сметаной?

— В тебе умер великий повар в тот час, когда родился пошлостный редактор.

— Ты просто нахал. У вас все подполковники нахалы?

— Нет, только майоры. Из подполковников я один. Кстати, ты и дядюшку Ришара собираешься кормить таким чудом?

— Конечно. Не завидуй, я приглашаю и тебя. Жаль, что дядя Ришар. прилетает в воскресенье утром, но собраться придется в понедельник, но что поделаешь? Да, вот еще что. Он написал мне, что, когда они расстались с отцом, тот отдал ему на хранение записки, которые вел, представь себе, в концлагере. И вот теперь он собирается мне это вернуть. А еще папа, как и ты, прекрасно рисовал. Но закончить ничего не удалось. А после войны отсидел в лагере. Вот ведь судьба какая: сначала концлагерь у немцев, потом лагерь у своих. Воркуту я уже помню: мне было восемь лет.— Нина умолкла, молчал и Александр.— В пятьдесят шестом ему предлагали вернуться в Москву, но они с мамой не захотели.

— Тогда, может, в записках есть и зарисовки? Слушай, это же интересно.

— Может быть, но дядя Ришар об этом не пишет. Кстати, Петр Павлович такую же мысль высказал, я тебе рассказывала о нем в Сокольниках, помнишь?

— Ваш автор?

— Да.

- Он тоже приглашен на советско-французскую встречу?
- С супругой, так что не ревнуй. И Маша.
- С восемнадцатого этажа?

Нина весело рассмеялась.

— Ты бы видел, как они рассматривали фотокарточку француз!

— Так он тебе и фотографию прислал? Что же ты не покажешь?

— Ну я же не ношу ее с собой. Она дома. В тот день я взяла ее с собой, чтобы показать Маше, ну а за столом, знаешь как это бывает, разговорились... Собственно, до этого дня о дяде Ришаре никто, кроме Маши, не знал.

Догорел короткий осенний закат. Странное чувство охватило Александра: ему казалось, что эта женщина, расставляющая на столе кофейные чашки, была с ним рядом всю жизнь, только он не замечал ее, и она тоже делала вид, что не знает его.

— Ну, а тебя больше не посещают? — спросил он.

— Никто меня не посещает. Думаю, что это были обыкновенные бабьи страхи. Прости за беспокойство. — Она кротко взглянула на него.

До отправления электрички оставалось минут десять. Они медленно шли в сторону первого вагона.

— А знаешь что? — оживилась Нина. — Я завтра целый день буду стряпать, а в воскресенье... было бы просто здорово, если бы ты приехал. Нет, в понедельник это само собой, а в воскресенье мы смогли бы встретить дядю Ришара. Ну как, подполковник, бросишь на время свою профессорскую сторожку?..

Пронзительный свисток электрички заглушил слова. В лицо ударила тугая струя воздуха. От неожиданности Нина вздрогнула и ухватилась за Александра. Он ощутил на лице ее волосы, увидел на секунду глаза и привлек ее к себе. Она уткнулась лицом ему в грудь и замерла.

В субботу утром он не рисовал. Ушел в дальний лес. Бесцельно бродил по жухлой траве, нашел несколько подосиновиков, потом, сидя на пригорке, любовался деревьями, освещенными неярким осенним солнцем, а к двенадцати часам вернулся на дачу. И тут отчетливо понял, что до завтра он здесь не протянет...

Что же это? Нина? Все ее подозрения — действительно бабьи страхи. Подумаешь, что-то там не так лежало в ящике. Тоже мне, документы! Платежные книжки за квартиру и за телефон! Сама же, небось, и устроила разор в секретере. Двадцать капель валерьянки перед сном, и полный порядок, и в секретере, и в голове. Но с другой стороны, живет одна — отсюда и страхи. А тут еще приезжает дядюшка Ришар. Могла разволноваться. Не так часто нам приходится принимать иностранцев. Тем более солагерников и друзей отца.

Александр вышел на крыльцо и закурил. Ему казалось, что он в мыслях успокаивает Нину, но тут вдруг понял, что успокаивает сам себя. Это ему не понравилось. Что же, собственно, случилось? Он еще раз вспомнил разговор с Ниной и задумался о французе. «Черт! А Ришар это имя или фамилия? Может, и так, и так. Какой-нибудь Ришар Шарден. Или наоборот, Жан-Пьер Ришар... Ну, а мне-то какая разница?»

Нагорный не терпел неясностей, особенно мелких и таких, которые можно легко устранить. Конечно, если бы он сейчас работал, то неясность с Ришаром потонула бы в море других, куда более

важных проблем — в конце концов любое его дело — это одна из хитросплетенных неясностей...

На сборы ушло минут двадцать, и в пятом часу Александр вырулил с проселковой дороги на Ярославское шоссе. Въезжая в Москву, он остановился у телефонной будки и позвонил Нине. Номер не отвечал. Было без четверти пять. Конечно, она еще на работе. Заехав домой, он принял душ, побрился, надел костюм. Прежде чем выйти из дома, на всякий случай еще раз набрал ее номер. Телефон не отвечал. Нагорный посмотрел на часы. Судя по всему, она на полпути домой. Говорила, что в эту субботу работает.

Найти дом Нины было совсем несложно. Оказывается, он проезжал и проходил мимо него много раз, даже не подозревая, что однажды зайдет в него, неся в душе сомнения и тревоги. За миг до того, как нажать звонок, он вдруг понял, что квартира пуста. Поставив перед дверью, он прислушался, проверил, заперта ли квартира, и позвонил в соседнюю.

— Ниночка? — переспросила женщина в ярком халате, — а вы кто, простите? — Она оценивающе оглядела Александра.

— Я из Воркуты, привез кое-что для нее.

— А-а, так вы от ее мамы! Ну, как она там?

— Кто? — переспросил Александр, прекрасно понимая, о ком идет речь, но стараясь выиграть время.

— Да Алла Борисовна.

Он с облегчением вздохнул:

— С Аллой Борисовной все нормально. Так вы не знаете, где Нина?

— Уже третий день ее не вижу, — ответила женщина. — Да вы проходите, что на пороге стоять? — и она, взяв Нагорного за рукав, почти втащила его в прихожую. — Знаете, Нина ко мне часто заходит. Чаю попить, поболтать... Она же одинокая, знаете, у нее муж погиб, летчик...

— Да, да, — кивнул Александр. — Мне Алла Борисовна рассказывала.

— Заходите, снимайте плащ. Вот сюда вешайте, на плечики. Проходите, пожалуйста, только ноги вытрите. А Нина, может, сейчас придет, мы с вами услышим... Меня Тася зовут, Анастасия, — она протянула Нагорному руку.

— Саша, — пожал он ее руку, чувствуя, что попал не в самое ловкое положение. А его новая знакомая зажгла торшер и вышла из комнаты.

— Я сейчас кофе сварю! — раздалось из кухни.

Нагорный огляделся. Это была чистенькая комната, обставленная с умеренной безвкусицей: рекламные картинки из журналов, зачем-то окантованные под стекло. Они висели повсюду, от них было просто некуда деться.

Вошла Тася, неся на подносе две кофейные чашечки и вазочку печенья. Она даже успела причесаться.

— Так значит, вы Нину уже три дня не видели?

— Ага... — Тася расставляла чашечки на вышитой салфетке, покрывавшей журнальный столик. — А что удивляться, собственно? Нина самостоятельная женщина, могла пойти куда-нибудь... — Она села в кресло напротив, небрежно поправив халат, разъехавшийся на коленях. — Куда-нибудь, к кому-нибудь... Ой, что это я, совсем забыла... — Встав с кресла, она подошла к буфету, достала начатую бу-

тылку коньяка и две рюмочки.— Или, например, она дома. Очень может быть!

— Дома? — не понял Александр.— А почему тогда не открывает?

— Не может,— прищурилась Тася.

— Не может?

— Не может и не хочет! — захохотала она, откупоривая бутылку и наливая коньяк.

«Ах, вот вы о чем, милая Тася... Что ж, возможно, вы и правы. Даже скорее всего вы правы, только мне почему-то не хочется в это верить. Сам не знаю, почему. Мальчишество? Возможно... И не суетитесь так, дорогая Тася. Да, вы еще молоды и довольно милы, надо признать... Вы смелая женщина — приезжий из Воркуты и соседка дочери какой-то Аллы Борисовны. Никто никого не знает, все видят друг друга в первый раз... Забавно!»

— Ну,— Тася подвинула к нему рюмку.— За знакомство.

— Извините, бога ради,— улыбнулся он. — Я за рулем. Остановит милиционер, и привет.

— За рулем? — Тася насмешливо подняла брови.— Вы из Воркуты на машине добிரались?

«Экая вы проницательная дама, милая Тася!» — подумал Нагорный и объяснил, что машину взял у товарища, и если его задержат нетрезвым, то товарищу тоже будет беда, есть на этот счет закон.

— Закон? — махнула рукой Тася.— Дайте мильтону четвертак — вот и весь закон...

— А не жирно — четвертак? — спросил Нагорный, чтоб хоть что-нибудь сказать. Он знал, что к милиции люди относятся, мягко говоря, по-разному, но участвовал в таком разговоре впервые.

— Вы же северянин, воркутянин, у вас денег много... Или нет? — Тася пристально на него смотрела, положив ногу на ногу и покачивая задником красивой домашней тапочки, опущенной беличьим мехом.— Или я ошибаюсь?

«Ошибаетесь ли вы, дорогая Тася? И да, и нет. То, что я никакой не посланец из Воркуты, вы догадались сразу, и это делает честь вашей сметке. Но вы решили, что я поклонник Нины, и ошиблись... Хотя нет, здесь вы снова были точны. А вот насчет всего остального вы ошиблись. Что ж, бывает, милая Тася, бывает...»

— Спасибо за кофе,— поднялся он с кресла.— Было очень вкусно. Рад был познакомиться.

— Привет Алле Борисовне,— сухо попрощалась с ним Тася, уязвив презрительной улыбкой.

— Непременно передам,— он сдержанно улыбнулся в ответ.

Уже в машине, включив зажигание, Саша подумал, что, в сущности, ему некуда ехать. Разве что домой. Или к комиссару. Тот бы выслушал, не перебивая, но что дальше? Что в конце концов произошло? Необходимо подождать, хотя бы несколько часов, хотя бы до утра — убедиться, что с Ниной ничего не случилось. А если она придет утром? Значит... черт! Ничего хорошего лично для тебя это не значит. Ну и пусть, наплевать! Наплевать? А платформа «Абрамцево»? А глаза? Но ведь это ничего не значит, увы... Так ведь? Вот и перестаньте, гениальный сыщик! Посидите и соберитесь с мыслями, а заодно и с духом.

Отъехав от дома не более чем метров на триста, Александр увидел огни ресторана и подумал, что это именно то, что сейчас нуж-

но. Когда-то, года два назад, он был здесь с Катериной, в другой жизни...

Всегда равнодушный к еде, он заказал только кофе, а на вопрос: «Что будете есть?» ответил жестом, который на языке официантов всего мира означает: «Немного того, что сам знаешь».

«Послушай, сыщик,— он чуть не хлопнул себя по лбу,— но ведь есть еще Маша. Да-да, Маша, черт побери! С восемнадцатого этажа СЭВа, кажется, так. Почему бы Нине не переночевать у Маши? Ну, готовила весь день, пекла, жарила, пошла отдохнуть к подруге, да и заночевала. Конечно, естественнее предположить, что Маша помогла Нине по хозяйству и должна была заночевать у нее. Но кто ж поймет чужую душу, тем более женскую? Разумеется, Марию можно вычислить, но на это уйдет полдня, не меньше.— Александр взглянул на часы: стрелки отсчитывали последние минуты субботы.— Итак, полдня, не меньше. А у нас впереди либо вечность, либо нет ни одной лишней секунды. В обоих случаях полдня никого не устроит».

Александр подозвал официанта и попросил счет. Он нарочито долго расплачивался за чашку кофе и ассорти, к которому не приронул. Внизу, в холле, порывся в карманах в поисках двух копеек, медленно крутил телефонный диск. Квартира молчала. Но шанс оставался. Не садясь в машину, Саша направился к уже знакомому дому.

Он не стал вызывать лифт, поднялся по лестнице. «Зачем играть в прятки? Можно же посмотреть на окна: если за эти двадцать минут она пришла, в окнах горел бы свет. Но я не смотрю на окна. Я даю еще один шанс. Кому? Да себе, конечно! Кому же еще, черт побери?»

Нажав на звонок, он выждал пару минут и, убедившись, что за дверью тишина, вытащил из кармана брелок с ключами. Универсальный набор отмычек в руках профессионала мог творить чудеса. Замок поддался быстро, почти сразу. Впрочем, Александр уже давно заметил, что умелый человек мог открыть этот замок практически ногтем. Он постоял некоторое время в темноте, чтобы привыкли глаза, затем, сбросив туфли, прошел поочередно в одну комнату, затем в другую, в кухню и везде занавесил окна. Он еще не знал, что будет делать дальше — больше всего ему хотелось, чтобы делать ничего не пришлось. Вот так: подъехало бы такси, вышла бы Нина Васильевна, а он тут как тут. «Знаешь — вот, вместо воскресенья в субботу пожаловал.— Ночью? — Ах да, ночью. А не спалось! — вот и ответ».

Он стоял посреди большой комнаты и прислушивался. Но к дому никто не подъезжал, город уже стих, троллейбусы почти перестали ходить, одинокие машины пролетали где-то в стороне, шурша шиной по стылому осеннему асфальту. Привыкшие к темноте глаза нащупали в углу комнаты кресло. Надо сосредоточиться, обязательно, просто необходимо, в этом и только в этом сейчас действие.

«Итак,— он сел в кресло,— что-то упущено, вероятно, очень важное, иначе не было бы этой ночи. Но что? Давай все сначала. А где начало? Разговор в Сокольниках? Значит, все-таки в квартире рылись, что-то искали. Что? Ведь ничего не пропало. Это факт. А факт ли? Предположим, что факт. Итак: рылись, но не нашли. А что искали? Эх, кабы знать! Может быть, найдем. Чего-чего, а искать нас научили. Хорошо бы только знать, что ищешь». Он включил торшер.

Комната, несомненно, служила гостиной: кресла, журнальный столик на низких ножках, на нем телефон, в углу — тахта, овальный стол, стекла, книжные полки. Ничего особенного.

Саша прошелся по комнате, рассеянно открывая какие-то ящики и тут же задвигая их обратно. Его все время не покидала мысль, что он упустил из виду что-то очень важное. Это была даже не мысль, а скорее предчувствие, не покидавшее его с утра. Ощущение какого-то провала в памяти. Оно было крайне неприятным, сродни тому, как если за тобой наблюдают исподтишка, а ты не видишь наблюдателя и не знаешь, где он и откуда ведет наблюдение.

«Ладно, стоп! Если не деньги и не ценности, то что? Документы? Попробуем отсюда».

По опыту Нагорный знал, что одинокие женщины, как правило, хранят документы в спальней комнате. Он перешел туда. Никогда прежде не видел этой комнаты, он практически безошибочно определил, где то, что ему нужно. Впрочем, определить было несложно: единственный предмет, где могли храниться документы, стоял в углу, наискосок от кровати. Это был старый, красного дерева секретер, дисгармонирующий со всей остальной мебелью. Такие изготавливались, вероятно, еще в прошлом веке. Еще только приоткрыв первый ящик, Александр вспомнил слова Нины: «У меня все лежит на своих местах». Действительно, порядок был безупречный. Отдельно лежали письма, в другой стопке фотографии, дальше — разные счета, квитанции...

Прошло около получаса, прежде чем он понял, что, перебрав все или почти все, едва ли продвинулся в главном, — он не знал, что ищет. А искать следовало, по всей видимости, то, чего здесь уже не было. Еще недавно лежало, а теперь не лежит. И это «что-то» исчезло — давай осмотреть правде в глаза — вместе с Ниной. Похищено? Похищено, судя по всему. Он опять почувствовал, что упустил что-то чрезвычайно важное.

«Что же я упустил, что же самое-самое я упустил?» — лихорадочно соображал он. На какое-то мгновение он увидел себя шахматистом, попавшим в сильнейший цейтнот. Флажок на его часах стремительно поднимался. Следовало сделать ход, один-единственный правильный ход. Только ставка в этой партии слишком высока. Он вспомнил польский сериал, который крутили в тот год по телевидению. Он усмехнулся. «Все правильно, ставка — жизнь и даже несколько больше. Хорошо! Попробуем вспомнить, что говорила Нина. Так, рылись в бумагах. Теперь это и так понятно. Дальше. А что дальше? А дальше рассказывала, чем занималась ту неделю, ну, кроме службы, разумеется. Конечно, разгадка могла быть и на службе, но сейчас нам туда не попасть. Итак, японский фильм, Ма-ша из СЭВа, звонок в Воркуту. Что еще? День рождения. Все? Теперь, кажется, все. Ну и что? День рождения чей? Дрозда?.. Странная фамилия. Кажется, Петр Павлович или Павел Петрович. Ну, сейчас не это суть. А что суть? Подожди.— Саша остановился как вкопанный. Он понял, что еще немного, и он ухватит жар-птицу за хвост.— Суть в том, что его пригласили на встречу с французом. Так, поэтому я здесь... Ну, напрягись! — Он опять услышал тиканье часов, увидел фигуры на шахматной доске, «флажок» угрожающе навис.— Спокойно, спокойно! Александр уже понял, что успеет сделать ход. Француз — француз... француз... Как там бишь его? Ри-шар? Так все-таки, фамилия это или имя? Господи! Как можно так ослепнуть?! Он чуть не произнес это вслух. Ослепнуть, чтоб не уви-

Рис. В. Родина

деть очевидного — ведь Нина говорила ему: письма и фотография Ришара должны быть в квартире, на месте, а их нет. Их точно нет. А кто о них знал? Дрозды-щеглы да Маша. Но ради чего все это? Ради чего? Да уж, наверное, не ради шутки! Ведь Ришар везет дневник отца Нины. Дневник лагерника, военнопленного. Кто знает, что в этом дневнике? А может, зарисовки? Ведь он же был художником».

Включив свет, он медленно подошел к окну и отдернул занавеску. Найти, найти Нину, если еще не поздно. С момента ее исчезновения не могло пройти больше суток!

Надо принимать решение, за что-то зацепиться, ухватить кончик невидимой нити и не выпускать его до самого конца. Нужен план, обдуманый, а главное — выполнимый.

Прежде чем выйти из квартиры, он прислушался. Не дай бог, соседи что-то заметят или, того хуже, позвонят по 02. Сейчас лишний шум — это лишнее время. Выходя, он ощупал карман куртки — удостоверение на месте. И еще одно хорошо — он сегодня «на колесах». Редко Александр пользовался личной автомашиной. Семь лет после смерти отца стояла она на приколе: не привык как-то. Хотя странно — водитель он классный, бывал в передрягах, да еще в ка-ких!

...Поднимаясь в лифте, Нагорный вспомнил: «Отдел без дел» — так называли это подразделение его коллеги. Действительно, никаких уголовных дел в отделе, который возглавлял полковник Анатолий Ершов, в производстве не было. Да и сам отдел был невелик — Ершов и несколько молодых сотрудников — даже не отдел, а просто информационно-справочная служба.

Дверь в кабинет Ершова была приоткрыта. Нагорный вошел, осторожно прикрыл за собой дверь и подождал несколько секунд.

— Ну здравствуй, отпускник, — не поднимая головы, сказал Ершов. — С чем пожаловал?

— У тебя, Анатолий Сергеевич, тоже рабочий день вроде кончился.

— А он у меня, понимаешь, и не начинался, выходной я сегодня. Но вот видишь — не получилось. Ладно, давай выкладывай.

Саша опустил глаза и снова как-то осторожно, исподлобья, посмотрел на Ершова, словно соображая, как лучше все это объяснить. Потом, решившись, махнул рукой, полез в боковой карман и вытащил сложенный лист бумаги.

— Я тут совершенно случайно, зря улыбаешься, действительно случайно, зацепился за одну историю. Точнее говоря, пока сам не знаю, есть там история или нет. Но если есть, то это вполне достаточный повод для того, чтобы, находясь в отпуске, примчаться к полковнику Ершову, у которого выходной, и сказать ему:

«Сергеич, будь другом, попроси девочек кое-что для меня выяснить, и по возможности не через месяц...» — с этими словами Саша развернул листок и положил его на стол.

Ершов пробежал глазами написанное:

1. Нина Васильевна Шувалова, заместитель главного редактора журнала «Легкая промышленность», возраст около 35 лет, адрес: г. Москва, ул. Егерская, д. 5, к. 1, кв. 66;

2. Родственники, близкие знакомые Н. В. Ш.;

3. Дрозд Петр Павлович, печатается в журнале Шуваловой;

4. Маша — подруга Н. В. Ш. Работает в СЭВе на 18-м этаже.

Полковник поднял глаза, и Саша улыбнулся.

— Понимаю, Сергеич, все понимаю и тем не менее прошу. Информация мне нужна утром, хотя, может быть...

Ершов еще раз внимательно и на сей раз без всякой улыбки оглядел собеседника, кивнул и нажал клавишу переговорного устройства:

— Тамара, зайди на минутку.

Очутившись в автомобиле, Саша откинулся на спинку сиденья. «Первое сделано. Что дальше? До разгадки, конечно, далеко. Но то, что она, разгадка, связана с прибытием неведомого Ришара — тут сомнений нет. А Ришар...» — Саша взглянул на светящийся циферб-

лат.— Ришар, вероятнее всего, пока что мирно спит в своем Париже, или Тулузе, или Бордо, или черт знает, где еще. В лучшем случае летит к нам. Не худо было бы встретить его, да, не худо... Но встретить — это почти невероятно. Кто ж это мне сейчас посреди ночи расщедрится на такие роскошные сведения? А вот Машу-Марию вычислить необходимо и чем скорее, тем лучше. Кое-что любопытное она может сообщить наверняка. Кстати, и про того типа, как его назвала Нина, что был на дне рождения Дрозда, мы ничегошеньки не знаем. А вот Маша должна знать. Как же нам помочь Ершову найти ее? Александр на секунду прикрыл глаза и тут же открыл вновь. Как помочь? Да очень просто!»

«Победа» помчалась назад в Сокольники.

Открыв знакомую дверь, он фонариком осветил прихожую и прошел в комнату. Вот он, телефон, а рядом с ним то, о чем он забыл. Перелистав телефонную книжку, он остановился на букве «М». Маша на букву «М» не значилась. Тогда он стал изучать книжку с самого начала. Через двадцать минут у Саши был список из шести женских фамилий и одной, принадлежавшей неизвестно кому. Нагорный снял трубку.

— Анатолий Сергеевич, это опять я. Есть информация для размышления, думаю, поможет, — и он продиктовал весь список с номерами телефонов. — Сначала только имена: возможно, Маша там одна. Но место работы все равно проверьте, пожалуйста, на всякий случай. Сергееч, прости нахала, но сколько примерно на это уйдет? Хорошо, я заеду утром.

Часы (они висели на стене совсем рядом) пробили два. Время с часу до трех ночи Саша называл «мертвой полосой». Желаящим он объяснял — в городе тихо, как в могиле, никакого движения: кто хотел уехать, уже уехал, кто остался — остался до утра.

«Ну что ж, Александр Георгиевич, подумать вам есть над чем, до утра хватит. Впрочем, нет. Лучше отдохните. Закройте глазки и постарайтесь побыстрее сделать «бай-бай». Саша выполнил свой же приказ, и сразу перед глазами встала дача в Абрамцево, вечер с Ниной, платформа. Усталость брала свое, и он незаметно задремал. А когда открыл глаза, на улице уже почти рассвело.

До Управления Нагорный добрался за полчаса. Сотрудницы Ершова сдавали смену.

— Кое-что удалось выяснить, — не сразу ответил полковник. — Садись, слушай. Нина Васильевна Шувалова, девичья фамилия Афанасьева, родилась в Москве в тридцать восьмом году, заместитель главного редактора журнала «Легкая промышленность». Это издание Минлегпрома. Вдова летчика-испытателя майора Владимира Петровича Шувалова. Погиб при исполнении служебных обязанностей в шестьдесят девятом. Ее мать, Алла Борисовна Афанасьева, одиннадцатого года рождения, уроженка города Речица Белорусской ССР, во время оккупации была отправлена в Германию, с сорок шестого года проживает в Воркуте. Близких родственников нет. А про знакомых, извини, мы не боги.

Потом Саша записал все, что удалось узнать о Марии Федоровне Зерновой, 1942 года рождения, и Дрозде Петре Павловиче, 1915 года.

Теперь, когда он кое-что знал, предстояло решить, чем заняться вначале: поехать по адресам или попробовать отыскать Ришара, если тот, конечно, в Москве. Впрочем, если пока и не в Москве, то искать его все равно следовало. Или по крайней мере гостиницу, где

для него забронирован номер. А если очень повезет, то успеть в Шереметьево к трапу самолета. Размышлял недолго. Зернова и Дрозд никуда от него не уйдут, а вот с Ришаром стоило поторопиться. «Во-первых, разгадка исчезновения Нины едет в чемодане Ришара, а во-вторых, вряд ли есть основания полагать, что те, кто похитил Нину, окажутся более милосердными в отношении француза».

Выбор был сделан, и «Победа», стараясь, чтобы ее маршрут оказался наиболее оптимальным, поколесила от одной интуристовской гостиницы к другой. Повезло в четвертой по счету гостинице: новом «Интуристе», куда месье Жан Луи Ришар прибыл два часа назад и тут же, после выполнения формальностей, отправился на утреннюю прогулку. «Сказал, что скоро вернется», — заключил дежурный администратор.

В ожидании Ришара Нагорный набрал номер квартиры Зерновых, но никто не отозвался, это было понятно: хоть и осень, а все-таки воскресенье, да и погода стояла отменная. До разговора с Машей Дрозду звонить не хотелось. Нагорный вышел на улицу Горького, а когда через полчаса вернулся, ему сказали, что Ришар в своем номере.

Несколько минут Саша стоял перед его дверью. Он понимал, что у человека, с которым сейчас встретится, мало оснований ему доверять: магический вид удостоверения подполковника милиции вряд ли произведет на француза должное впечатление. Как раз именно удостоверение, если с него начать, может оказать обратное действие. В общем, нужно придумать что-нибудь убедительное, действовать нестандартно, чтобы внушить иностранцу одновременно доверие и желание помочь. К тому же может просто не хватить словарного запаса. Французский Саша знал неплохо. Спасибо маме — позаботилась. Но не хватает разговорной практики. Нагорный постучал в дверь.

Номер открылся. На пороге стоял человек в халате поверх белой рубашки и с полотенцем на шее. Увидев незнакомого, иностранец удивился.

— Месье Ришар?

— Да.

— Месье Ришар, моя фамилия Нагорный, не могли бы вы уделить мне несколько минут? Дело касается одной нашей общей знакомой, которая живет здесь, в Москве.

— Так вы от мадам Нины? — оживился француз. — Прошу, входите, простите за мой вид. Сейчас я переоденусь. Меня в аэропорту встречал один ее знакомый или родственник, я точно не понял. Жаль, что Нина должна была уехать. Но, как я вижу, обо мне она не забыла, — улыбнулся Ришар. — Тот человек сказал, что Нина вернется послезавтра или даже завтра вечером. Так что мы с ней встретимся.

— Месье, я очень рад, что вы сразу все поняли. Простите, я неважно говорю по-французски, но мне надо объяснить серьезную вещь. Я прошу вас слушать очень внимательно.

— Месье?

— Да-да, очень внимательно. Пожалуйста, не перебивайте меня, пока я не закончу. Обдумайте все, а потом мы решим, как действовать. Вы понимаете меня?

Ришар имел такой вид, что этот вопрос был явно не лишним.

— То, что я скажу, может показаться странным. И тем не менее вы должны мне верить. От этого зависит судьба Нины, а может

быть, и ваша безопасность. Я буду говорить прямо, я надеюсь на вас, на человека, который сражался против фашистов вместе с нашими солдатами, вместе с Василием Афанасьевым. Мы с Ниной знакомы давно, но она раньше не рассказывала мне про своего отца. Об этом я узнал несколько дней назад. Тогда же она рассказала, что вы приезжаете в Советский Союз и везете с собой старые документы: записки ее отца, Василия Афанасьева, а может быть, и еще что-нибудь, кроме записей, например рисунки, он ведь был художником. Это случилось в пятницу. Сегодня воскресенье. Нина Васильевна исчезла. Если вы, месье Ришар, читаете по-русски, вот мои документы, я работаю в полиции... Комиссар Мегрэ,— добавил он и улыбнулся.

Ришар пристально осмотрел красную обложку, фотографию, сапога Александра, затем поднялся, достал из чемодана пачку «Голуаза», предложил Нагорному и закурил сам. Снова сел к столу, задумался, глядя на покрывающийся сизым пеплом кончик сигареты, потом испытующе взглянул на гостя, стряхнул пепел и решительно спросил:

— Месье?

— Нагорный, Александр Нагорный.

— Месье Александр, что мы должны делать?

— Прежде всего я хотел бы взглянуть на ваши бумаги, точнее говоря, бумаги Василия Афанасьева.

— Месье Александр, вы все время говорите о каких-то документах, бумагах, рисунках. Возможно, мадам Нина не так меня поняла или сильно преувеличила. Перед побегом из концлагеря каждый из нас, то есть я и Базиль, написали прощальные, если подходит это слово, письма. Женам. На случай, если кого-нибудь из нас убьют. Вот это-то письмо я и сохранил. Я искал Базиля очень долго.

— Василий Николаевич Афанасьев после войны жил далеко от Москвы, в городе Воркуте. Там и умер в шестьдесят четвертом.

— Но похоронен здесь,— сказал Ришар.

— Здесь? — удивился Нагорный.

— Да, здесь, в Москве, на Ваз... Вус... Не могу произнести это слово. Мишель говорил, но я не запомнил.

— Какой Мишель?

— Родственник Нины, который встретил меня и привез в гостиницу. Мы договорились в одиннадцать утра ехать на это кладбище, к могиле Базиля.

— Как выглядел этот Мишель?

— О, это пожилой господин, седые усы, серое пальто, очки.

— Он был на машине?

— Нет, мы приехали в гостиницу на такси.

— А что еще говорил вам Мишель?

— Он очень плохо говорил по-французски. По-моему, он выучил специально для меня несколько фраз.

— Вы бы узнали его на фотографии?

— Да, безусловно.

— Спасибо, месье Жан. И все-таки я бы хотел посмотреть на письмо.

— О, разумеется.

Ришар порылся в вещах и достал черную папку с золотистой эмблемой какой-то фирмы. Открыв ее, он вынул и осторожно передал Александру два пожелтевших тетрадных листка.

Саша отвел глаза от письма и взял еще сигарету. Оба молчали.

— А что потом?

— Потом нам повезло. Там был один русский, Фролов. Он служил у них, но мы боялись его больше, чем немцев. Он мог выбрать жертву в любой момент: вывести из строя или из колонны. Мог вечером зайти в барак. Чаше он заходил к женщинам. Но в последнее время изменил свои привычки и появлялся у нас перед вечерней перекличкой. От него никто не возвращался, а наутро нам объявляли, что очередной военнопленный скончался от дизентерии. Когда стало ясно, что нашу группу раскроют, то мы решили бежать. Но понимали — за наш побег поплатятся жизнью несколько десятков людей — фашисты расстреливали в таких случаях каждого десятого. Надо было что-то придумать. Еще задолго до этого наши товарищи вынесли приговор Фролову. Теперь мы решили, как говорят у вас в России, убить сразу двух зайцев. Так сказал Базиль. Фролов по-разному расправлялся со своими жертвами, бывало, что он играл с ними, как кошка с мышкой, за пределами лагеря. С приближением фронта немцы будто забыли свою хваленую аккуратность, а Фролов нагнел день ото дня. Этим мы и решили воспользоваться: разоружить Фролова и под угрозой смерти заставить провести через охрану.

Мы продумали все детали, соорудили подобия ножей, достаточно твердых и острых, чтобы ими воспользоваться при необходимости. Перед вечерней перекличкой я и Базиль спрятались под нарами около дверей. Волнение было на пределе — придет Фролов или нет? Он пришел. Как всегда, один. Все остальное произошло мгновенно. Когда мы вывернули ему руки и вынули из кобуры пистолет, Фролов так опешил, что даже не вскрикнул. Потом он, видимо, сообразил, что кричать нельзя. Пистолет оказался у меня, и я бы выстрелил — терять было нечего. Фролов это понял. Вдвоем с Базилем мы могли с ним не справиться. Голод и изнурительный труд сделали свое дело. Но помогли товарищи. Базиль несколько раз ударил его и минуту говорил с ним по-русски. Как и все подобные, Фролов оказался трусом и готов был на все, чтобы сохранить свою шкуру.

Как-то ночью в лесу он решил от нас бежать. Но мы предупредили его намерения. Однако силы были на исходе, и в решающую минуту Базиль просто ударил его ножом в бок. Фролов упал, и я, стащив с него немецкую форму, переоделся. При случае это могло сработать. Немецкий я знаю неплохо. Потом мы выбрались к своим. Впрочем, все остальное вам известно.

Александр внимательно слушал рассказ француза, и когда тот закончил, он продолжал сидеть еще некоторое время молча, обдумывая пришедшую ему на ум мысль. Чтобы вовремя версию отбросить, необходимо вовремя ее проверить, любил повторять комиссар. Александр посмотрел на француза, тоже молчавшего, очевидно, находившегося где-то далеко, в плену своих не очень-то веселых воспоминаний.

— Прощу прощения, месье Жан, — нарушил молчание Александр. — Вы так и не знаете, убили вы тогда Фролова или нет?

— Наверное, да, — сказал Ришар. — Перед тем, как стащить с него форму, пнул его ногой, но он не пошевелился. Конечно, можно было добить его из пистолета, но, знаете, патронов у нас было всего две обоймы, и как-то не хотелось тратить их. А что? — вдруг заволновался он.

— Да нет, ничего.— Александр помолчал.— Но возможно, что у нас не было бы повода к сегодняшнему разговору, не пожалей вы тогда один патрон.

Очень внимательно выслушав ответ, Ришар поднялся.

— Инспектор,— произнес он, и голос его дрогнул,— мы с Базилем прошагали вместе тысячи миль, вместе погибали и вместе спасались. Базиля уже нет,— он помолчал секунду,— но если его дочь попала в беду из-за меня... Что я должен сделать, инспектор?

Александр поднялся и приобнял француза за плечи.

— Спасибо, месье Жан, спасибо! Скажите, вы смогли бы теперь узнать Фролова? Вы помните, как он выглядел?

— Разумеется, помню, и не забуду до самой смерти. Но трудно сказать, смогу ли я узнать его сегодня. Ведь если он жил все эти годы, то наверняка постарался изменить свою внешность.

— Хорошо. Все правильно, месье,— Александр усадил француза в кресло и сел сам.— На время оставим это. Послушайте, как, на мой взгляд, должны разворачиваться события, и постарайтесь все запомнить.

Француз кивнул и приготовился слушать.

— Во-первых, еще раз повторяю, Василий Николаевич Афанасьев похоронен в городе Воркуте, а не на Востряковском кладбище. Вас везут туда в понедельник утром, когда на кладбище, кроме персонала, никого нет. Ясно? Я полагаю, что эти люди каким-то образом хотят добраться до документов, никто не знает, что у вас только это письмо. Дело, видимо, обстоит настолько серьезно, что они пойдут на все. Тот старик, а я полагаю, он вовсе не старик, Мишель, который вас встретил, никакого отношения к Нине не имеет, и я много бы дал, чтобы узнать, кто он. Попробуем облегчить им задачу. Скорее всего вы поедете на кладбище на такси, вряд ли они рискнут воспользоваться личной машиной. Документы захватите с собой. Но не это письмо, а то, что я привезу вам завтра утром. В десять я буду здесь. Теперь вернемся к кладбищу. Там наверняка под любым предлогом вас попросят оставить документы в машине или что-нибудь в этом роде. Естественно, соглашайтесь. Предположим, они подготовились к вашему походу на кладбище и организовали могилу Василия Афанасьевича. Тогда просто. У могилы вы просите оставить вас одного — естественное чувство — и подождать в машине. В этом случае, я думаю, вы не найдете на месте ни такси с документами, ни Мишеля. Есть и другой вариант. По дороге к могиле можно, например, вспомнить, что вы забыли купить цветы. И ничего не бойтесь, за вами все время будут наблюдать и в крайнем случае вмешаются. Итак, я очень надеюсь на вас, месье.

Вместо ответа Ришар молча протянул Нагорному руку.

Уходя, Саша сказал:

— Значит, в десять часов документы я вам привезу.

— Еще один вопрос. Меня волнует мадам Нина.

— Меня тоже. Вот мы с вами и сделаем все, чтобы с ней ничего плохого не случилось.

Распрощавшись с французом, Александр позвонил из вестибюля гостиницы Зерновой. После шести вечера она ежедневно перемещалась с восемнадцатого этажа СЭВа на свой восьмой на улице Бутлерова, в двухкомнатную квартирку, где жила с мужем и дочерью.

Открыла дверь она сама.

— Мария Федоровна? Моя фамилия Нагорный, я звонил вам,— представился Саша и раскрыл удостоверение.— Речь идет о вашей близкой подруге Нине Васильевне Шуваловой.

На кухне у Маши было уютно. Они сели на мягкие табуретки.

Саша несколько секунд приглядывался к молодой голубоглазой женщине.

— Мария Федоровна, Маша, дело в том, что Нина исчезла. Вчера или позавчера. Рассказывать все сейчас не буду, но вы мне поверьте, что любая информация о том, что Нина делала всю последнюю неделю, очень важна. Постарайтесь как можно подробнее. Особенно про тот банкет, у Дрозда. Вы ведь знаете Петра Павловича? И не удивляйтесь, что Нину Васильевну я называю просто Нина. Мы с ней знакомы давно, а в пятницу она была у меня на даче, в Абрамцево.

— А, так вот куда она ездила,— улыбнулась Зернова.— Петра Павловича я, конечно, знаю, а вот вас, простите, нет.

— Хорошие люди всегда остаются в тени,— поддержал Саша поллушутливый и очень нужный ему тон разговора.— Да, пожалуй, кроме этого дня рождения, ничего существенного за неделю не произошло. Обычный телефонный треп.

— Кто был на дне рождения Петра Павловича?

— Практически никого, мы с Ниной, Дрозд с супругой и Миша.

— Миша?

— Да, по-моему, Дрозд пригласил его специально для Нины. Это какой-то его знакомый. Он увивается вокруг Нины уже два года, но... Простите,— вдруг спохватилась она.

— Все нормально. Продолжайте, пожалуйста.

— Да, собственно, все. Хотя еще Нина фотографию показывала какого-то француза: знакомого ее отца по концлагерю. Вы в курсе?

— В курсе.

— Все поахали, конечно.

— А Дрозд?

— Что, Дрозд? И Дрозд тоже. А что, вы его подозреваете?

Саша помолчал.

— Странно... Безобидный старикан... Завотделом НИИ, доктор наук, профессор... Странно...

— Скажите, а кто этот Миша?

— Честно говоря, мне он совсем не нравится. Нине тоже. Так, с виду весьма симпатичный мужчина лет сорока. Лицо актера на ролях первых любовников. Кажется, он и заканчивал Театральный. Но карьера у него не получилась. Что-то такое он рассказывал. Где работает, не знаю. Даже не представляю, что у них с Петром Павловичем общего. Старик — умница, а этот — прощелыга, по-моему.

— Когда вы в последний раз разговаривали с Ниной?

— В пятницу вечером по телефону. Но я ничего особенного не заметила.

— Спасибо, Маша. Это, пожалуй, все. Если потребуется, я еще вас побеспокою. Но о нашем разговоре пока никому ни слова. Я очень прошу. Хотя бы до вторника. Если вспомните что-нибудь, вот мои телефоны.

К вечеру он подъехал к научно-исследовательскому институту, где работал Дрозд. Хотя был день воскресный, усатый охранник долго изучал его удостоверение. Однако открыл комнату, где хранилась картотека отдела кадров, отказался, сославшись на инструкцию. Злиться на него не было сил. Пришлось звонить заместителю ди-

ректора по кадрам и просить его приехать на работу. Нечего и говорить, что приехавший, зам был настроен далеко не миролюбиво. Пообещав обязательно пожаловаться Сашину начальству, он тем не менее открыл кабинет и вытащил нужную папку.

— Вы что, до завтра подождать не могли? — продолжал он. — К тому же уважаемым человеком интересуетесь. Совсем зарвались.

Видя, что Нагорный молча склонился над раскрытой папкой и, по-видимому, не настроен поддерживать такого рода беседу, зам демонстративно хлопнул дверью, оставив его в одиночестве. На изучение личного дела Дрозда Петра Павловича Саше понадобилось минут двадцать. Он и не сомневался, что с документами у того полный ажур. Все справки и бумаги были на своих местах. Цель у Нагорного была иной — внимательно взглядеться в того, с кем у него предстоит нешуточный разговор. Но ему повезло гораздо больше, чем можно было ожидать: одна из фотографий Дрозда, вероятно, оказавшаяся лишней, была прикреплена к бумагам всего лишь одной скрепкой.

Дома ему показалось, что он уехал из квартиры месяца два назад. Саша сварил себе очень крепкий кофе. Глядя на фотографию из личного дела, набросал карандашом портрет (но, значительно меньше) на оберточной бумаге. Потом пририсовал немецкие погоны и форменную фуражку. Положив рисунок в миску с водой, он спустился за газетами. Поднялся, сварил еще кофе. Затем прогладил несколько раз горячим утюгом рисунок и снова положил его в воду.

В пять утра принял душ и побрился. Рисунок в воде дошел до кондиции. Оставалось положить его на полчаса на батарею.

В десять пятнадцать утра Александр вышел из номера Ришара, спустился в вестибюль и сел в кресло так, чтобы был виден холл от дверей лифтов до выхода на улицу. Он вытянул ноги и с самым сосредоточенным видом принялся разминать сигарету. Наконец сунул ее в рот, но закуривать не спешил. Он видел, как его тезка Саша Бицоев, черноусый красавец осетин, один из лучших оперативников города, облокотясь на стойку, рассказывал что-то смешное сидевшим девушкам. Бицоев участвовал в нескольких сложных операциях, и всякий раз Александра поражало в нем счастливое сочетание южного темперамента и хладнокровия. Так что за француза можно не волноваться.

Эх, если бы еще не волноваться за Нину! Ему не верилось, что ее нет в живых. Вторые сутки он упорно набирал ее номер, но на том конце провода по-прежнему была тишина. Еще и еще раз мысленно возвращаясь к событиям недельной давности, он с горечью признавался себе, что не будь он тогда погруженным только в свои собственные переживания, все могло бы быть иначе. Где же была твоя хваленая интуиция, суперсыщик? Отчего молчала она, когда Нина рассказывала тебе об отце и его французском друге? Почему изменило тебе твое умение выстраивать логически безупречную цепь из известных фактов? Говоришь, не было фактов? Были одни намеки? Но ты и не старался превратить их в факты. Женщина обратилась к тебе за помощью, а что услышала в ответ? Мне сейчас некогда, давай поговорим в следующий раз. Поговорили. И что? Снова никаких выводов. Да ты никак ослеп, Нагорный? Остается уповать на то, что они ее не убили. Вот до чего ты докатился: надеешься на милость преступников! Если Нина жива, то ее судьба в твоих руках, и твой выход на сцену впереди, так что сейчас самое важное — правильно рассчитать силы.

Раскрылись двери лифта, и в холл вошел Ришар с темно-коричневым кейсом в руках. «Молодцом держится», — успел отметить Александр. Вскоре он увидел остановившегося перед французом человека. Одет он был в просторную замшевую куртку, на голове модная, под цвет куртки, шляпа, которую он на миг приподнял в знак приветствия. Мелькнули седые, аккуратно подстриженные виски, тонкий, в нитку пробор. Портрет дополняли борода и усы. Александр мог поклясться чем угодно, что этого человека он никогда раньше не видел, но оставалась еще походка, которую почти невозможно изменить. Пока двое стояли друг перед другом и, улыбаясь, говорили какие-то слова, Александр нашел в кармане пиджака зажигалку и закурил. Сейчас он мог встать и уйти — это был сигнал, которым он передавал Ришара на попечение своим помощникам, но ему хотелось увидеть походку этого стареющего театрального мошенника. И только ли мошенника? К тому же этот тип мог явиться сюда не в одиночку, и такую возможность тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Ришар и его странный спутник направились к выходу. Ленивой походкой пошел к дверям и Саша Бицоев. Посидев еще с полминуты, Саша поднялся и медленно оглядел вестибюль, как бы ища, куда выкинуть недокуренную сигарету. Не торопясь, он вышел на улицу. Ришар, по-видимому, уже сидел в такси, а его спутник открывал заднюю дверцу. Метрах в двадцати левее стояла «Волга», в которой все той же ленивой походкой подошел Бицоев и сел рядом с шофером. Сзади сидел еще кто-то, но лица Александр не видел. Обе машины отъехали почти одновременно, одна за другой, и повернули на проспект Маркса. Ничего подозрительного вокруг Александр так и не заметил, но ведь «режиссер» мог прятать своих «актеров» на кладбище. Следовало предусмотреть и этот вариант. Что ж, я крепко надеюсь на вас, ребята, и желаю вам удачи, мысленно обратился он к своим товарищам в серой «Волге». А сейчас твой выход, Нагорный! И он зашагал к телефону-автомату.

...Операцию Нагорный продумал от начала до конца ночью. Комиссара он разбудил в шесть утра, зная, что тому хватит трех часов для того, чтобы, разобравшись во всем, принять единственно правильное решение. А то, что это будет его, Александра, решение, он не сомневался. Комиссар как будто и не удивился его звонку. Выслушав извинения, он только коротко бросил: «Знаю, по пустякам будить не станешь. Приезжай. Жду».

Встречал он уже побритым и наодеколоненным, хотя одет был по-домашнему. Молча пожал руку, провел в кабинет. Комиссар выслушал всю историю, не перебивая, а это был всем известный в Управлении признак самого неподдельного интереса. Когда Александр умолк, комиссар поднялся и не спеша подошел к окну.

— Что ж, — сказал он, — если Шувалова еще жива, твой план дает нам самый реальный шанс побороться за ее безопасность. Но что, если эти двое договорились встретиться где-то вне дома? Что тогда?

— А вот этого допустить нельзя. И если первый выйдет из дома, второго необходимо под любым предлогом, разумеется, не вызывая подозрений, задержать на столько, чтобы первый снова вернулся домой.

— Логично, — комиссар снова помолчал. — Кстати, ты допускаешь, что первый, если он, конечно, тот, за которого мы его принимаем, может быть вооружен?

— Допускаю.

Комиссар вздохнул.

— Ты, конечно, продумал и детали. Выкладывай.

Когда Саша смолк, комиссар посмотрел на часы.

— Пока я введу в курс дела товарищей из Комитета, приказываю тебе ехать домой и за оставшиеся два часа, насколько это возможно, отдохнуть и привести себя в порядок. В девять тридцать жди моего звонка.

Трубку подняли сразу.

— Я вас слушаю,— произнес мужской голос на том конце провода. Александр выждал паузу, достаточную для того, чтобы собеседник потерял терпение, и, не дожидаясь повторного вопроса, ответил хриплым голосом:

— Это хорошо, что слушаешь. Ты сегодня будешь слушать меня долго. А потом я тебя слушаю, договорились?

— Следующий раз, когда напьешься, сразу спать топай. Говорят, помогает.

— А я, Петр Павлович, без твоих советов проживу, понял? Подумай-ка лучше о себе. А то, знаешь, не ровен час...

Александр почувствовал, что попал в цель. На том конце послышалось сопение.

— А ты откуда меня знаешь?

— Я знаю чертову уйму разных вещей, так что тебе лучше со мной дружить: могу, знаешь ли, пригодиться.

— А какой от тебя прок?

— Тебе — прямой.

— Знаешь, что, катись ты...

Александр рассмеялся:

— Я покачусь на метро до одного здания. Такое красивое, в самом центре, рядом с «Детским миром», уразумел? И бумажки кое-какие прихвачу с собой, те, что из Парижа прибыли. Ну как, подходит?

Воцарившееся молчание прерывалось только шорохом и потрескиванием микрофона.

— А почему я должен тебе верить? — услышал наконец Александр.

— А что тебе еще остается?

— Послушай, мы не в Одессе. Я спрашиваю тебя, где гарантии, что ты сам не оттуда.

— А ты пораскинь мозгами, стал бы я с тобой по телефону разговаривать, будь я оттуда?

— Ладно,— в трубке помолчали,— что тебе надо?

Александр уже точно знал, что не ошибся в своих расчетах. До сих пор вся его версия строилась на одних догадках. Сейчас все догадки приобрели вполне реальные очертания. Но предстояло сыграть до конца. И успех во многом зависел от того, насколько он удачно сыграет.

— Что мне надо? — переспросил он.— Это я тебе при встрече сообщу. Будешь сейчас дома, и я к тебе приеду. Может, и договоримся. Уразумел, наконец? И учти, для тебя же лучше, если встретишь меня без шуток. Понял, нет?

«Победа» стояла за углом, а до переулочка, где жил Дрозд, было минут семь езды. Если предположить, что в момент телефонного звонка у него в квартире никого из подручных не было, то Александр должен успеть к нему быстрее, чем любой из его телохрани-

телей, которых он вызовет. А то, что телохранители есть и будут вызваны, сомнений не было. Хуже другое, этих мальчишек нельзя задерживать, ибо в противном случае Дрозд, заподозрив неладное, может замкнуться, замолчать, и неизвестно, чем это грозит Нине. Впрочем, если ей вообще еще что-либо грозит. Но такие мысли Нагорный гнал от себя прочь.

Подъехав к девятиэтажному кирпичному дому, он не спеша вышел из машины, захлопнул дверь и так же неторопливо обошел автомобиль сзади, попробовав, хорошо ли закрыт багажник. Это был сигнал, что все пока идет по плану. Но он знал, что за ним наблюдают не только его друзья и помощники. Из-за плотно задвинутых занавесок на втором этаже его изучали глаза противника, и только ли одного? Поэтому та неспешность, с которой он шел от автомобиля к подъезду, как бы подчеркивала его уверенность, заранее отводила ему роль лидера в предстоящей схватке.

«Если Дрозд человек умный, а у меня нет оснований думать иначе,— прикидывал Александр,— он налюбуется на меня сейчас и не станет разглядывать в дверной глазок».

Дрозд выглядел ровно столько, сколько требуется человеку его лет, чтобы дойти до входной двери из глубины квартиры. Он тоже не спешил или по крайней мере делал вид, что не спешит. Замок щелкнул, на пороге стоял подтянутый, сухопарый мужчина преклонных лет, но отнюдь не старик. Он молча оглядел Александра и сделал рукой жест, означавший приглашение последовать за ним. Из холла они прошли во вторую по счету дверь и очутились, как понял Александр, в кабинете хозяина. Впрочем, кабинет походил скорее на музей или картинную галерею. Полотна Коро и Модильяни бросились в глаза Нагорному. Несколько ваз были весьма элегантной подделкой под греческие амфоры. Книги, до потолка наполнявшие стеллажи, тускло поблескивали позолоченными корешками. Общую картину дополняла старинной работы мебель: комод, письменный стол, несколько кресел. В углу, у окна, стоял кабинетный рояль. Стена, выходящая на улицу, и та, в которой располагалась дверь,— были задрапированы темной материей. Над восьмиугольным гостинным столиком горела лампа — канделябр с трех свечах, и это был единственный свет, которым освещалась комната.

«Если они решили убить меня,— подумал Александр,— лучшего места для этого не придумаешь». Впрочем, в квартире тихо. Интересно, а на месте ли его супруга, или он ее куда-нибудь отослал? Неизвестно, впрочем, что лучше. Точнее — что хуже. Ладно, дело не в ней. Поживем — увидим. Не дожидаясь приглашения хозяина, Александр плюхнулся в ближайшее кресло, оно стояло так, что нападение сзади исключалось. Вытянув ноги и закулив, с нескрываемым интересом уставился на Дрозда.

— Ну,— медленно произнес Дрозд, столь же внимательно разглядывавший Нагорного,— чем порадуешь старика?

Говорил он миролюбивым тоном, но Александр видел, как застыли и сделались стеклянными его глаза. «Помолчим,— решил Александр,— интересно, как скоро он сорвется». Он выдержал паузу, довольно продолжительную, и, стряхнув пепел куда-то в сторону стоявшей на столике хрустальной пепельницы, вдруг сказал:

— Вот тот пейзажик Коро — просто прелесть! Завернешь мне его. А Модильяни я никогда не любил, нет, скорее не понимал. Не возьму, нет, не уговаривай, старик, сказал, не возьму!

Александр видел, как хозяин всей этой роскоши начал постепенно краснеть. «Так-так,— мысленно подзадоривал его Александр,— валяй надувайся — скорее лопнешь. Даже если я трижды осел и ты никакой не Фролов, все равно это не досталось тебе в наследство от канадского дядюшки-миллионера. Будет ребятам из БХСС работа!»

— Ну ты, шенок,— наконец выдал из себя Дрозд.— Я тебя не приглашал. Если дело есть, говори, с чем пришел. Нет,— извинись и топай, пока еще сам в состоянии.

Александр весело рассмеялся.

— Уговорил, дед! Завернешь еще вон тех танцовщиц. Мне они, правда, без надобности, я говорю тебе, Модильяни не в моем вкусе. Но я их толкну. Не одному же тебе красиво жить!

И Александр, не мигая, уставился прямо в переносицу Дрозда. Он видел, что тот медленно двинулся к его креслу. Руки у него тряслись. Одну он медленно опускал в карман своей бархатной куртки. Куртка свободная, балахоном, и увидеть, что лежит в кармане, было невозможно. «Черт,— усмехнулся про себя Александр,— неужели у этого динозавра оружие? Впрочем, почему бы и нет? Ну, вообще-то, это он напрасно. А с другой стороны — что ему остается? Ладно, сейчас проверим. Только надо бы с ним поосторожнее. А то ведь пальнет сгоряча...»

— Но, правду сказать, если ты шкуру свою ценишь по-настоящему, то к этим двум картинам еще кое-что мне расскажешь.

Как подброшенный пружиной, Александр вылетел из кресла навстречу рванувшемуся к нему Дрозду. Поставив блок левой рукой, он ударил правой в солнечное сплетение, а когда тот согнулся, двумя руками по хребту. Дрозд рухнул на пол. В правом кармане его куртки Александр нащупал холодную сталь. «ТТ» в отличном состоянии, это было видно сразу: смазан, почищен, в обойме три патрона, запаха гари из ствола не чувствовалось. И в эту секунду Александр услышал, нет, скорее ощутил, как открывается дверь. Он оглянулся — на пороге стоял рыжий детина. «Этот точно убьет, только подставься! — успел подумать Нагорный и, как бы в подтверждение своих мыслей, увидел, что детина медленно двинулся в его сторону, поигрывая лежавшим в левой руке длинным, обоюдоострым ножом типа кавказского кинжала.— Славная команда, на любой вкус: левша, правша, кинжал, пистолет, не удивлюсь, если следующий придет с фугасом».

Сделав шаг влево, Нагорный слегка поднял пистолет и жестким тоном велел:

— Брось оружие! Шаг к стене!

При виде пистолета парень заколебался. В нем явно боролись два чувства: обязанность защищать шефа и инстинкт самосохранения. Когда последнее победило, он нехотя разжал пальцы и шагнул к стене.

— Не к этой! — скомандовал Нагорный.— К двери! Живей! Руки на стену! — дождавшись, когда команды его будут исполнены, Нагорный скомандовал последний раз:

— Два шага назад! Руки от стены не отрывать!

Детина замер в положении гипотенузы прямоугольного треугольника. Саша нагнулся и поднял кинжал. Плексигласовая ручка была четырех цветов, а лезвие на конце чуть изгибалось наподобие язычка змеи.

— С любовью сделано, знавал я одного мастера, в Иркутске,

старик уже был... При этих словах «гипотенуза» зашевелилась, переступила с ноги на ногу. — Что, малыш? — спросил его Александр, — знакомого твоего вспомнил? Ладно, ладно, молчу. А ты стой-стой куда. Здоровья у тебя много. Не переломись. Петр Палыч! — Саша присел на корточки возле лежащего Дрозда, — не спи, замержнешь. Хорошо косить. Давай по делу.

Саша был уверен, что с Дроздом и вправду ничего не должно было случиться, ибо он бил его не сильно, скорее так, чтобы продемонстрировать, за кем инициатива. Он приподнял Дрозду одно веко. Тот застонал и дернул головой.

— Будь ты проклят, гнида! Что тебе надо?

— Оставляя без внимания твое хамство, — понимаю, возраст, нервы, бурная молодость и все прочее — в последний раз тебя спрашиваю: интересуешься бумажками из Парижа? Если да — слушай мои условия. Если нет — я пошел. Кстати, там за дверью второй такой «чемпион» не прячется? — Нагорный кивнул в сторону застывшей «гипотенузы».

— Да, тебе хорошо с пушкой, — загнусавил «чемпион».

— Помолчи, идиот, — приказал ему Дрозд, и парень затих.

— Пушка, между прочим, не моя. Я у твоего хозяина одолжил. На время. Но это к делу не относится. Мне спокойнее, когда она здесь, — Александр подкинул «ТТ» на ладони, — да и Петр Павлович меньше нервничает.

— Какие твои условия? — Дрозд к этому времени овладел собой уже настолько, что, подойдя к массивному письменному столу, закурил от красивой зажигалки, исполненной в виде вулкана.

— Слышу речн я не мальчика, но мужа, — Александр засвистел что-то веселое и вдруг в упор, не мигая уставился на Дрозда. Тот попытался выдержать взгляд, но, спустя несколько мгновений, отвернулся.

Нагорный поднес указательный палец к его носу:

— Твой единственный шанс, если Нинка жива. Понял?

Дрозд вздрогнул и медленно повернул голову:

— Так вот ты о чем!

Нагорный с досадой потрянул головой.

— Вижу, ничего не понял. Не о чем, а о ком. Поясню, — он говорил медленно, — если ты убил Нинку, я не понесу все эти бумажки, — Александр постучал по кейсу, — на Лубянку. Ты останешься здесь, с дыркой в башке, и дружок твой тоже. А вот если меня накроют, я тогда им отдам все. Слышишь, все! Ну, отсижу, конечно. Но за тебя мне много не дадут. Впрочем, тебе это будет безразлично. Теперь понял?

— Понял. Но я должен взглянуть на это вначале. — Дрозд осторожно кивнул головой в сторону кейса. — Откуда мне знать, что там у тебя?

— Справедливо. Но взглянешь ты не раньше, чем скажешь адрес.

Дрозд заколебался, но, по-видимому, сообразив, что выбора нет, хрипло произнес: «Ладно, пиши».

— Писать я не буду. Ты его сейчас сам по телефону продиктуешь.

— Это еще зачем?

— А затем, что так вернее. В случае чего не скажешь, что пошутил или дикция у меня подкачала и мы не в тот дом дома-нулись.

Александр ясно видел, что Дрозд колеблется, и догадывался о причине этих колебаний.

— Не тяни резину. То, что принесет твой артист, можешь смело выкинуть в сортир. Все здесь,— и он похлопал по кейсу.

Телефон стоял рядом на столике. Александр начал вертеть диск, не скрывая номера от жадного взора Дрозда. «Смотри, смотри,— усмехнулся он про себя,— это тебе уже не пригодится». К тому же номер телефона принадлежал самой обыкновенной московской квартире. Это тоже было предусмотрено планом операции.

Услышав знакомый голос, Александр сказал:

— Игорек, у меня для тебя приятная новость.

В трубке прозвучал условный ответ.

— Веришь ли, наш общий друг просто-таки изнемогает — до того хочет мне рассказать кое-что. А я подумал, пусть лучше тебе расскажет. Так сподручнее, а? Ну, передаю трубку, Игорек. Буду ждать новостей.

Дрозд взял трубку и начал монотонно диктовать. Теперь, когда Нагорный поверил, что Нина жива, он с тоской подумал, что вот сейчас этот фашист назовет какой-нибудь дальний уголок Смоленской или Калужской области, и ему придется сидеть здесь еще как минимум часа три, и это еще при условии, что все закончится нормально. А если эта сволочь сбредет?

«61-й километр Владимирки»,— прогнусавил Дрозд, и Александр обрадовался. Ну, это для наших минут пятьдесят. Поворот направо... так, три километра бетонки, еще направо... Дачный поселок... вторая улица, четвертый дом. Так, значит, еще минут десять. А сколько в доме этих гавриков? Ага, Игорь уже спросил. Дрозд говорит: «Двое». А оружие? Две пушки. Черт! Совсем скверно. Не привыкать, конечно. Там же Нина. Ребята что-нибудь придумают.

Когда Дрозд закончил диктовать, Александр забрал у него трубку.

— В угол! — приказал он.— Игорек, ну ты понял, какой хмырь! Да ты не бойся, если лепит горбатого, тут и останется. Да, есть еще один «чемпион», ну да он не в счет. Ладно. Жду новостей.

Трубка легла на рычаг. «Чемпион» зашевелился и загнусавил: «Тяжело. Отпусти. Я больше не могу». Александр даже не поглядел в его сторону.

— Ну-с, Петр Павлович, или как тебя там на самом деле! Изволь убедиться, что я тоже держу слово. Нет-нет, ты стой, где стоял. Я покажу тебе,— Александр снова сел в кресло,— пару листов, а выводы делай сам.

Он открыл кейс и достал оттуда обыкновенную канцелярскую папку красного картона. Развязав тесемки, вынул два пожелтевших листка и поднял глаза на Дрозда. Тот дрожал, уставившись на папку. Лицо его покрылось бурными пятнами. Пальцы судорожно сжимались и разжимались.

«Эге,— подумал Александр,— да этот фашист сейчас запустит в меня чем-нибудь тяжелым». И в ту же секунду, когда Дрозд действительно схватил с рояля мраморную статуэтку китайского божка, Александр, не поднимая руки, выстрелил. Статуэтка с треском разлетелась. Телохранитель в углу чуть не упал и снова занял.

— Если будешь так неприлично себя вести,— спокойно произнес Александр,— не увидишь и этого. Сосчитай до десяти и подыши носом. Ну, успокоился? Подойди и сядь в кресло напротив.— Дрозд

тяжело опустился в кресло. На лбу у него выступила испарина, глаза потускнели.

— На, читай,— Александр протянул желтый листок.

Дрозд впился глазами в текст. Секунды тянулись как часы. Шелестели страницы. Сопел в углу телохранитель. Казалось, прошла вечность... «Черт! Сколько же прошло? — Нагорный поглядел на часы: пятнадцать минут.— Да, если не продержусь, обидно!» Наконец Дрозд оторвался от бумаги.

— Это не все, конечно?

— Ты догадлив, старик. Все будет тогда, когда мне просигналят.— Александр постучал костяшками пальцев по телефонному диску.

Воцарилась тишина. Каждый из сидящих пытался понять, какие же козыри у противника, но время было союзником Нагорного.

— Сдается мне, блефуешь ты, парень,— протянул Дрозд, и Александр понял, что не напрасно терял время, пытаясь нацарапать профиль в немецкой форме. Он от души расхохотался:

— Старик! Твоя недоверчивость не делает чести твоей проницательности. Ведь я же объяснил тебе, что не хожу в гости с пустыми руками. Ну, ладно! — он хлопнул себя по коленям.— Делаю скидку на твой почтенный возраст и покажу кое-что еще.

Открыв кейс, он вытащил рисунок и бросил его через стол Дрозду:

— Не узнаешь? Ну, конечно. Условия у художника были не самые подходящие. Да и позировать ты отказался, видать, рисовал он по памяти. Ладно-ладно, не кипятись,— примирительно добавил Александр, заметив, что Петр Павлович вновь стал наливаясь краской,— и пошутить с тобой нельзя.

— Ты шути, да знай меру! Молокосос еще! — Казалось, Дрозд не может оторваться от рисунка, разглядывая каждый мелкий штришок.

«Неужели похож,— подумал Нагорный.— А Ришар не признал. Верно говорят, на воре шапка горит».

Дрозд отложил рисунок.

— Да, товар у тебя богатый, и краля твоя жива, да вот одна загвоздка: ты же все знаешь, юноша. И пистолет не поможет.

— Ну, что же, значит нам так пофартило — сгнуться в твоей проклятой хате. Учти одно, сколько бы вас там ни было за дверью, мне безразлично.

— Вряд ли,— произнес Дрозд. Сказано это было спокойно, и Александр отметил про себя с сожалением, что инициатива уплывает, и, чтобы вернуть ее, необходимо было что-то предпринять. Он улыбнулся, еще дальше вытянул ноги и медленно закурил. «Время,— думал он,— время работает на меня».

И неожиданно зазвонил телефон. Дрозд не пошевелился. Александр как бы нехотя снял трубку. Голос Игоря был глуховат:

— Саша? Тебя ли слышу я?

Ответ Нагорного был также условным:

— Игорю Семеновичу — наше вам.

— Прижми трубку к уху,— скомандовал Игорь,— в твоём сидении нет больше смысла. Шувалова жива. Но она не там, а в Москве. Сведения достоверны. Минут через десять мы будем у тебя. Понял?

— Ну,— протянул Александр.

— Через три минуты к тебе в дверь позвонят. Одного пусти открывать. Он, конечно, спросит: кто? Из-за двери отзовется «артист». После того, как нас впустят, действуй по обстановке, но Дрозд должен остаться живым. Дай отбой, подтверди, как понял.

— Понятней не бывает, — сказал Александр, положив трубку.

Он видел, как напрягся в кресле Дрозд, повернул голову в их сторону парень у стены.

«Пару минут, выиграть еще пару минут, сколько же их еще там, в квартире? Сделаем так». Он выскочил из кресла с пистолетом в руке.

— Что ж ты наврал, паскуда? Ведь я же предупреждал тебя!

Дрозд от неожиданности подался назад. Воцарилось молчание. Александр услышал шаги в коридоре. Шаги были мягкими, крадущимися, замерли возле комнаты. И тут позвонили в дверь...

Он медленно ехал по залитой солнцем Москве. Нетерпеливые автомобилисты гудели и обгоняли его, но Саша не прибавлял скорости. Он затормозил у дома Нины, поднялся на четвертый этаж. Прежним способом открыл дверь и долго стоял в коридоре, засунув руки в карманы. Поглядел на себя в зеркало: сколько же он не отдыхал? Попытался прикинуть, но не смог. Прошел в ванную и подставил голову под воду, затем скинул куртку, туфли и, пройдя в большую комнату, лег на диван. Все-таки плечо болело сильно. Ну что ж, он больше минуты один продержался против трюков. Конечно, этот фашистский прихвостень раскусил его сразу и сразу понял, что милиционер стрелять в людей без крайней нужды не станет. Даже в таких нелюдей. Поэтому-то он и не велел открывать дверь на голос «артиста». Конечно, если бы ребята не сломали так быстро дверь, черт знает, что могло случиться. Впрочем, что теперь гадать, что бы он сделал, не получи вовремя помощи. Даром бы он свою жизнь не отдал — это факт. Главное, Дрозд жив и невредим. А за труп одного из бандитов, конечно, нагорит от комиссара. Что же это за операция, когда мертвые валяются! Тут правило железное и исключений быть не должно. Ладно, главное — Дрозд. Главное, главное! Что за чушь собачья! Главное — Нина. Если все в порядке, она уже мчится по Москве с огромной скоростью. Интересно, который уже час? Нет сил поднять руку. Черт! Все-таки сильно этот гад врезал мне, хорошо, хоть, в последний момент успел увернуться. И по голове с другого конца досталось. Царапина, конечно, ерундовая. От врача отмахнулся...

Когда он лежал с открытыми глазами, ему казалось, что еще немного и он заснет. Там, возле дома Дрозда, он хотел вызвать еще одну оперативную машину и немедленно мчаться на помощь ребятам, к Нине. Но комиссар, вызвав его по телефону, тоном, не терпящим возражений, приказал ехать отдыхать и двое суток не показываться на глаза. Александр слишком хорошо знал этот тон. Спорить не имело смысла.

Добраться бы до телефона. Так! Кто же сегодня дежурит? Ага, Ремизов! Виктор Иванович, это Нагорный. Привет тебе! Как там дела у Кикнадзе? Да-да, Дрозд и компания. Да хрен с ним, с этим пернатым! Я и сам знаю. Скажи, как у Кикнадзе. Ну, что ты мямлишь? Не слышу. Да я не кричу! Можешь ты мне ответить? Что? Да ты сбрендил? Не велел говорить мне? Шеф? Чей шеф, твой? Мой? Постой! Что за чушь! Я...

Александр резко обернулся на звук поворачиваемого в замочной скважине ключа. Дверь открылась. В комнату вошла Нина. Увидел

Нагорного, замерла, потом сделала несколько нетвердых шагов в его сторону.

«Одни глаза,— подумал Александр.— Остались одни глаза в пол-лица».

Только сейчас он услышал какие-то звуки в телефонной трубке. Он с удивлением поглядел на нее и поднял.

— Ну, что ты орешь, Виктор Иванович? Я же не глухой! Извини! Ты прав. Что говоришь? Не ты прав, а шеф? А шеф и подавно. На то он и шеф.

Он осторожно положил трубку на рычаг.

На совещание по разбору операции было вызвано пятнадцать сотрудников Главного Управления уголовного розыска МВД СССР и МУРа. Комиссара неожиданно попросил зайти заместитель министра, и в ожидании его возвращения собравшиеся обсуждали последние новости или просто перебирали бумаги.

Комиссар вошел как всегда стремительно.

— Прошу заходить. Ну-с, начнем. Кто желает, может травиться дымом. Перво-наперво позвольте представить следователя Комитета госбезопасности майора Семилетова. Он будет вести дело Дрозда. Курирующий нас прокурор разрешил выделить дело в отдельное производство. Капитана Кудряшова попрошу в течение двух дней закончить подготовку материалов на подручных Дрозда и передать прокурору города.

— Слушаюсь, товарищ комиссар! — капитан привстал и кивнул.

Разбор продолжался своим чередом. Нагорный слушал вполуха: он уже давно знал, что Ришара вызволили довольно просто. На глазах у «артиста» к нему подошел «сотрудник МИДа», и, продемонстрировав соответствующее удостоверение, довольно громко, так, чтобы слышал «артист», объяснил, что виза гражданина Франции оказалась не в порядке и необходимо уладить некоторые формальности. Ришара благополучно увезли, а «артист», радостно потирая руки, схватил портфель и потребовал, чтобы его везли назад. Однако радовался он недолго...

Комиссар скрупулезно разбирал операцию, подробно останавливался на отдельных эпизодах, анализировал допущенные промахи, коротко характеризовал личность каждого из задержанных, нацистского преступника Фролова-Дрозда, его подручного — «артиста» Козырева. Это он, Козырев, вербовал своему патрону уголовников-телохранителей, готовых за деньги на любое преступление.

Александр слушал не слишком внимательно. Не то, чтобы его совсем не интересовал разбор, но гораздо больше его интересовали тон и стиль, в которых комиссар анализировал операцию. Это было не совсем похоже на всегдашнюю манеру комиссара — казалось, он был то ли расстроен, то ли разозлен. Во всяком случае, при анализе промахов и нарушений в голосе комиссара прорывалось несвойственное ему раздражение. Александр, пытаясь понять, что произошло с комиссаром, пристально вглядывался в его усталое лицо, в озабоченные морщины на лбу.

— Все свободны,— услышал он.

Народ, переговариваясь, потянулся к выходу. Александр выбрался из-за стола, но комиссар остановил его:

— Нагорный, задержитесь!

Когда они остались вдвоем, комиссар жестом пригласил его сесть поближе к своему столу.

— Как Нина? Все в порядке?

Александр, по-прежнему внимательно вглядываясь в лицо комиссара, пожал плечами:

— Говорит, они ее пальцем не тронули, только взаперти держали.

— Дрозд божится, что именно такие указания он и отдавал своим костоломам. Говорит, когда убрали бы француза или тот сам бы улетел, Нину собирался выпустить. То есть «мальчики» с приличной суммой в карманах сели бы на сочинские или ташкентские рейсы, а Нина в один прекрасный день проснулась бы в своей квартире. Еще, говорит, не стал бы убивать ее в любом случае, потому что очень она ему понравилась. Собирался, как он выражается, «поухаживать». Ты извини, что я все это тебе рассказываю.

Комиссар улыбнулся Нагорному. Усталость и раздражение куда-то исчезли с лица комиссара, Нагорный даже укорил себя за излишнюю наблюдательность.

— Ты, конечно, в курсе, — продолжал комиссар, — что прятали они ее в Москве, на квартире у Козырева. Мы получили санкцию прокурора на перлюстрацию почты Дрозда и подключение к его телефону. Но то, что она у Козырева, узнали только в последнюю минуту. Дрозд ему позвонил, когда ты направлялся к его подъезду. Но мы не стали тебя останавливать, да и рискованно уже было. К тому же хотели до конца убедиться, что он и есть Фролов. Рисковали тобой, конечно... Ладно, — комиссар хлопнул ладонями по столу, — ты, кажется, отпуск свой не отгулял.

— Разрешите с завтрашнего дня приступить...

— Не разрешаю! — неожиданно жестко перебил его комиссар и решительно сжал руку в кулак. — Приказываю отбыть в очередной отпуск. И спорить не советую!

Пораженный внезапной переменой, Александр смотрел на комиссара, а тот, как будто нарочно избегая взгляда своего подчиненного, взял из стакана с карандашами маленькую обгрызанную трубочку. Александр знал, что комиссар не курил уже лет пять — легкие пошаливали. Но теперь комиссар вытянул нижний ящик стола и достал старую расплюснутую пачку «Золотого руна». Табак слежался и пересох, но комиссар набил этими потерявшими былой аромат крошками трубку и поднял глаза на Александра.

— Товарищ комиссар... — тихо и вопросительно начал Александр.

В зубах у комиссара была трубка, и Александру показалось, что он просто не расслышал. Но комиссар пододвинул к себе квадратик мелованной бумаги и принялся что-то писать своим убористым и четким почерком. Записки с поручениями от комиссара Нагорный часто получал именно на таких квадратиках, подколотых скрепкой к обложке очередного «Дела». Что же комиссар поручает ему теперь, после столь странного разговора? Комиссар поставил восклицательный знак, перевернул записку и подвинул к Нагорному.

«Ты геолог, художник, просто здоровый мужик. Как-нибудь перебьешься. Потом погляди. А сейчас уходи по собственному. Уходи, Христом-богом прошу!»

Пожалуй, первый раз за всю их многолетнюю совместную работу комиссар призвал в союзники Христа. Не понимая, что происходит, но инстинктивно чувствуя, что творится нечто недопустимое, и остро ощущая собственную правоту, Александр взял из стакана на столе комиссара грифельный красный карандаш и два раза решительно перечеркнул написанное.

Комиссар, не выпуская из зубов незажженной трубки, медленно покивал, взял свою записку, свернул фитильком, вытащил из ящика стола коробок спичек. Чиркнул, поджег бумажный фитилек и с его помощью раскурил трубку. Остатки бросил в пепельницу. Затянулся, закашлялся, его глаза покраснели и наполнились слезами — скорее всего от резкого приторного дыма...

— Свободен,— глухо бросил он Александру, не глядя взял со стола какую-то папку, раскрыл ее и стал торопливо листать, словно ему срочно нужно было найти что-то очень важное, а Александр Нагорный, его любимый ученик, его ближайший сотрудник, очень ему мешал, как назойливый посетитель.

Александр медленно вышел из кабинета, ожидая, что сейчас комиссар окликнет его.

Он ждал этого, когда шел через' приемную. Сидя в своем кабинете, а потом дома, он все ждал, что комиссар ему позвонит...

От автора.

О том, как дальше развивались события, я узнал несколько позже от Нины. Внимательный читатель, должно быть, помнит, что Саша назвал счастливыми дни, проведенные на моей даче. Действительно, через неделю после того, как Саша познакомил меня с Ниной, состоялась их свадьба. К сожалению, на свадьбе я присутствовать не смог — буквально за день мне пришлось вылететь на конференцию в Новосибирск, мой коллега, который должен был представить там наш институт, внезапно заболел, и мною, как водится в таких случаях, «заткнули дырку». Вернувшись, я не стал звонить Нагорному — я знал, что молодые (вернее, как шутил Саша, «немолодые») уехали на три недели к морю. Потом меня закрутили дела, но все же я изредка вспоминал Сашу. Я вспоминал о нем и слегка обижался, что он сам не объявляется — как-никак, думал я, ключи от моей дачи оказались ключами от его семейного счастья (пусть снисходительный читатель простит старому математику столь выпендренную фразу) и поэтому я вправе рассчитывать на особое внимание к своей скромной персоне. Но шел месяц за месяцем, Нагорный не объявлялся, и однажды вечером я все же решил позвонить ему сам.

Трубку сняла Нина. Я поздоровался с ней, задал несколько стандартных вопросов из числа тех, что не требуют ответа — «как дела?», «как здоровье?», — получил столь же стандартные ответы и, наконец, позвал к телефону Сашу.

— Его нет,— ответила Нина.

— На работе? — спросил я. — Опять распутывает очередной загадочный клубок...

— Нет,— сухо перебила меня Нина. — Он гуляет.

Меня удивила непонятная горечь в ее голосе. Но я не мог поверить, что у Саши с первых же месяцев семейной жизни нелады. Не мог я верить и в то, что Нина — даже если бы какая-то разговаривавшая и случилась — могла бы сразу поведать об этом малоизвестному человеку, да еще в такой грубоватой форме. «Гуляет». Странно.

— Ради бога, извините меня,— начал я после некоторой паузы. — Вы сказали, что он...

— Гуляет,— невесело усмехнулась Нина. — По бульвару, под окнами. Вот, я сейчас его вижу, на скамейку сел, с Робином.

— Простите? — не понял я. — С кем?

— Саша завел щенка, бросил курить, — сказала Нина. — Много гуляет с собакой.

— Ну и прекрасно!

— Сергей Сергеевич, а вы ничего не знаете?

Разумеется, я ничего не знал... Через час я уже сидел у них в квартире. С Сашей я толком поговорить не сумел. Он вошел в дом буквально следом за мной, ничуть не удивился незваному гостю, кивнул мне так, как будто мы и не расставались. Успокоив кинувшегося на меня щенка — молодого, но очень бойкого спаниеля, — он скрылся в комнате, плотно притворив за собою дверь. Я услышал, как он вертит диск телефона. Нина чуть подняла брови и выразительно взглянула на меня — видите, мол, что с ним творится...

Мы сидели на кухне, Нина поила меня крепким чаем и негромко рассказывала, что Саша сильно переживал неожиданную перемену, которая произошла в их отношениях с комиссаром. Но в конце концов Нина, по ее словам, сумела убедить его, что все это связано с нагоняем, который комиссар мог получить у замминистра за нарушения, допущенные при взятии штурмом квартиры Дрозда, а также, разумеется, за убитого при захвате сообщника. Как бы то ни было, впереди были отпуск, поездка к морю, и Саша почти забыл о неприятном и немного загадочном финале этой истории. Но то, что ожидало его после отпуска, превзошло самые худшие предположения. Все сделанные Сашей промахи, все процессуальные нарушения, даже самые наимельчайшие, до которых не докопался бы и самый дотошный адвокат, — все было собрано в единый букет чьей-то тщательной и недоброй рукой. Ко всему этому Саше вменялась в вину nepозволительная и безответственная инициатива — ведь дела с участием иностранных граждан должны расследоваться органами госбезопасности. Тем более если речь идет о политическом преступлении, каковым является дело Дрозда. Ведь суть этого дела была ясна с самого начала, поэтому и надо было с самого начала подключить чекистов, а не путать все карты из-за своего сыщицкого гонора — так или примерно так в Нинином пересказе говорил Саше незнакомый ему майор из Управления кадров, вручая копию приказа об увольнении.

— Об увольнении? — переспросил я.

— Представьте себе, — устало вздохнула Нина. — Сейчас он работает юрисконсультom в издательстве «Изобразительное искусство». У него много свободного времени, он закопался в книгах по живописи. Изучает творчество Амедео Модильяни...

— При чем тут Модильяни! — я возмущенно взмахнул рукой. — Блестящего сыщика уволили, можно сказать, выкинули на улицу, а он себе смиренно книжечки почитывает, зарубежное искусство изучает... Неужели он не протестовал?

— Пытался, — вздохнула Нина. — Но безрезультатно. Впрочем, он сам говорит, что формально все правильно. Наверное, так и есть.

— «Формально правильно, а по существу — издевательство!» — процитировал я знаменитую фразу Ленина. — Нина, да как вы можете?.. Знаете, я не милиционер, не юрист, но я прожил жизнь... Нет, Нина, вы не подумайте, я горячий сторонник законности, скрупулезной законности во всем, ее нам порой так не хватает. Но, Нина, нельзя же до абсурда доходить! Ведь тогда любого участкового за мирную беседу с жильцом можно, наверное, по десяти

статьям упечь! Почему в квартиру вторгся без санкции, почему допрос без протокола, почему не разъяснил жильцу его права и т. д. и т. п... Нина, поверьте мне, здесь все не так просто... Формально правильно! — я всплеснул руками. — Формально все всегда правильно. Я не юрист, повторяю, но знаете, у нас бывает, если студенты поднимают какую-то бучу, то у зачинщиков непременно оказываются и прогулы, и незачет по физкультуре, и их формально совершенно правильно отчисляют... Хотя другие с прогулами и незачетами преспокойненько получают дипломы. Иные даже в академики выходят... — я глотнул чаю и закашлялся. — Нина, простите, я слишком кипячусь, может быть... Но сами судите — что Сашиним сотрудникам, когда они слышали, что делается за дверью, надо было быстренько бежать к прокурору, получать санкцию на взлом?

— Кстати, о прокуроре, — вдруг раздалось у меня за спиной. Я обернулся. Саша стоял в дверях кухни. Наверное, он слышал мои возмущенные тирады.

— Кстати, о прокуроре, — повторил он. — Вы помните, речь шла о прокуроре, который дал санкцию на прослушивание телефона Дрозда? Я только что до него дозвонился. Жаль, нет здесь Ершова, он бы скорее его разыскал...

— Разве прокуроров тоже надо разыскивать? — удивился я.

— Иногда приходится, — усмехнулся Саша. — Особенно, когда их без видимых причин увольняют со службы. Что же касается Модильяни, то в СССР его картин нет. Нет, да и откуда взяться, — задумчиво произнес он. — Бедный Амедео жил в бедности, рано умер, и все его картины наперечет. Именно наперечет... — Саша прошелся по тесноватой кухне, остановился у окна. — Но тем не менее... — И он надолго, как мне показалось, замолчал, глядя в окно.

— Я налью тебе чаю, — прервала молчание Нина.

— И тем не менее, — словно не слыша ее, протянул Саша, — эта картина, которую Дрозд выставил на комод — подлинник. «Две танцовщицы в желтом трико». Почему он ее выставил? Тщеславие? Хвастовство? Но перед кем? Глупость? Наверяд ли... Наверное, просто не рассчитывал, что кто-то может узнать малоизвестного у нас художника. А экспертов из «Эрмитажа» он в гости, очевидно, не ждал...

— Вот и прокололся! — я радостно потер руки. — Ты, Саша, хоть и не эксперт из «Эрмитажа»...

— Я прокололся, я! — с неожиданной злостью перебил меня Саша. — Да, именно я, в тот самый момент, когда вслух опознал этих чертовых... простите, этих выдающихся «Двух танцовщиц».

— Саша, что все это значит? — помотал головой я.

— Это значит, глубокоуважаемый профессор, что дело Фролова-Дрозда пока так и останется неоконченным. И я боюсь, что окончится не скоро...

ЗАЧЕМ ПАРИКМАХЕРУ МИНИСТР?

Какие интересные открытия совершались у нас в ушедшем году! Вот, скажем, в сфере экономики! Оказывается, экономические законы абсолютно не подчиняются командам Минфина, Госплана и Госкомцен. Более того, эти законы не могут быть произвольно изменены даже самыми сердитыми распоряжениями высоких руководителей ведомств.

Вот и я тоже недавно сделал открытие. В психологии. Я открыл психологию пары! Не путать с парапсихологией, которая к нашей действительности пока отношения не имеет.

Натолкнула меня на открытие сама жизнь. Однажды, выходя из парикмахерской, где мастер виртуозно сотворил мне прическу, вспомнил я, как один известный и уважаемый товарищ публично задал вопрос:

— Зачем парикмахеру министр?

Вопрос в общем-то риторический. А вот если бы уважаемый и знаменитый товарищ переставил слова, вопрос стал бы совершенно конкретным и звучал бы так:

— Зачем министру парикмахер? — конечно, в глобальном смысле. И когда я нашел ответ на этот вопрос, меня осенило: это же просто, как копеечный коробок спичек.

В парикмахерском случае главное — психология. Не вообще, а психология пары. Что это такое — сейчас объясню.

Представьте себе двух партнеров, пару. У одного есть власть, но нет денег. Второй, наоборот, властью не обладает, но прилично зарабатывает собственным трудом. Улавливаете? Парикмахеры дают министру, точнее, его ведомству колоссальную прибыль. Только в Российской Федерации парикмахерское производство приносит в год где-то шестьсот миллионов рублей. Из них около половины чистейшая прибыль. И 70—80 процентов этой суммы можно положить на министерский счет, а затем израсходовать на разные убыточные мероприятия, к парикмахерскому искусству отношения не имеющие. А парикмахеры взамен получают честь и право исполнять руководящие министерские ЦУ.

Этот экономический пассаж ничем иным, кроме психологии пары, объяснить невозможно. Властный приказывает и забирает, ис-

полнитель зарабатывает и отдает. А вопрос «зачем парикмахеру министр?» пока что остается без ответа.

Тут-то со всей ответственностью я должен заявить: будь это чисто парикмахерский случай, возможно, не стоило бы тратить на него нервную энергию и делать открытие. Но это никакой не случай, это типичный результат внедрения в нашу жизнь той самой парapsихологии... простите, оговорился, психологии пары. Она завоевала себе прочное место под солнцем: в сфере услуг, в торговле да и в экономике вообще, которая в любой ипостаси в конце концов отражается на нас.

Приспичило как-то недавно одной знакомой бабушке купить себе теплое пальтишко. В магазине «Одежда» ей очень вежливо сказзали:

— Пожалуйста, бабуля, только у нас все «пальтовые» изделия с индексом «Д». Как на вас, оно потянет, то есть будет стоить, рублей шестьсот пятьдесят...

— Господь с тобой! — воскликнула бабуля и потопала в другой магазин, где ей благосклонно предложили пальтишко с индексом уже не «Д», а «Н», которое стоило всего-то пятьсот девяносто один рубль.

Наша бабушка вынуждена была остаться при своем ветхом зимнем обмундировании, так как собрать нужную сумму в течение ближайших лет не рассчитывала...

Впрочем, подобные примеры можно привести не только с бабушками, но и с внуками, работающими, скажем, библиотекарями или медсестрами. А можно и с начинающими врачами и другими, у которых зарплата не зависит от качества их работы, квалификации, профессионализма и пр. Все мы находимся в психологической паре с теми, кто производит одежду, обувь и т. д. Хотят они улучшить свое материальное положение, увеличить премии, расширить фонды на социальные нужды, и мы, как ни крутись, ничего не выкрутим. Станем платить или поневоле будем одеты, как тот знаменитый король... Потому что нет у нас пока билля о правах потребителей. Ведь в году, с которым мы только-только расстались, удельный вес товаров с различными буквами, гримирующими рост цен, составил почти половину общего годового объема производства. И это, видимо, еще не вечер. Заставлять нас платить за благополучие некоторых производителей можно и другими путями.

Оторвемся на время от экранов телевизоров и взглянем на тех, кто их производит. В прошлом году было выпущено около десяти миллионов цветных телевизоров, которые все, без остатка, раскуплены нами. Не станем сейчас вдаваться в подробности телевизиорного да и другого-прочего ажиотажа. Будем считать, что все хотят иметь новенький телек, или еще один добавить к имеющемуся, или еще бог знает почему. Вникнем в другое. Наверное, не каждый знает, выкладывая семь-восемь, а то и больше сотен рублей, что он оплачивает и свое будущее благо — гарантийный ремонт. Стоимость этого предполагаемого деяния, оказывается, включена в цену дорогостоящей покупки.

Благодаря колоссальным успехам нашей промышленности, добившейся того, что уже не каждый телевизор требует гарантийного ремонта, значительная часть покупателей платит денежку «за так». За ничего. Ради благополучия ведомстаа, сотворившего оригинальную потешку с гарантией своей работы за... наш счет.

И живем мы, обладатели новых телевизоров, в психологической паре с ведомством, производящим «волшебные ящики». Скажите, нужна нам, потребителям, такая «парная» обираловка? Предвижу недвусмысленный ответ. А мы нужны ведомству? А как же! Ведь, покупая его продукцию, мы платим еще и за брак, оплачиваем своими кровными чью-то халтуру. В этом и заключается прелесть и мерзость психологии пары. А нам деться некуда. У нас пока что полная монополия производителей. И нет у нас заводов, вневедомственных или на арендном подряде, которым НЕВЫГОДНО выпускать плохую продукцию, так как ее просто перестанут покупать...

Кстати, наши убытки, а свои барыши в этой ситуации высокопоставленные иждивенцы прикрывают государственным интересами. Мол, если всю эту психологию побоку и, как принято там, за бугром, менять брак на качественные телевизоры, а гарантийный ремонт делать за счет бракоделов,— государство понесет большие убытки. Как будто государство — это не мы с вами, а только ведомства. С их многоэтажной точки зрения, благополучие граждан к благополучию государства имеет такое отношение, как пара сапожек к парапсихологии.

Между прочим, все вышесказанное относится не только к телевизионной эпопее, но и к магнитофонной, холодильниковой и прочим.

Психология пары, говоря языком медиков, явление остроинфекционное. Оно поражает быстро и основательно, например, учреждения любых рангов, профилей и сфер, где есть профессионалы создания видимости напряженной работы и кровной своей необходимости при полнейшей и абсолютной ненадобности.

Довелось мне как-то побывать в тресте, который не лопнул только потому, что присовокупил к себе в качестве партнеров — подчиненных несколько самостоятельных стройуправлений. Любому, даже постороннему на этом поприще человеку невооруженным глазом видно, что трест нужен исключительно «озарплативаемым» в нем. Главная его забота, стержень его стройтворчества — получение указаний от вышестоящих и передача их подчиненным. А затем наоборот — получение от подчиненных сведений, скрепление их крупной металлической скрепкой и транспортировка наверх, где их, к слову, никто и никогда не читает. Впрочем, как и в самом тресте.

Видел я там многопапачный проект предстоящей стройки, перевязанный толстой бечевкой еще в проектной организации и переправленный строителям через трест, где злополучную веревку даже не пытались развязать.

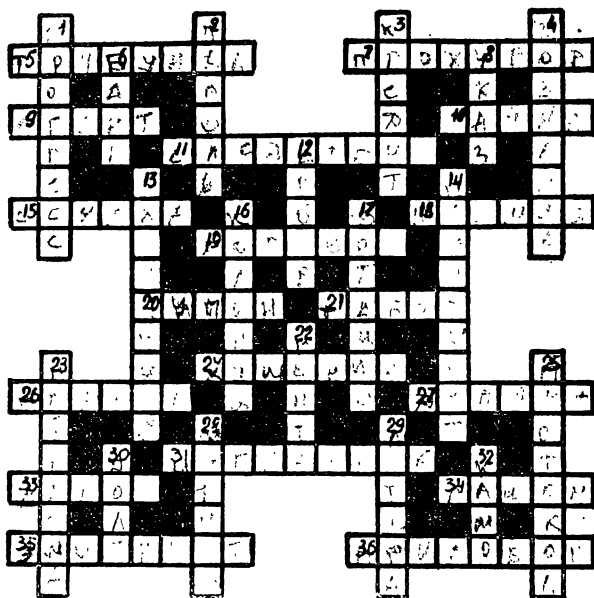
А шум вокруг «квазитреста», как на стадионе, когда мяч влетает в ворота. Вот такая трестофилия...

Варианты психологических пар и создания видимости работы можно перечислять до бесконечности. Но смысл их ясен, как достоинства очередной королевы красоты...

А как радостно было бы первый в новом, 1990 году фельетон заключить словами: это было, было да и кануло в Лету...

Но не будем унывать и со значительной долей надежды зададим вопрос: что год грядущий нам готовит? А спросить мы должны самих себя, поскольку тем реальнее станут надежды, чем скорее мы поймем, что грядущее зависит только от нас самих...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 5. Суд, рассматривающий дела о преступлениях военнослужащих, военнообязанных. 7. Должностное лицо органов прокуратуры. 9. Лицо, действующее по поручению кого-либо. 10. Нечто, скрываемое от других, известное не всем, секрет. 11. В уголовном процессе собрание и проверка доказательств по уголовному делу. 15. Вид уголовного наказания. 18. Одна из форм поощрения за успехи, достигнутые в труде и другой общественно полезной деятельности. 19. Соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. 20. Часть ценной бумаги, которая предъявляется для получения процента или дивиденда. 21. Группа кочевых цыган, часть которых связана родством. 24. Умышленное противоправное изъятие чужого имущества с целью обращения его в свою пользу. 26. Производственный календарный план выпуска продукции предприятием. 27. Спекулятивная биржевая сделка, заключаемая в расчете на понижение курса ценных бумаг с целью получения курсовой разницы. 31. Глава уездной полиции в России. 33. Сокращенное

название языка программирования. 34. Административно-территориальная единица в СССР. 35. Лицо, добровольно или вынужденно покинувшее свою страну и поселившееся в другой стране. 36. Решение суда о виновности или невиновности подсудимого и о наказании, если виновность установлена.

По вертикали: 1. Движение вперед, успех. 2. Секретное слово. 3. Предоставление денег или товаров в долг. 4. Вид предварительного расследования правонарушений. 6. Учреждение, аккумулирующее денежные средства и накопления. 8. Нормативный акт, издаваемый высшим органом государственной власти. 12. Собрание светских и духовных чинов для совета и решения важнейших дел России XVI—XVII в. в. 13. Телесное наказание. 14. Преобладающее значение какого-либо нормативного акта. 16. Страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства, лишенная политической и экономической самостоятельности. 17. Ассигнования из государственного бюджета. 22. Доход, не связанный с предпринимательской деятельностью. 23. Сложный теоретический или практический вопрос, требующий изучения и разрешения. 25. Официальный документ, в котором фиксируются какие-либо фактические обстоятельства. 28. Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом. 29. Прямоугольный брусок из типографского сплава, дерева или пластмассы с рельефным изображением буквы. 30. Категория этики, нравственной обязанности человека, выполняемой из побуждений совести. 32. Деятель российского революционного движения, организатор партизанских отрядов и партийного подполья на Кавказе, юге России.

Составитель А. БАЛИН

г. ДНЕПРОПЕТРОВСК

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 7. Коррупция. 8. Приоритет. 9. Консенсус. 10. Прослойка. 11. Помощник. 14. Агитация. 15. Одран. 16. Платформа. 22. Данте. 24. Расправа. 25. Владение. 26. Стереотип. 27. Верещагин. 28. Протекция. 29. Фронтоник.

По вертикали: 1. Пересмотр. 2. Депонент. 3. Яновский. 4. Приложение. 5. Болотова. 6. Рескрипт. 12. Команда. 13. Брифинг. 14. Андреев. 17. Квартира. 18. Императив. 19. Степанова. 20. Приличие. 21. Бабочкин. 23. Таверны.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Проценко прав.

Взимание процентов по договору займа допускается только в случаях, установленных законодательством Союза ССР (это касается в основном заемных отношений кредитных учреждений со своей клиентурой), а также по заемным операциям касс общественной взаимопомощи и ломбардов (статья 270 Гражданского кодекса РСФСР). Договор займа, заключенный между гражданами, является безвозмездным.

Задача 2

Исковая давность — срок, в течение которого обладателю нарушенного права предоставляется возможность принудительно удовлетворить свое требование через суд, арбитраж или в ином, предусмотренном законом, порядке. В данном случае — это срок, в течение которого в судебном порядке можно требовать возврата долга. Общий срок исковой давности в правоотношениях с участием граждан — три года (статья 78 ГК РСФСР). Он применяется в отношении большинства обязательств, в том числе и при договоре займа.

Если требование о возврате денег предъявляется по истечении трех лет со дня наступления срока платежа, суд в иске отказывает. Но суд может признать причину пропуска срока исковой давности уважительной и восстановить его (статья 87 ГК РСФСР). В судебной практике длительная командировка, как правило, признается уважительной причиной.

Однако даже и в том случае, если срок исковой давности пропущен без уважительной причины, но должник по его истечении добровольно исполнил свою обязанность (в нашем примере вернул деньги), он не вправе требовать исполненное обратно, хотя бы в момент исполнения он не знал об истечении давности (статья 89 ГК РСФСР).

Задача 3

Договор дарения на сумму свыше 500 рублей должен быть нотариально удостоверен (статья 257 ГК РСФСР). Как следует из содержания задачи, это сделано не было. Несоблюдение нотариальной формы сделки в случае, когда это требуется по закону, влечет за собой ее недействительность (статья 47 ГК РСФСР). Поэтому брат должен вернуть ковер Басову (статья 48 ГК РСФСР).

Сдано в набор 27.10.89. Подписано в печать 24.11.89. А 00716.
Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл.
кр.-отт. 7,56. Уч.-изд л. 9,40. Зак. 1425. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Отпечатано 3 000 000 экз. (из общего тиража 9 060 000 экз.)
с матриц ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Ирпика»
в типографии № 2 ордена Ленина комбината печати издательства
«Радянська Україна». Киев, Апри Барбюса, 51/2. Зак. 147.

— Неужели и теперь не ясно, куда девались 12 тонн моркови с моей базы!..

Рис. Н. Щербакова

— Слушай, дорогой, а что ты подаришь к Новому году моей снегурочке!

Рис. С. Богачева

60 коп.
Индекс 71075

Эти снимки наш фотокорреспондент В. Зимин сделал в Калининской области. Он не стал предлагать в номер украшенную игрушками новогоднюю елку, объясняя, что лучший праздник — это свидание с природой, свежим воздухом, красотой родной земли.

Пусть же каждый из вас, дорогие читатели, в Новом, 1990 году при всей вашей занятости и хлопотах найдет возможность для хорошего отдыха, физкультуры, спорта. Доброго вам здоровья и долголетия!

С НОВЫМ ГОДОМ!

